

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

„СЛОВО
О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“

И

ПАМЯТНИКИ
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
XI-XIII ВЕКОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

„С Л О В О
О П О Л К У И Г О Р Е В Е“
И
ПАМЯТНИКИ
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
XI-XIII ВЕКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД
1 9 6 8

Редакционная коллегия:

акад. *М. П. АЛЕКСЕЕВ*, член-корр. АН СССР *Д. С. ЛИХАЧЕВ*,
канд. филол. наук *О. В. ТВОРОГОВ* (ответственный редактор)

Основные вопросы поэтики «Слова о полку Игореве»

Высоко оценив поэтические и идейные достоинства «Слова о полку Игореве», уделив много внимания его изучению и горячей защите его древности, А. С. Пушкин считал это произведение исключительным для своей эпохи: «„Слово о полку Игореве“ возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности»;¹ «к сожалению, старинной словесности у нас не существует. За нами темная степь и на ней возвышается единственный памятник: „Песнь о полку Игореве“».²

Прошло более ста тридцати лет с тех пор, как были сказаны эти слова. Русская культура XI—XII вв. за эти годы раскрылась во всей ее широте и значительности, в частности трудами многочисленных исследователей убедительно доказан высокий уровень литературного мастерства этого времени. И все же недооценка идейно-художественного значения литературы XII в. продолжает еще сказываться, особенно в трудах некоторых зарубежных литературоведов, и этим объясняется, видимо, то, что все еще упорно не прекращаются попытки перенести создание «Слова о полку Игореве» в другую эпоху, причем границы этой эпохи отодвигаются до XVIII в. включительно. Сознательно или неосознанно за этими попытками стоит убеждение, что писатель конца XII в. не был подготовлен всем предшествующим ходом развития русской литературы и литературного языка для создания такого выдающегося памятника.

«Исторический и политический кругозор» автора «Слова» очерчен во всей его широте. Идейное содержание «Слова» как памятника остро публицистического, глубоко патриотического раскрыто историками и литературоведами с полной убедитель-

¹ А. С. Пушкин. О ничтожестве литературы русской. — А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. VII, 2-е изд., М.—Л., 1958, стр. 307.

² А. С. Пушкин. Наброски статьи о русской литературе. — Там же, стр. 226.

ностью. Но есть еще существенные пробелы в изучении тех стилистических средств, какими располагала русская литература конца XII в. для художественного воплощения в слове сложного идейного замысла автора.

Вот почему тема «„Слово о полку Игореве“ и русская литература XI—XIII вв.» продолжает привлекать к себе внимание литературоведов, и конечной целью ее разработки должно явиться полное обоснование того, что при всем своеобразии этого гениального произведения оно так же закономерно включается в литературный процесс своего времени, как творчество Пушкина выросло на почве, подготовленной его предшественниками.

I

Двенадцатый век в развитии русской материальной и духовной культуры может быть назван «золотым веком», как именуют это время в истории соседней, грузинской, культуры. Стоит вспомнить получившие мировую известность памятники белокаменного зодчества этого времени, работы резчиков по камню, ювелиров, монументальную фресковую живопись владимирских и новгородских храмов XII в., широкое проникновение светских бытовых элементов даже в церковное по назначению искусство, исключительное внимание мастеров к совершенству формы, гармонии цветовых сочетаний, эмоциональной выразительности живописных и скульптурных изображений. Литературная культура XII в. находилась на таком же высоком уровне.

Конец XI и начало XII в. ознаменовались созданием таких произведений, которые на многие века остались образцовыми. Повесть временных лет определила надолго направление русского исторического повествования: ее лучшие идейные и художественные качества — глубокий патриотизм, документальная точность рассказа о событиях и рядом стремление дать идеальные образы князей — защитников Русской земли, смелое обращение к народной памяти для восстановления событий дописьменного периода русской истории, выразительный живой язык, в дидактических отступлениях переходящий в искусно отработанную речь византийско-болгарской литературы, — всё это совершенствовалось и углублялось в летописании XII в., широко развивавшемся в разных областях Русской земли. Первое русское путешествие — «Житье и хоженье Данила Русьския земли игумена» — с начала XII в. вплоть до XVII в. стало классическим образцом для большинства описаний «чужих земель». «Житие Феодосия Печерского» наметило своеобразный путь развития русской агно-биографической литературы. Так блестяще начался XII век, продолжая литературную работу писателей второй половины XI в. Замечательное по своему своеобразию «Слово Даниила Заточника», торжественное ораторство

«русского Златоуста» — Кирилла Туровского и гениальное «Слово о полку Игореве» завершают XII век, передавая достижения литературы «Летописцу» Даниила Галицкого, «Слову о гибели Русской земли» и циклу произведений, прямо связанных с темой татаро-монгольских нашествий 1237 и 1240 гг.

Насколько усовершенствовался в XII в. русский литературный язык, видно и из того, какие успехи сделало в это время мастерство перевода. Стоит сравнить сделанный в середине XI в. местами довольно еще тяжелый по языку перевод греческой Хроники Георгия Амартола с блестяще выполненным в XII в. переводом памятника мирового значения — «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. Переводчика XI в. В. М. Истрин характеризует как представителя той литературно-переводческой школы, достаточно технически опытной, которая «в общем» ставила задачей дать буквальный перевод греческого оригинала, хотя иногда прибегала к «свободному обращению» с оригиналом.³ Исследователь же переводов Иосифа Флавия Н. А. Мещерский имел полное основание дать этому переводу такую характеристику: «Хотя древнерусский перевод „Истории Иудейской войны“ Иосифа Флавия и опирается на иноязычный источник, мы имеем право рассматривать его как один из ценнейших памятников древнерусского литературного языка старшей формации Киевской эпохи. Автор древнерусского поэтического переложения, каким в сущности является перевод, сумел применить в своем труде все богатство лексики, фразеологии, словообразовательных возможностей, которые к тому времени были уже накоплены в языковой культуре Киевской Руси».⁴ Действительно, переводчик пользуется обоими типами литературного языка XII в. — книжного и народного (определения акад. В. В. Виноградова), прибегает к деловой и живой разговорной речи. Воинский стиль русских летописей и исторических повестей, применяемый переводчиком в боевых картинах, свободно сочетается у него с ораторским стилем речей; натуралистические описания голода в осажденном Иерусалиме включают живую разговорную речь; деловой язык привлекается для изображения гордских укреплений. В целом при этом разнообразии применяемых языковых средств перевод обнаруживает и высокое мастерство переводчика, и богатство языка, способного передать сложное и разнообразное содержание такого значительного памятника мировой литературы.

В русской литературе XII в. происходит начатое еще в XI в. освоение опыта византийско-болгарской литературы прежде всего в области создания литературных жанров. Процесс этот еще очень

³ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. II. Пгр., 1922, стр. 415.

⁴ Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, стр. 121.

слабо изучен литературоведами, и пока приходится ограничиваться лишь отдельными наблюдениями. Между тем литература XII в. представляет большой интерес именно с точки зрения создававшихся в ней жанров, так как в это время намечается выход ее на путь самостоятельного развития устоявшихся жанровых форм, переданных на Русь через болгарские переводы. Поиски новых вариантов этих извне усвоенных жанров происходят в XII в. с учетом достижений устного народного творчества, которое продолжало интенсивно развиваться рядом с письменной культурой.

Уже в XI в. построенное в форме богословского рассуждения о преимуществах Нового завета перед Ветхим заветом публицистическое рассуждение митрополита киевского Иларiona, утверждающее церковную и политическую независимость молодого Русского государства от притязаний Византии, переходит в «славу» русским князьям-просветителям Владимиру и Ярославу и Русской земле. В этой «славе» переплетаются элементы церковного панегирика и исторических дружинных песен, воспевавших «великаго кагана наша земля Владимера, внука стараго Игоря, сына же славнаго Святослава, иже в своя лета владычествующа, мужьством же и храбрьством прослуша в странах многих и поминаются ныне и словут. Не в худе бо и не в неведоме земли владычествоваша, но в Руской, яже ведома и слышима есть всеми конци земли». В обращении к умершему Владимиру — «Встани ... отряси сон ... Встани, виждь чадо свое Георгия» — звучит отголосок народного образа «смерть—сон», часто влетающего в причитания, хотя за этим обращением следует картина расцвета христианизированной Русской земли. Повесть временных лет, воспринявшая в самом истолковании смысла событий мировой и национальной истории историософию византийских хроник, словами народных преданий описывает прошлое Русской земли, перемежает повествование то «словом о казнях божиих», то живым красочным рассказом попа Василия об ослеплении Василька Теробовльского. Владимир Мономах соединяет в своем Поучении схему апокрифического завета патриарха и поучений «отца к сыну», «Ксенофонта еже глагола к сынома своима» и «Феодоры» к сыну, с которыми он мог быть знаком еще по «Изборнику», составленному в 1076 г. по приказанию его деда Святослава из книг, собранных прадедом — Ярославом Мудрым. Однако учительная схема этих поучений, свободное цитирование Псалтыри переходит под пером Мономаха в живой рассказ о его воинских «трудах» — «путях» — походах и подвигах смелого охотника. В этом скупом описании междукняжеских «усобиц» и в рассказе о том, как и он сам не раз «пожег землю и повоевав» своих противников — русских князей, разгнал и брал «полон» у половцев, ехал «сквозе полкы половецьские», а они лишь «облизахутся на нас акы волцы стояще», — во всей этой части уже нет и следа тех образцов, которыми был подсказан, возможно, самый замысел Поучения.

Самостоятельный как летописец, Нестор и как агиограф свободно отходит от требований жанра, перенесенного на Русь славянскими переводами византийских житий, вносит в идеализированный образ святого противоречащие ему черты, показывает такие жизненные ситуации, в которых проявляются запретные для инока настроения. Самое изложение житийной биографии обогащается лучшими приемами исторического повествования, причем в поле зрения этого старшего русского агиографа попадают такие явления повседневного быта, которые не останавливали на себе внимания Нестора-историка. Так, в конце XI в. создается своеобразный жанр, сочетающий каноническую схему византийского жития с четкостью рассказа и выразительностью прямой речи, выработанной в русском историческом повествовании.

Не менее чем на два десятилетия старше «Слова о полку Игореве» другое «Слово», приписываемое «Даниилу Заточнику». Неизвестный автор этого «замечательного и едва ли не самого загадочного и спорного памятника древнерусской литературы»⁵ обнаруживает широкую начитанность в переводной учительной литературе, в книжных афоризмах, но смело соединяет их с мудростью «мирских притч». Он использует приемы торжественного ораторства («Въстругим яко во златоконные трубы, в разум ума своего. . .» и т. д.) и в то же время «в своей образной системе больше, чем какое-либо другое произведение русской литературы XI—XIII веков, опирается на явления русского быта».⁶ Книжная риторика и балагурство, остроловие скоморошьяго стиля причудливо сплетаются в этом «загадочном» произведении. Его автор владеет и богатствами переводной литературы, и живой русской речью, и скоморошьям устным творчеством. Жанровое определение — «Слово» — не помешало объединению этих разнородных струй в стройное целое. Был создан неповторенный в будущем своеобразный жанр, получивший при одной из переделок начала XIII в. (а может быть, и в первоначальном виде?) название «Моление».

За рассмотренными примерами включения в рамки определенного литературного жанра элементов устных жанровых систем хронологически следует и «Слово о полку Игореве». И. П. Еремин в статье «Жанровая природа „Слова о полку Игореве“»⁷ критически пересмотрел мнения предшествующих исследователей, по-

⁵ Н. Н. Воронин. Даниил Заточник. — В кн.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967, стр. 54.

⁶ Д. С. Лихачев. Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника. — ТОДРЛ, т. X. 1954, стр. 109.

⁷ И. П. Еремин. Слово о полку Игореве. (К вопросу о его жанровой природе). — Ученые записки ЛГУ, № 72, Серия филологических наук, вып. 9, Л., 1944, стр. 3—18. Под заглавием «Жанровая природа „Слова о полку Игореве“» статья перепечатана в книге: И. П. Еремин. Литература древней Руси. М.—Л., 1966, стр. 144—163.

разному определявших жанр «Слова», включавших его то в песенные, то в повествовательные виды литературы, и кратко изложил свою точку зрения на «Слово» как на «произведение ораторского искусства», «единственный дошедший до нас памятник светского эпидейктического красноречия Киевской Руси». Более подробно этот тезис был обоснован И. П. Ереминым в 1950 г. в статье «Слово о полку Игореве как памятник политического красноречия Киевской Руси».⁸ В этой статье И. П. Еремин вводит в характеристику ораторской природы «Слова» один существенный элемент: «Это, — пишет он, — речь не только агитационная, посвященная острейшей политической проблеме своего времени — обороне границ Русской земли, обличительной критике княжеских „катор“, но одновременно и речь „похвальная“, выражаясь термином той эпохи, написанная во славу князей и дружины, борющихся за „христьяны на поганья плъки“».⁹

Таким образом, все поэтические средства «Слова», по концепции И. П. Еремина, служат его книжному ораторскому жанру. Иначе подошел к вопросу о жанровой природе «Слова» Д. С. Лихачев, сформулировавший итоги своих наблюдений над ней во вступительной статье к изданию прозаических и поэтических переводов и переложений «Слова» в «Библиотеке поэта».¹⁰ В «Слове о полку Игореве» «мы имеем еще не сложившийся окончательно, новый для русской литературы жанр, — жанр нарождающийся, близкий к ораторским произведениям, с одной стороны, и к „плачам“ и „славам“ народной поэзии — с другой».¹¹ Итак, в «Слове» «произошло столкновение жанровых систем, жанровая природа „Слова“ оказалась неопределенной».¹² Концепция Д. С. Лихачева объясняет обилие в «Слове» устно-поэтических образов воздействием на автора определенных устных жанров, но предупреждает: «„Слово“ близко к ним (плачам и славам), но в целом это, конечно, не плач и не слава. Народная поэзия не допускает смешения жанров. Это произведение книжное, но близкое к этим жанрам народной поэзии».¹³

Напомню, что и в «Слове Даниила Заточника», предшествующем «Слову о полку Игореве», произошло аналогичное смешение ораторского жанра с иной формой народной поэзии — скомошьим балагурством, с устными афоризмами, и в итоге жанровая природа «Слова—Моления» также оказалась неопределенной. Как отмечает Д. С. Лихачев, непосредственно соседствует со «Словом

⁸ Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей, М.—Л., 1950, стр. 93—129.

⁹ Там же, стр. 123.

¹⁰ Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, Большая серия, 2-е изд., Л., 1967.

¹¹ Там же, стр. 31.

¹² Там же.

¹³ Там же, стр. 33.

о полку Игореве» и по времени, и по близости к устным «славам» и «плачам» — «Похвала» князю Роману, которой начинается под 1201 г. Галицкая летопись, точнее — та ее часть, которую Л. В. Черепнин определил как «Летописец Даниила Галицкого». ¹⁴

После первого или второго нашествия на Русь татаро-монголов было сложено «Слово о погибели Русской земли», ¹⁵ сохранившееся лишь в отрывке. Оно, по определению Д. С. Лихачева, «плач и слава», «жалость и похвала». ¹⁶ Но в дошедшей до нас части читается лишь «патриотическое и одновременно поэтическое раздумье над былой славой и могуществом Русской земли». ¹⁷ Однако и этой «славе» придает грустную тональность употребление прошедшего времени в воспоминаниях о том, что «покорено было богом крестьянскому языку», как «Литва из болота на свет не выникиваху», а «немци радовахуся, далече будучи за синим морем», и т. д. «Слава» и «плач» слиты во всем замысле писателя. «Тем же грустным воспоминанием о былом могуществе родины, тою же „похвалою и жалостью“ овеяно и третье произведение этого вида — „Похвала роду рязанских князей“, дошедшая в составе повестей о Николе Заразском». ¹⁸

Приведенные примеры XI—XIII вв. показывают, что это было время, когда одно за другим создавались своеобразные литературные произведения, сочетавшие разнородные книжные и устно-поэтические жанры, разные типы художественного и разговорного языка. Рядом с писателем такого, например, рода, как Кирилл Туровский, в совершенстве овладевшим формой византийского торжественного ораторства и создавшим прекрасные русские ее варианты, авторы перечисленных произведений выступают как своего рода экспериментаторы. Они не повторяют путь своих византийско-болгарских учителей, а пытаются в рамки готовых жанров включить формы, идущие от древнерусской устной поэзии, от ее повествовательных, песенных или афористических жанров. В ряду таких писателей автор «Слова о полку Игореве» выделяется тем мастерством, с каким он объединил традиции книжную и устную, слив их в своем неповторимом стиле, подчиненном общей идейно-художественной цели.

* * *

В построении «Слова о полку Игореве» давно было обращено внимание на вступительную часть, где автор вспоминает Бояна и не только темы его песен-«слав», но и его художественную ма-

¹⁴ Л. В. Черепнин. Летописец Даниила Галицкого. — Исторические записки, № 12, М., 1941, стр. 228.

¹⁵ Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965, стр. 110—114.

¹⁶ Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, стр. 34.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, стр. 35.

неру — пылкость воображения, объединение в песнях событий прошлого и настоящего. Сам автор «Слова» собирается начать «повести» «по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню». Относится ли это противопоставление ко всему дальнейшему рассказу или лишь к тому, в какой манере он будет начат, во всяком случае перед нами — размышления автора о способе поэтического изображения событий. Исследователи обычно сопоставляют эти размышления с заявлениями Кирилла Туровского и Константина Манассии.

С наибольшей полнотой сравнение вступления к «Слову» с высказываниями Кирилла Туровского на темы о способе изложения проведено Д. С. Лихачевым.¹⁹ На сопоставлении этого вступления с введением к рассказу о Троянской войне Константина Манассии в его «Хронике» подробно останавливается Р. О. Якобсон.²⁰

Д. С. Лихачев подводит такой итог сравнения вступления к «Слову» с сочинениями Кирилла Туровского: «Все основные элементы введения к „Слову о полку Игореве“ не составляют новшества: колебания в выборе стиля, обращение к предшественнику, противочаставление „притчей“ («по замышлению») — рассказу, „яве“ показывающему (т. е. «по былинамъ сего времени»), и пр. Единственно чем введение к „Слову“ выделяется среди всех приведенных введений — это своим светским характером».²¹

Однако еще в середине XI в. в Хронике Георгия Амартола русский читатель мог познакомиться с рассуждениями о способах изложения исторической светской темы. Текст этого рассуждения, видимо, был труден для переводчика. В полном виде он в изданном В. М. Истриным списке XIII—XIV в. читается так: «Мнози внешних любословци, рекше премудрии, словолюбци, образници же и творьци и временаписци о древних цесарих и о силных, и о какомъ философе и о риторех же и о сущимъ язычникомъ и лихыми словесы и устобеседия словущимъ деяния и вещания и нравы их, комуждо како жития си велеречья и повелениемъ словес писаше, ни благих приимъше, ни благих оставльше, и благосудяще и многымъ (многими) вещи (вещми) и другимъ показаниемъ (доб.: и плесканиемъ), чювьствиемъ же изречениемъ се створиша, о собе пекущеся истинныхъ предания и исповедания человекомъ полезная. Мы же бьшою сущии в утрныхъ (внутрнихъ) недостойнии раби рабомъ господа нашего Исуса Христа, непричастнии суще вънешнии фисология (физиология), рекъше родословья, и кознословия от числа ихъ суще не точью елинскихъ, но (доб. и) древнихъ образникъ, но и новыхъ и велми о доблихъ и велелепыхъ мужь умныхъ сказанисмъ и временописаниемъ изьобразисмъ и учительствомъ душеполезнымъ беседовавъше истину нашимъ желаниемъ, и пре-

¹⁹ Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, стр. 20—22.

²⁰ La Geste, стр. 292 и сл.

²¹ Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, стр. 21.

сещаем (провещаем) страхомъ божиемъ и верою временъника, сего малаго и пременьшая книжица, изложихом сведущих от многа (многихъ) мало прострохом, како с трудомъ събравъше и сложивъше, еже вся же истина непосивна и неукрашена, зело имея твор, добра же и посивна велми волити с дерзновениемъ и вещаниемъ посивнымъ изглаголати, яко паче волити бо с правдою тищати (вещати), некъли с лжею раширятся».²²

С. П. Шестаков дает следующий перевод этого текста: «Многие языческие ученые, логографы, историки и поэты описывали деяния и речи, иногда и образ смерти древних царей и властителей, философов и риторов, людей, славных своим красноречием, но их напыщенные и длинные сочинения с трудом понимались и усваивались массой, так как они писали лишь из пустого тщеславия, из желания приобрести себе громкое имя, нимало не заботясь об истине и полезности своих учений и рассуждений. Я же, недостойнейший раб рабов господина нашего Иисуса Христа, не обладаю ни ученостью, ни красноречием, прочитав не только древние языческие сочинения, но и душеполезные толкования, хронографин и поучения новейших, живших гораздо позже, почтенных и мудрых людей, с тщательностью и осторожностью, в страхе божием и летописной правде составил эту маленькую и ничтожную книжонку, для которой собрал со многим трудом из массы прочитанного лишь то немногое, что может принести пользу, книжку, представляющую всякую истину без прикрас и излагающую события просто, без всякой отделки, но зато содержащую все необходимое и полезное в кратких выражениях и с полнейшей ясностью».²³

Итак, напыщенность («лихые словеса») и красноречье («велеречье») противопоставляются Амартолом заботе об истине — «пекущиеся истинных предания»; простое «неукрашено», но правдивое изложение предпочтительнее «с лжею» пространного. Конечно, монах Георгий Амартол считает предосудительным «велеречье» еще и потому, что оно идет от «елиньских» — языческих — «ритор», он требует «душеполезного учительства», но все же «истину неукрашену» в историческом повествовании он ценит и за то, что, просто изложенная, она понятнее и полезнее людям. Эта мысль в своей основе очень близка к намерению автора «Слова» говорить «по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню», хотя, как увидим, к творчеству Бояня он относился с полным уважением — он для него и «вещий», и «смысленый».

Очень близко рассуждение Амартола о вреде «велеречья», затемняющего смысл, к тому, что содержалось и в учительной византийской литературе. Например, в Пандектах Никона читаем:

²² В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. 1, Текст. Пгр., 1920, стр. 27. (В скобках помещены варианты, исправляющие чтение основного текста).

²³ С. Шестаков. О происхождении и составе Хроники Георгия Монаха (Амартола). Казань, 1892, стр. 25—26.

«Философи и ветии и списатели не обьщих полз ищюще, нъ да како сами тъкмо дивни будутъ, смотряще, аще чьто хытро рекоша, и ти яко же в мраце съставляше, не явлено съкрыша».²⁴ Пандекты Антиоха осуждают «многословесья зла, плетословья, лихословья».²⁵ Пандекты Никона также явно против «мъногословия»: «пагуба мъногословью», «мъногословья мъногашьды ум огъя».²⁶ И житие Федора Студита напоминало: «Не величание глагол и речи ветия душу вестъ съкрушати, нъ смерено слово».²⁷ Древнерусского книжника с XI в. настораживали против излишнего «ветийства», хотя «ветии благочестия», те, кто «ветийствуя благословя владыку спасения нам», — церковные писатели пользовались уважением, почтались.

Таким образом, задолго до Кирилла Туровского в русской литературе было известно аналогичное введению к «Слову» обращение к предшественникам. Амартол отвергает опыт «елинских любословьць», принимая за образец «сказания и временописания» (хронографы) «доблих и велелепых мужь». В своем отрицательном отношении к «елинским» «списателям» он близок к Пандектам Никона. Для Амартола «истина неукрашена», кратко изложенная, предпочтительнее «с лжею» распространенного повествования: «... паче волити бо с правдою вѣщати, некли с лжею раширятся». Пандекты Антиоха и Никона одинаково осуждают это «многословесье, плетословье»; «смерено», т. е. «неукрашено» (у Амартола), слово трогае слушателя-читателя, так утверждает автор жития Федора Студита. Этот призыв к простоте изложения, противопоставленной «велеречью», аналогичен разнице между рассказом «по былинамъ сего времени» и рассказам «по замышлению Бояню». И если Пандекты Антиоха и Никона, автор жития имели в виду изложение религиозной темы прежде всего, то «мних Георгий Амартол» размышляет о способе исторического повествования, т. е. переносит требование ясности и простоты стиля в область светской тематики.

Р. О. Якобсон сосредоточивает внимание на сопоставлении вступительной части «Слова» с предисловием Константина Манассии к рассказу о Троянской войне: «Аз восхотев брань съписати, яко же писавшими прежде пишет ся о ней, и хотя глаголати не яко же Омир съписует, прощениа прося от благоразумных. Омир бо сладким языком и доброумным различными шаровы премудрости украшает словеса, инуду же много обрацает и прелагает».²⁸

Действительно, не осуждая «Омира» — Гомера, Манассия все же сбещает «глаголати не яко же Омир съписует», т. е. как автор «Слова» — «не по замышлению Бояню», но манеру Гомера он опи-

²⁴ Срезневский, I, 497.

²⁵ Там же, II, 29.

²⁶ Там же, 209.

²⁷ Там же.

²⁸ Joan Bogdan. Cronica lui Constantin Manasses. București, 1922, стр. 36.

сывает столь же уважительно, как автор «Слова» — полет поэтической фантазии Бояна. Тем не менее по существу Манассия хочет избежать в своем рассказе о Троянской войне того же отхода от «истины» (Гомер «инуду же много обращает и прелагает»), который мних Георгий сурово называет «лъжей», и так же обещает не «украшать словесы» изложение, хотя и не осуждает «премудрости» и «сладкого языка» Гомера, как Амартол намеревается отойти от «велеречья» «елинских» писателей.

Итак, позиция Манассии в вопросе об отношении к стилю своего предшественника несомненно очень близка к точке зрения автора «Слова» на поэзию Бояна. Но можно ли сравнивать и лексику Манассии с лексикой «Слова»? Ведь славянский перевод Хроники Манассии был сделан приблизительно через два столетия после создания Хроники. Мы не имеем основания категорически утверждать, что автор «Слова», читая греческий текст Хроники, мысленно перевел бы его той же лексикой и фразеологией, какую сам использовал в «Слове». Нельзя, правда, и столь же решительно отрицать такую возможность, учитывая, что именно в XII в. русский переводчик передавал часто греческий текст Иосифа Флавия выработанной фразеологией русского литературного языка своего времени, отходя от буквального перевода. Несомненно одно: на полстолетия раньше, чем автор «Слова», Константин Манассия размышлял о двух способах излагать события Троянской войны. Он весьма определенно охарактеризовал манеру Гомера, а о своей сказал кратко: «Аз восхотев брань съписати ... не яко же Омир съписует» («не по замыслению Бояню»).

Предисловие Манассии аналогично размышлениям автора «Слова» и наряду с вступительными рассуждениями Георгия Амартола о разных способах повествования «о древних цесарих и о сильных», с резкими осуждениями церковными писателями излишне украшенной речи, свидетельствует о том, что ничего необычного для русской литературы конца XII в. вступительная часть «Слова», как и мысли Кирилла Туровского, не представляет. Подобно своим предшественникам и современникам, автор «Слова» выбирает свой способ изображения исторического события, в чем-то отходя от «песнотворца» Бояна, в чем-то следуя за ним. Так перед нами встает вопрос: в какой мере этот выбор действительно увел автора от «замысления» Бояна?

* * *

В «Слове о полку Игореве» содержится некоторое количество данных о самом Бояне, о темах его песен и поэтическом стиле их. Боян был «пѣснотворецъ» «Святъславль» и любимец его сына Олега. Он пел, сопровождая пение игрой на гусях, о «старом времени Ярославли». Героями его песен были «старый Ярослав», «храбрый Мстислав», поединок которого с касожьским князем

принес победу под Тьмутороканью, «красный Роман Святославлич». Были, видимо, и песни Бояна о Всеславе Полоцком, из которых автор «Слова» привел заключительную «припѣвку»: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда боžia не минути». Бояну принадлежит и другая «припѣвка», ставшая пословицей: «Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы». Боян в своих песнях касался и современных ему событий — он пел «свивая славы оба полы сего времени», прошлое связывал с настоящим. Его покровитель Святослав Ярославич умер в 1076 г., и тогда Боян перешел к его сыну Олегу. Таким образом, время жизни Бояна падает на вторую половину XI в. Был он явно знаменитым «пѣснотворцем», если через сто лет помнили и его песни и припевки, продолжали именовать его «вѣщии» и «смысленный».

Автор «Слова» настолько хорошо помнит стиль песен Бояна, что может даже показать, как начал бы Боян «пѣснь Игореву»: «Не буря соколы занесе чресь поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону Великому».

До недавнего времени имя собственное Боян было известно по новгородской рядной грамоте, датируемой последней третью XIII в., и по названиям новгородских улиц, упоминаемым в Новгородской I летописи под 1300 и 1326 гг. (см. ниже, стр. 51). Но в ходе последних реставрационных работ в Киевской Софии на штукатурке XI в. была раскрыта вырезанная запись о покупке «Бояни земли». По характеру начертаний букв исследовавший эту запись С. А. Высоцкий²⁹ датирует ее второй половиной XII в. Таким образом, запись дает старшее упоминание имени Боян, а другая запись (см. ниже, стр. 17), как увидим, содержит некоторые дополнительные данные, объясняющие довольно убедительно, почему автор «Слова» называет Бояна и Ходыну «Ольгова коганя хоти». Привожу полностью первую запись, раскрывая в скобках выносные буквы и титла.

«М(ѣся)ця енаря въ 30 с(вя)т(а)го Ип(оли)та крила землю княгыни Боянчо Всеволожаа передь с(вя)тою Софиєю передь попы. А ту былъ попинъ Якимъ Дъмило, Пателеи, Стипъко, Михалько Нѣжьнович, Мих(а)л, Данило, Марко, Сьмьюнъ, Михал Елисавиничъ, Иванъ Янычянь, Тудоръ Тубыновъ, Илья Копыловичъ, Тудоръ Бързятичь. А передь тими послухы купи землю княгыни Бояню всю, а вѣдала на неи семьдесятъ гривнь соболни. А въ томъ драницъ семьсту гривнь».

Для датировки этой записи не только по палеографическим данным С. А. Высоцкий устанавливает, что «княгыни Всеволожа», купившая «землю Бояню», — это вдова князя Всеволода Ольговича (сына Олега Святославича — Олега Гориславича «Слова»), умершая в 1179 г. Ее муж умер в 1146 г., следовательно

²⁹ С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв., вып. I. Киев, 1966, стр. 60—71.

покупка совершена между 1146 и 1179 гг. (при жизни Всеволода Ольговича покупателем был бы он сам), что согласуется и с характером начертаний. Наименование княгини «Всеволожа» находим в летописном известии о ее смерти: «Преставися княгиня Всеволожая, приемши на ся чернецьскую скиму и положена бысть в Киеве у святого Кюрила, юже бе сама создала» (Ипат. лет., 1179 г.). С. А. Высоцкий подтверждает отождествление имени покупательницы с вдовой Всеволода Ольговича — Марией Мстиславной — и тем, что в числе свидетелей покупки назван на первом месте «попин Яким Домило», которого в 1144 г. Всеволод Ольгович выдвинул на туrowsкую епископскую кафедру. «Попин» указывает, что Яким был выходцем из попов, но уже не поп, поэтому он выделен из следующего далее перечня свидетелей-попов. Добавим, что в 1146 г., после смерти Всеволода, Изяслав, сев на столе в Киеве, «посла брата своего Ростислава и Всеволодича Святослава на стрья своего Вячьслава и отя у него Туров и епископа туrowsкого Акима и посадника его Жирослава Яванковича и посади сына свего (Яро)слава в Турове» (Ипат. лет., 1146 г.). Итак, ставленник Всеволода Аким перестал быть епископом, поэтому он и назван так неопределенно — «попин»: он уже не епископ, но и не простой «поп». По близости к вдове своего покровителя он выдвинут на первое место среди свидетелей, о его епископстве еще помнили, но теперь именуют его только по происхождению: «попин» — из попов. Есть в этом перечне и имя попа Андреевского «Янчина» монастыря — «Ивань Яньчынъ». Это был женский монастырь в Киеве, в котором «княгиня Всеволожая» и приняла, вероятно, «чернецьскую скиму».

С. А. Высоцкий высказал предположение, что «земля Бояня» «некогда имела какое-то отношение к Бояну Слова о полку Игореве. Ко времени написания граффито Бояна уже не было в живых, но память о нем в местах, связанных с его именем, могла сохраняться в народе, совершенно так же, как до нашего времени в Киеве уцелели названия, связанные с его древней историей и топографией, например: Аскольдова могила, Дорогожич и др. Поэтому автор записи, сделанной на стене Софии Киевской, мог ограничиться всего лишь лаконичным указанием на принадлежность данной земли Бояну».³⁰ Добавим, что совпадение имени владельца земли, купленной княгиней «Всеволожей», с именем «пѣснотворца» Святослава и любимца Олега трудно считать случайным: ведь Святослав был дедом, а Олег отцом князя Всеволода Ольговича, и естественно, что земля наследников этого любимца и песнотворца была куплена членом той же семьи. О том, что Бояна помнили даже в конце XII в. как знаменитого песнотворца, помнили и его песни, свидетельствует, как мы видели, и текст «Слова о полку Игореве». Что касается лаконичности записи, то материалы, опубликованные С. А. Высоцким, показы-

³⁰ Там же, стр. 71.

вают, что она обычна в граффито, сделанных в XI—XII вв. кратко в расчете на осведомленность современников об отмеченных в этих записях лицах. Так, князья называются только по имени, без отчества, хотя одноименных князей в это время было много. Например есть запись: «М(ъся)цѣ декабря в 4-е сътвориша миръ на Желяни Святопѣлк Володимиръ и Ольгъ».³¹ Здесь не указан ни год, хотя точно зафиксированы месяц и число, ни место — положение Желани, ни отчества князей. Очевидно, это событие и его участники были хорошо известны и не было необходимости уточнять сообщение о них. Так, видимо, считал и автор записи о покупке «земли Бояни».

Возникает вопрос, связанный с отождествлением Бояна «Слова» с Бояном, чью землю купила «княгиня Всеволожа»: мог ли княжеский «пѣснотворецъ» быть землевладельцем? М. В. Щепкина приходит к заключению: «...княжеские певцы были свободными людьми. Возможно, некоторые из них были землевладельцами, другие — дружинниками, но они были связаны с местным князем и следовали за ним в поход и на съезды».³² Если еще в конце XII в. помнили, что Боян был именно княжеский — «Святъславль пѣснотворецъ» и даже «хоть» — любимец князя Олега, то есть все основания думать, что его богато одаряли и что среди этих даров были и земли, которые потомки продали в семью князей-покровителей их знаменитого предка.

Боян исполнял свои песни под звуки гуслей — он был несомненно одним из участников тех пиршеств, которые устраивал Святослав в короткие годы своего княжения в Киеве и которые осуждал Феодосий Печерский, а вслед за ним, в тоне неприязни, описал Нестор в житии Феодосия: однажды, придя к Святославу, Феодосий «виде многыя играюща пред нимъ, овы гуслиныя гласы испущающем, другыя же оръганьныя гласы поющем и инем замарьныя пискы гласящем и тако всем играющем и веселящемъся, яко же обычай есть пред князьмъ».³³ Но, несмотря на церковные запреты и осуждения, гуслар, играющий и поющий, оставался фигурой почитаемой в феодальных верхах, и на серебряном браслете, украшавшем знатную женщину XIII в., «мы видим фигуру молодого гусларя в колпаке, в длинной вышитой рубахе и с пятиугольными гуслиями в руках».³⁴ Таким, вероятно, в молодые годы был и Боян. Такие «гудьци» были и у соседних половецких ханов,

³¹ Там же, стр. 25.

³² М. В. Щепкина. О личности певца «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. XVI. 1960, стр. 78. О возможности для певца занимать независимую позицию в выборе князя-покровителя свидетельствует рассказ Галнцкой летописи о трагической судьбе «словутного певца Митусы», «древле за гордость не восхотевшу служити князю Данилу» (Ипат. лет., 1244 г.).

³³ Успенск. сб. XII в., стр. 87.

³⁴ Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. — В кн.: История культуры древней Руси. Домонгольский период, т. II. М.—Л., 1951, стр. 433.

причем они были настолько близки к ним, что исполняли и ответственные поручения. Об одном из них сохранились сведения в Галицкой летописи (Ипат. лет., 1201 г.): после смерти Владимира Мономаха половецкий хан Сырчан обратился к изгнанному «во Обезы» Отроку с призывом вернуться на родину, отправив единственного оставшегося у него «гудца» Ора, и наказал ему петь «песни половецкия» — так искусство должно было служить политике. И песни-славы Бояна, конечно, тоже служили обоим его князьям-покровителям.

Различные объяснения даются исследователями выражению «Слова» — «коганя хоти». Так или иначе все они связывают это определение с Тьмутороканью. М. В. Щепкина относит определение «коганя» к самому Олегу, который княжил одно время в Тьмуторокани.³⁵ А. В. Соловьев относит слова «коганя хоти» к жене Олега Гориславлича и титул «коганя» считает принадлежавшим Олегу Святославичу, так как, по свидетельству византийской вислой печати, «Михаил-Олег был в конце XI в. не только князем Тьмуторокани, но и Зихии, и «всей Хазарии» в Крыму. Крымские хазары были его данниками, поэтому он имел полное право носить титул «когана», жена его была «коганя хоть».³⁶

Дополнительные данные к вопросу о том, какие русские князья в XI в. носили титул «каган», содержатся в граффито Киевской Софии. Частично сохранившаяся запись о княжении Святослава вполне убедительно отнесена к князю Святославу Ярославичу: «4 лета кнѣжилъ Сватославъ м(еся)ця мар... днь руга въдана... Сватославъ аминь». Среднюю часть записи С. А. Высоцкому не удалось расшифровать, но уже из уцелевших строк видно, что речь шла о «руге», т. е. плате, вносимой в церковь на помин души. «Руга» была «въдана» после смерти князя Святослава, который действительно княжил в Киеве неполных 4 года.³⁷ Можно думать, что запись была сделана сразу после смерти князя, т. е. в 1076—1077 г., причем С. А. Высоцкий отмечает, что начертания букв ее напоминают почерки двух Изборников Святослава 1073 и 1076 гг. Тем же почерком сделана другая запись на фреске, изображающей святителя Николая: «Спаси г(оспод)и каг(а)на нашего». Фреска находится в той части храма, которая была пристроена «в пределах XI в., уже после смерти Ярослава Мудрого. В 1093 г. северная галерея (в которой находится фреска) уже существовала». Итак, заключает С. А. Высоцкий, упомянутого в записи «кагана» «надо искать начиная с года смерти Ярослава Мудрого (1054 г.) до пределов, ограни-

³⁵ М. В. Щепкина. О личности певца «Слова о полку Игореве», стр. 75.

³⁶ А. В. Соловьев. Восемь заметок к «Слову о полку Игореве». — ТОДРА, т. XX. 1964, стр. 377—378.

³⁷ С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв., стр. 42—43.

ченных палеографическими особенностями записи», т. е. до конца XI в. Из всех князей, бывших великими князьями киевскими за этот промежуток времени, «один Святослав Ярославич имел христианское имя Николай. Надпись с призывом спасения „кагану нашему“ сделана на изображении Николая — патрона Святослава Ярославича, поэтому кажется вполне логичной мысль, что в рассматриваемом граффито каганом назван Святослав, княживший в Киеве с 1073 по 1076 гг.». Вероятно, предполагает С. А. Высоцкий, граффито было сделано во время последней болезни Святослава.³⁸

Итак, выясняется, что титул «каган» носил не только Ярослав Мудрый, но и его сын Святослав. Может быть, по традиции этот титул затем перешел и к его сыну Олегу, за которым он мог удержаться и вследствие того, что вместе с Тьмутороканью он владел и «всей Хазарией» в Крыму, как это установил А. В. Соловьев. Выражение «Ольгова коганя хоти» мы рассматриваем как именит. пад. двойств. числа, относящийся к двум «пѣснотворцам» Святослава — Бояну и Ходыне. Учитывая, что Святослав несомненно именовался «каганом», а его сын мог унаследовать этот титул, находим возможным признать, что и «пѣснотворцы» Святослава при его дворе и на службе у его сына могли носить название «коганя». Так граффито Киевской Софии подтверждает определение Бояня в «Слове».

Намереваясь строить свой рассказ «не по замыслению Бояню», автор «Слова» все же усвоил одну существенную сторону творчества «пѣснотворца»: он тоже решил вести повествование, «свивая славы оба полы сего времени», и заявил об этом во вступительной части: «Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря». Как бы ни решался спор о том, кого следует подразумевать под «старым Владимиром» — Владимира Святославича (ум. в 1015 г.) или Владимира Мономаха (ум. в 1125 г.), важно то, что автор «Слова» вспоминает постоянно события прошлого — XI века, усобицы князей и кровопролитные битвы между ними, походы на половцев, сопоставляет «рати» прошлые с битвой «на Каяле» («То было въ ты рати и въ ты плѣкы, а сицеи рати не слышано!»); призывая князей выступить «за обиду сего времени, прекратить усобицы, он ставит им в пример «того стараго Владимира», которого «нелъѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ», чьи «стязи» теперь в руках Рюрика и Давыда «розно ся. . . пашуть». Эти частые переходы от настоящего к прошлому входят в самый художественный метод автора, и поэтому целые эпизоды, посвященные прошлому — «крамолам» и «усобицам» Олега Святославича — Гориславича — и мятежной жизни Всеслава Полоцкого, не могут рассматриваться как вставные, хотя, создавая их, автор, возможно, опирался на

³⁸ Там же, стр. 49—52

сложенные до него песни и предания об этих князьях. «Оба полы сего времени» в «Слове» сплетаются, сравниваются, и сопоставление их то предостерегает от тяжелых для Русской земли последствий усобиц, то напоминает о прошлых победах, когда многие народы, в том числе и половцы, «главы своя подклониша» под русские «мечи харалужные».

Характеризуя поэтическую манеру Бояна («растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подѣ облакы», «летая умомъ подѣ облакы»), автор имел в виду, конечно, не только образную поэтическую речь Бояна, но и то, что мы называем «художественным вымыслом», то, что Манассия у Гомера определил словами: «Иную же много обращает и прелагает», а «мнихъ Георгий Амартолъ» сурово назвал «лѣжей». Автор «Слова» от такого «полета мысли» не отказался. Плач-заклинание Ярославны, беседа Игоря с рекой Донцом, диалог Кончака и Гзы о женитьбе «сокольца» — Владимира Игоревича — наиболее яркие примеры творческого домысливания автора. Вспомним покаянный внутренний монолог Игоря в летописной повести (Ипат. лет., 1185 г.), которым другой автор тоже «домыслил» исторический рассказ. Художественный вымысел автора «Слова» ближе к полету поэтической мысли Бояна, тогда как составитель летописной повести строит монолог Игоря на мотивах «слова о казняхъ божіихъ» и других произведений учительной литературы, убеждавшей в неизбежности наказания за грехи.

Обращаясь к стилистике «Слова», мы также найдем в ней отзвуки песен Бояна. Опираясь на них, автор строит примерный зачин, которым Боян начал бы «пѣснь Игореву», и в этом зачине содержится та символика, которая потом на протяжении всей «повѣсти-пѣсни» будет применена автором. В зачине Бояна князя представлены в образе соколов, которых «бура занесе чресъ поля широкая». На этом образе построено горестное восклицание автора, напоминающего о том, что Игоря увезли далеко в плен: «О, далече заиде соколъ, птиць бѣя, — къ морю». Представление о князьях-соколах лежит и в основе описания русского войска, отдыхающего после первой удачной схватки: «Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! Не было онъ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръныи воронѣ, поганыи Половчине!». Здесь образ князей-соколов сплетается с картиной соколиной охоты. Свообразное применение эта картина находит в изображении Бояна, складывающего «пѣснь», где игра на гусях представлена в виде охоты соколов на лебедей. Это нетрадиционное использование картины охоты с ловчей птицей-соколом побудило автора построить весь эпизод как развернутое трехчастное отрицательное сравнение. В зачине Бояна употреблена более обычная двухчастная формула отрицательного сравнения. Характерно, что автор «Слова», оттолкнувшись от народно-поэтического символа (сокол-юноша, он охотится за лебедью-девуш-

кой), придал ему иное толкование, опираясь уже на литературный образ псалмопевца Давида, слагающего псалмы под аккомпанемент гуслей. В «Слове на воскресение Лазаря» этот образ дан в его прямом, а не переносном значении: «Удари, рече, Давыд в гусли и возложи прѣсты своя на живыя струны» (ср. в «Слове»: «Своя вѣщиа прѣсты на живая струны вѣскадаше»).

Образ князя-сокола снова появляется в описании бегства Игоря из плена, но здесь он уже дан в виде сравнения, а охота на птиц тоже не символическая, а действительная охота, добывающая птиц «завтроку, и обѣду, и ужинѣ». На эту охоту Игорь «полетѣ соколомъ подѣ мѣглами, избивая гуси и лебеди». И наконец на символе сокол-князь построена последняя беседа Кончака и Гзы.

В зачине Бояна символ врагов — «галици», которые «стады бѣжать къ Дону Великому». Автор «Слова» предпочел более обычный символ врага: «чръный воронѣ, поганый половчине» «Галици» в его повествовании — реальные птицы: рано утром перед битвой «говорѣ галичѣ убуди»; на опустевшей во время княжеских усобиц пашне «галици свою рѣчь говоряхуть», а во время бегства Игоря, охраняя его, «галици помлѣкоша».

С поэтикой Бояна, а следовательно с устно-поэтической традицией, связано употребление двухчастной формулы отрицательного сравнения: «Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посяни, посяни костью Рускихъ сыновѣ», «а не сорoky втрокоташа — на слѣду Игоревѣ вѣдять Гзакъ съ Кончакомъ».

Выше отмечено (стр. 14), что автор «Слова» включил в свой рассказ две «припѣвки» Бояна, первую оставив без изменения, ко второй добавил слова, прикрепляющие ее к событиям «сего времени». Из рассказа «Слова» видно, что Боян первую «припѣвку» отнес к судьбе Всеслава Полоцкого. Возможно, что события молодых лет жизни Всеслава (он умер стариком в 1101 г.) Боян отразил в своих песнях, тогда и сложил свою «припѣвку». Включая в литературное произведение эти нравоучительные изречения — «припѣвки», автор «Слова» выразил с их помощью оценку событий и их участников, как это делали древнерусские летописцы XI—XII вв., вводя в изложение и книжные изречения, и народные пословицы, которые во второй половине XII в. автор «Слова Даниила Заточника» назвал «мирскими притчами». Теми и другими обильно уснащена речь Даниила Заточника. Литература переводная Киевского периода познакомила русских читателей с громадным количеством нравоучительных изречений, собранных из самых разнообразных источников — из сочинений античных ученых, философов, поэтов, из Библии и из учительной христианской литературы. Многие из таких изречений перешли из книг в живую речь, сблизились с ритмически построенными народными пословицами (такая ритмичность ощущается в обеих «припѣвках» Бояна) и отсюда возвращались в литературу для выражения авторских оценок.

Извлекая из текста «Слова» стилистические приемы, которые сам автор ощущал как свойственные «песням» Бояна, мы с полным правом относим их к устно-поэтической традиции. Однако полное определение всей устно-поэтической стилистики, использованной в «Слове», еще ждет тщательного исследования, так как для сопоставления мы не имеем материала старше XVII в., когда было записано (однако неизвестно, с какой точностью) некоторое количество песен, былин, пословиц. Записи XVIII в. и начала XIX в. сохранились в большем количестве, но и их полное совпадение с устным звучанием — под сомнением, во многих случаях устные тексты «правились» согласно представлениям издателей этих записей о «художественности». Таким образом, в распоряжении исследователя остается главным образом огромный материал в записях XIX—XX вв. Его не «правили» издатели, но ведь он сам пережил с XII в., когда какую-то его часть мог знать автор «Слова», немало изменений, отслоить которые с уверенностью мы не можем. Поэтому обычный способ выделения устно-поэтических приемов в «Слове» путем сравнения его стилистики с поздними записями фольклора не дает надежных результатов. До XVI в. включительно устная поэзия во всех слоях общества продолжала жить и в городе и в селе, хотя самый состав ее в чем-то уже различался. Социальный облик хранителей и создателей фольклора определял отбор из наследия прошлого и характер вновь создаваемого. В грамотной среде рядом с устной поэзией жила литература, и взаимодействие этих двух форм словесного искусства сказывалось и на литературной стилистике, и на устно-поэтической речи. Вот почему для установления исконной принадлежности тех или иных стилистических приемов устно-поэтической традиции следует искать иного пути исследования. Вероятно, прочные результаты дало бы сравнительное изучение народной поэзии всех славянских народов. Проведенное систематически, такое изучение выделило бы в записях XVII—XX вв. те поэтические приемы, которые имеют наиболее древнюю основу.

Для определения устно-поэтических элементов в стилистике «Слова о полку Игореве», по-видимому, ценный материал могло бы дать изучение устной поэзии и живой речи карпатских лемков. По наблюдениям археологов и антропологов, население этой части западной Украины — потомки выходцев из Северной земли (принадлежавшей Ольговичам), которые двинулись в XIII в. на запад под натиском татаро-монгольского нашествия. Св. Гординський³⁹ сообщает, что в языке карпатских лемков до сих пор сохраняются слова, древность которых подтверждается наличием их в литературных памятниках, несомненно принадлежащих Киевскому периоду. В числе этих архаизмов есть и слова,

³⁹ Св. Гординський. Слово о полку Ігореві і українська народна поезія. Вибрані проблеми. Вінніпег, Канада, 1963, стр. 39—40.

входящие в лексику «Слова о полку Игореве»: «паполома», «комонь», «болоне», «шелом», «черлений», «текти» (в значении «идти»), «рци» (в значении «мовляв», «кажи»), «смага». В группе «народно-поэтических формул», характерных для устной поэзии карпатских лемков, есть такие сочетания существительного с эпитетом-определением, которые встречаются и в «Слове», но не находят себе соответствия в литературных памятниках XI—XIII вв.: «молодий князь», «широке поле», «чорна земля», «камінна гора», «студена роса», «чорний ворон», «сіри вовк», «сизий орел», «буйний тур», «готові кони», «осідлані кони», «тисова кровать», «криваві рани», «чорна хмара», «криваво пиво» («криваво вино» «Слова»).

При определении устно-поэтических элементов «Слова» в их число относили нередко такие приемы, которые широко применялись и в литературном древнерусском языке с XI в. Так, сочетания однокоренных слов — «трубы трубять», «мосты мостити», «ни мыслию смыслити, ни думою сдумати», «успиль . . . грозный . . . грозою», «опуташа въ путины», — не могут рассматриваться как специфически устно-поэтические: самые разнообразные виды сочетаний однокоренных слов в древнерусском языке широко представлены во всех типах письменного языка — от деловых памятников до украшенной речи гимнографии и торжественного ораторства. Сочетание «трубы трубять» содержит однокоренные подлежащее и сказуемое. Сочетание «мосты мостити» относится к тому виду таких сочетаний, который определяется как «винительный внутреннего объекта с глаголами переходными»: «мыслию смыслити, думою сдумати» — «творительный тавтологический» «способа». ⁴⁰ Вариантами этого вида являются выражения «успил грозный грозою», а также «опуташа въ путины», где винительный с предлогом «въ» заменил более обычный в таком и аналогичных сочетаниях творительный (см. примеры далее, стр. 121, 131).

Синонимические пары с союзами «и», употребительные в фольклоре, знакомы и древнерусскому языку, поэтому выражения «свычая и обычая», «въ ты рати и въ ты плъкы», «туга и тоска» не могут рассматриваться как элементы устно-поэтической стилистики.

Итак, на данном этапе исследования поэтики русского фольклора мы не имеем возможности полностью выделить в «Слове» все, что вошло в него из поэтического языка народной поэзии. Однако с значительной долей вероятности мы относим к нему те словосочетания «Слова», которым не находится соответствия в литературном языке XI—XIII вв., но прямые параллели к которым дают записи фольклорных произведений. Нерешенными, однако, остаются многие вопросы о связи стилистики «Слова» с устно-

⁴⁰ А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М.—Л., 1963, стр. 110—112.

поэтической стилистикой. Такие, например, выражения, как «сине море», «красныя дѣвки», очень редкие в литературе, возможно, уже в ту далекую эпоху проникли в литературный язык из устной поэзии. Неясным остается, где произошло сплетение книжной и устной земледельческой метафоры для изображения воинских картин, где для той же цели был создан образ битвы-пира, свадебного пира, в котором есть и устная символика, есть и отголоски библейского образа «смертной чаши».

Выше мы указали, что устная поэзия оставила ясные следы не только в стилистике «Слова», но и в самом его жанре. Однако и здесь остается ряд нерешенных вопросов; мы очень мало знаем о том, как звучала причеть-плач в XII в., и совсем не знаем, что представляла собой плач-закливание в жизни этого времени, а следовательно и не можем определить, на какую традицию опирался автор «Слова», создавая плач Ярославны. Проблема «Слово о полку Игореве и народная поэзия» пока еще больше ставится, чем прочно решается.

* * *

Если облик устной народной поэзии XI—XII вв. приходится предположительно восстанавливать, опираясь на слабые в общем отражения ее в литературе этого времени,⁴¹ и лишь гипотетически намечать, в чем сказались фольклорные традиции у автора «Слова о полку Игореве», то исследование проблемы отношения этого памятника к литературным традициям, предшествующим ему, современным и следующим за ним, строится на прочной основе: литературных памятников этого периода дошло до нас достаточно, чтобы судить о высоком уровне литературной культуры домонгольского периода. Часть этих памятников сохранилась даже в рукописях XI—XIII вв. (два Изборника Святослава 1073 и 1076 гг., Успенский сборник XII в. с сочинениями русских авторов и переводными, на грани XIII и XIV вв. переписанный текст Хроники Георгия Амартола, переведенной в середине XI в., русский список 1095—1097 гг. Минеи, дающий полное представление об украшенной стилистике византийской гимнографии в славянском переводе, и т. д.).

Многочисленные исследователи — историки, литературоведы и лингвисты — изучали в разных аспектах связи «Слова» с этой литературой. И хотя мы не можем еще считать исчерпанным весь материал, содержащийся в этих источниках для характеристики

⁴¹ Опыт такой реконструкции представляет статья Д. С. Лихачева: Народное поэтическое творчество в годы феодальной раздробленности Руси — до татаро-монгольского нашествия (XII—начало XIII в.). — В кн.: Русское народное поэтическое творчество, т. I. М.—Л., 1953, стр. 217—247. См. также статью: А. Н. Робинсон. Эпос Киевской Руси в соотношении с эпосом Востока и Запада. — V Конгресс международной ассоциации по сравнительному литературоведению, Белград, 1967. Изв. АН СССР, Отдел. литературы и языка, т. XXVI, вып. 3, 1967, стр. 209—226.

того, как автор «Слова» пользовался традиционными представлениями и их стилистическим выражением, в чем он отступал от них, творчески развивая, однако уже и достигнутые результаты позволяют прийти к неспоримому выводу: «Слово о полку Игореве» — литературное произведение.

Этот вывод отменяет не только прямолинейное отнесение «Слова» к народной поэзии в статьях В. Г. Белинского: «Слово — прекрасный, благоухающий цветок славянской народной поэзии», «со стороны выражения, это — дикий полевой цветок, благоухающий, свежий и яркий».⁴² Наблюдения, которыми подтверждается определение «Слова» как литературного памятника, делают неоправданными и попытки представить дошедший до нас текст «Слова» поздней записью произведения, первоначально существовавшего в виде устной песни или «сказа».

Летописи XI—XII вв. дали историкам и литературоведам богатый материал для характеристики исторических реалий «Слова». Итоги своих наблюдений над «историческим и политическим кругозором автора» Д. С. Лихачев подвел в следующем заключении: «Автор „Слова“ — человек широкой исторической осведомленности. Он внимательный читатель „Повести временных лет“ и вместе с тем наслышан в народной исторической поэзии. Он имеет свои отчетливые представления о русской истории, хотя эти представления и являются представлениями поэта, а не историка, при этом поэта XII столетия».⁴³ Объединяя, как и Боян, «оба полы сего времени», автор «Слова» вспоминает события и князей XI в., но, «минуя всех князей первой половины XII в., упоминает только князей — своих современников».⁴⁴ Это обстоятельство определило лаконизм некоторых сообщений автора о современных ему событиях. Обращаясь к читателям («братие»), автор уверен, что они тоже осведомлены об исторических фактах своего времени, и потому иногда заменяет конкретный рассказ поэтическим образом, передающим в обобщенном виде лишь оценку события или вызванное ими настроение. Так, автор, рассчитывая, что его читателям известно, как неодинаково задели набег половцев, после поражения войск Игоря, разные области Русской земли, пишет: «А вѣстона бо, братие, Киевѣ тугою, а Черниговѣ напастѣми»; «се у Римѣ кричатъ подѣ саблями половецкыми, а Володимирѣ подѣ ранами» (см. подробнее ниже, стр. 119, 143). Знал читатель и о недавней победе Всеволода Суздальского над волжскими болгарами, поэтому для него понятен был гиперболический образ его могу-

⁴² В. Г. Белинский, Собрание сочинений, т. VI, СПб., 1903, стр. 361, 367. Ср. характеристику «Слова» как былины XII в. в исследовании А. И. Никифорова, тезисы которого опубликованы в виде автореферата докторской диссертации под заглавием: «Слово о полку Игореве — былина XII в.» (Л., 1941).

⁴³ Д. С. Лихачев. Истор. и полит. кругозор, стр. 50

⁴⁴ Там же, стр. 10.

щества в призыве к Всеволоду: «Ты бо можешы Волгу веслы раскропити, а Донъ шелома выльяти» (см. ниже, стр. 144). Среди граффито XI и XII вв. Киевской Софии есть несколько, фиксирующих те или иные события, называющих исторические имена. Сделанные современниками, эти записи опускают дату события или, назвав месяц и день, не сообщают год, пропускают отчество князя, хотя одноименных князей в данный период было несколько, не уточняют место, где произошло событие.⁴⁵ Автор «Слова», надеясь также на осведомленность и память современников, в поэтическом образе давал иногда лишь намек, правда очень точный и раскрывающий главный в событии.

Если летописные рассказы наряду с устными преданиями и песнями были источником исторических сведений автора «Слова» о событиях XI в., то летописный язык подтверждает полное соответствие феодальных формул и символов «Слова» понятиям и их словесному выражению XII в. Как отмечает исследовавший эту часть стилистики «Слова» Д. С. Лихачев, «вся терминология, все формулы, все символы подверглись в „Слове“ поэтической переработке, все они конкретизированы, образная сущность их подчеркнута, выявлена и все они в своей основе связаны с русской действительностью XII в. и все они в той или иной мере подчинены идейному содержанию произведения».⁴⁶

Традиции феодального воинского стиля XII в. широко отражены и развиты в «Слове». Русское государство автор именует «Русская земля», места кочевий половцев — «поле Половецкое», «земля Половецкая», в соответствии с терминологией, установившейся в XII в. и закрепленной летописями. Но автор «Слова» — поэт, и официальное название Половецкой степи он иногда уточняет: «великая поля . . . у Дону Великаго» — место схватки с половцами; «поле незнаемо среди земли Половецкыи» «на брезѣ быстрой Каялы», «поле безводно», где жажда «лучи съпряже» русским воинам, где погибли русские дружины.

Д. С. Лихачев показал,⁴⁷ что символическое значение оружия, коня, стяга в «Слове» повторяет их летописное осмысление и выражено часто в близкой к летописи словесной форме. Повторяются образы защиты и завоевания («отворить» и «затворить» ворота, «подклонить под меч», «потопать полки»), названия княжеских междоусобий («крамолы», «усобицы», «котора», «лъжа»), формулы для обозначения прославления князей («пѣти славу», «пѣти пѣснь», «въспѣти») и т. д. Нельзя, однако, не заметить, что из воинской стилистики своего времени автор «Слова» отбирал такие выражения, которые своей образностью открывали путь

⁴⁵ С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи Киевской Софии, стр. 18 (№ 4), 24 (№ 5), 34 (№ 6), 37 (№ 7), 41 (№ 9), 45 (№ 10), 49 (№ 13), 60 (№ 25).

⁴⁶ Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 91.

⁴⁷ Там же, стр. 60—91.

к дальнейшему их художественному развитию (такой поэтической доработке подверглись, например, образы стяга поднятого и упавшего, летописное сравнение «стрелы идяху акы дождь» и т. д.).

Индивидуальные выражения понятий о воинской чести, о долге воина-защитника «Русской земли» в «Слове» возникли на основе формул, принятых в литературе XI—XII вв. (воины ищут «себѣ чти, а князю славу», лучше «потяту быти, неже полонену быти»; князь бьется, «забывъ чти и живота и града Чернигова отня злата стола и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны свычая и обычая» и т. д.).

В соответствии с понятиями своего времени автор «Слова» определяет территорию по ее главной реке и цель похода поэтому выражает как желание «испити» из этой реки, если она течет по владениям врага. Так, в речи Игоря сочетания «позримъ синего Дону», «искусити Дону Великаго», «испити шеломомъ Дону» и даже гиперболические выражения — «Волгу веслы раскропити, а Донъ шелома выльяти» — все это то повторение, то свободное варьирование основного образа, известного и летописи: «Пил золотом шеломомъ Дону».

Цель похода в «Слове», как в летописи, не только завоевание, но прежде всего защита «Русской земли»: князья бьются «за землю Русскую», «за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буге Святославлича». Все эти выражения — варианты летописных наказов князьям: «Постережи земле Руское», и обещания воинов: «За Русскую землю головы свое сложити», «не погубити Русскы земле», «мы умираем за Русскую землю» и т. п. Как летописцы, автор «Слова» расширяет обычное понимание слова «раны», определяя им поражение не только Игоря — «за раны Игоревы», но и всего его войска (ср. в летописи: «прогнаша их, давши им рану не малу»). В отличие от летописцев автор «Слова» придает слову «обида» смысл — оскорбление всей страны. В традиции воинского стиля, сложившегося в летописи еще в XI в., «Слово» показывает тревожные приметы, предупреждающие войско о неудачном конце похода, — солнечное затмение, беспокойство птиц и зверей, гроза в утро сражения.

Наблюдения над воинской лексикой и фразеологией «Слова», наиболее полно проведенные Д. С. Лихачевым в указанной статье, свидетельствуют о том, что стилистика, выражающая феодально-военные представления, не была механически перенесена из летописей в «Слово». Так же, как летописцы XI—XII вв., автор «Слова» знал уже вошедшую в живой язык своего времени феодальную терминологию и символику и свободно ею пользовался, подобно тому как его современник, переводя «Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия, легко находил русские эквиваленты для передачи соответствующих греческих выражений. Автор более поздней эпохи не мог бы с такой поэтической свободой доработать эту стилистику, сохраняя точность ее применения.

В создании поэтической системы выражения в «Слове», кроме устной народной поэзии и воинской стилистики, выработанной в живом языке и литературно совершенствовавшейся летописцами, значительную роль играл опыт, накопленный к концу XII в. в обширной переводной византийско-болгарской и русской литературе исторических, повествовательных, религиозно-учительных жанров, в гимнографии и торжественном ораторстве.

Характеризуя стилистический строй «Слова», исследователи не раз подчеркивали в нем элементы ораторской риторики. Наиболее подробно остановился на выделении этих элементов И. П. Еремин, определявший самый жанр «Слова» как «памятник политического красноречия» (см. выше, стр. 7—8). В связи с вопросом о риторичности стилистики «Слова» представляется небезынтересным сопоставить определения тропов и риторических фигур, с которыми русский книжник имел возможность познакомиться еще в XI в., с применяемыми автором «Слова» риторическими средствами.

Всеми исследователями «Слова» отмечалась большая склонность автора к метафорическому способу выражения. Выше мы указывали, что для этого способа материал автору давала и устная поэзия, и выработанная уже своеобразная символика воинской стилистики. Но и все другие виды переводной и русской литературы XI—XII вв. практически учили метафорическому языку, широко применяемому, особенно в украшенном историческом, библейском, ораторском, гимнографическом стиле. С XI в. русскому книжнику известно было и теоретическое определение метафоры как одного из «творческих образов» — тропов и риторических фигур, которыми рекомендовалось украшать речь.

В Изборнике Святослава 1073 г. содержится статья «Георгия Хуровьска о образех» (лл. 237 об.—240 об.).⁴⁸ «Творьчьстин образи суть 27», — пишет Георгий Херобоск и, поставив на первое место «инословие» — аллегорию, на втором дает подробное описание с примерами четырех разновидностей «превода» — метафоры, которую он определяет так: «Превод же есть слово от иного на ино преводимо. Имати же образы четири: или бо от съдушньных на несъдушньная преводитьсяз; или от несъдушньных на съдушньная; от съдушньных убо на съдушньная ... от безъдушньных же на бездушньная» (лл. 237 об.—238).

В теоретических определениях тропов у Херобоска близко к «преводу»-метафоре стоит «лицетворение»: «Егда кто к бездушньным акы к телеси другоици и словеса стрина (странна?) прилагаеть, яко же се: небеса исповедають славу божию» (л. 240). Однако выражение «море виде и бежа» статья рассматривает как

⁴⁸ Далее при цитировании Изборника Святослава 1073 г. листы указываются в тексте в скобках.

«превод», поясняя, «еже бо видети о съдушньных истовое глаголеться» (л. 238).

Применение обоих этих тропов Херобоск рекомендует, говоря о предметах одушевленных и неодушевленных. Но практически в литературе XI—XII вв. они применялись и к отвлеченным понятиям, которые, конкретизируясь, превращались в одушевленные существа. С такими метафорами и олицетворениями мы встречаемся и в «Слове».

Одним из факторов, способствовавших созданию метафорического языка «Слова о полку Игореве», были представления о человеке, формировавшиеся под воздействием «естественнонаучной» византийско-болгарской литературы. В изображении автора «Слова» Боян творил свои «пѣсни» о «старом времени», преодолевая и пространство и время «умомъ»: он «летая умомъ подь облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресь поля на горы». Великий князь Всеволод из своей Суздальской земли, «издалеча» не хочет даже «мыслию прелетѣти... отня злата стѣла поблюсти». Обращаясь к князьям Роману Владимиро-Волынскому и Мстиславу Пересопницкому, автор говорит: «Храбрая мысль носитьъ ваю умъ на дѣло». Обдумывая бегство, «Игорь мыслию поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Дону».

Сведения о мироздании древнерусский книжник приобретал из Шестоднева, где «слово шестьтааго дъне» повествовало о создании человека, особенно подробно описывая отличия человека от животных, постоянно подчеркивая, что только человек имеет «душу разумичну и съмыслену». Его «мысль висока» обходит «всю землю и выше небес» всходит; его «ум» пройдет «въздух и облакы минет, солнца и месяца и все поясы и звезды, етир же и вси небеса и том часе пакы в телесе своем обрящет. Кыма крыломъ възлете, кымъ ли путемъ прилете, не могу иследити» (л. 196—196об.).⁴⁹ О превосходстве мысли над зрением предупреждает Шестоднев, рассказывая о сотворении небесных светил: «Луны убо не мозем очима мерити, нъ мыслию, яже велми паче очесу истиннейши есть на истинное изобретение» (л. 148). «Убогий человек» пытается даже «мерить мысльми божию силу», «измерила бо и е моя мысль, аще ли вышини е мои мысли, и не доидет мои ум его» (л. 155 об.). Итак, «мысльми», «умом» можно облететь и измерить и землю и небеса, только «божию силу» мысль не способна измерить: не следует «хотети домыслити се человекыми мысльми недоведимых мыслии божиих» (л. 104 об.). Но зато «мыслию» можно «възити» «к богу невидимуему», «сквозе храм пролета ум и всю ту высоту и небеса, скорее мѣжения очнааго прилетев» (л. 199). Мысль летает быстрее взгляда — она видит и измеряет то, чего не видят

⁴⁹ Здесь и далее при цитировании Шестоднева листы указываются в тексте в скобках.

«очеса». Ум выше тела: «Тело бо воин есть, а ум кнез и царь», и потому автор советует: «Мыслию пари ... на высоту и разумное» (л. 212). Ум «бръзо и без некакого расстояния приемле вещьное естество истинных», поэтому «ини от прѣввых философ око душевное ум прозваше» (л. 217 об.).

В Изборнике Святослава 1073 г. русский книжник нашел поучение под заглавием: «Немесия епискупа Емесьскааго от того еже о естестве человечесте», где он встретил те же суждения о силе человеческой мысли, преодолевающей пространство: «обилия пучины бо минуеть, небеса проходить мыслью, звездная пошьявтия и расстояния и меры размышляеть» (л. 134 об.). Сходное суждение читаем в поучении «Златоустааго от того еже от 45 псалмоса»: «Ум человекскъ въскоре бо объходить вьсу землю, небесьная же и подъземельная, нъ несущтиемъ, тѣчью же умьную мыслью» (л. 132). На этой оценке силы человеческой мысли строится поучение «Нусьскааго от оглашеника», где доказывается, что свет и «солнечное» тело, так же как божеское и человеческое в Христе неразделимы, и только человек «мыслию же разделив, познаеть естестве» (л. 15).

На фоне таких представлений о человеческом уме, о мысли созданные автором «Слова» метафорические образы ума и мысли, которые летают, мысли, способной уносить ум «на дѣло» или мерить поля, закономерны для XII века и не являются неожиданными для читателя того времени. Нельзя не отметить, что ни одна из этих четких и вполне обоснованных мировоззрением начитанного автора XII в. метафор не нашла отражения в «Задонщине». Слово «мысль» находим здесь только в таких явно испорченных сочетаниях: «Не проразимся мыслию но землями» (список ГБЛ, собр. Ундольского № 632), «но потрезвимся мысльми и землями» (список ГИМ, Музейское собр. № 2060).

Устная народная поэзия подсказывала автору «Слова» стремление подчеркнуть связь природы с изображаемыми событиями, показать, что природа живет одной жизнью с героями, предупреждает об опасности, печалится в дни несчастья, охраняет и радуется счастливому исходу. Литературная теория поддерживала перенос «от съдушньных на несъдушньная» способностей действовать, переживать свойственные человеку настроения. В соответствии с этим в «Слове» солнце «тьмою заступи путь» Игорю в несчастный поход; перед сражением «кровавыя зори свѣтъ повѣдають»; «трава ничить жалощами», а дерево «съ тугою» клонится «къ земле»; Донец беседует с князем, «стережет» его, лелеет «князя на вльнахъ», стелет ему «зелѣну траву», одевает его «теплыми мѣглами».

Примеры подобного типа метафор приведены ниже в комментарии к соответствующим местам текста «Слова». Такие примеры можно встретить уже в библейском языке, однако картины природы в метафорическом и символическом значении в религиозной литературе всех жанров служили по преимуществу для более на-

глядного изображения религиозных представлений, давали художественные средства для «похвал» божеству — создателю природы, по учению христианства. Современник автора «Слова» Кирилл Туровский в «Слове по пасце», представив весеннее оживление природы символом радости христиан, узнавших о воскресении Христа, в самом изображении весеннего пейзажа пользуется метафорическим языком: «Небеса исповедаютъ славу господню» (по Херобоску, это даже не «превод»-метафора, а «лицетворение»), солнце «красуется и радуся» светит, луна «честь подаваетъ» солнцу.

Прочную основу в литературе своего времени имел автор «Слова», когда он широко применил метафорический способ выражения к отвлеченным понятиям. Многочисленные примеры такой «метафорической конкретизации абстрактных понятий»⁵⁰ проходят через весь текст «Слова». Рядом с метафорой «солнце тьмоу путь заступаше» имеем параллельную с отвлеченным понятием: «жалость ему знамение заступи искусити Дону Великаго». В языке «Слова» «крамолу» можно «ковать», усобицы «сеять», «лжу убудить» или «усъпить»; обида «въстала»; «слава на судъ приведе», «зелену паполому постла», «в прадѣдную славу» можно «звонить», славу можно «похытитъ», «поделить», из нее «выскочить». «Грозы» Ярославла «по землям текутъ», «печаль течеть», тоска «разлился по Русской земли», «веселие пониче» и т. д. Подобные метафорические словосочетания имеют многочисленные параллели в разных жанрах литературы XI—XIII вв., в том числе и в историческом повествовании, к ней прибежал и русский переводчик Иосифа Флавия.

Обращает на себя внимание, что метафоры «Слова», как и аналогичные им в литературе XI—XIII вв., выражены по преимуществу в глаголах и очень редко — в эпитетах: «сребреней сѣдинѣ», «сребреныхъ брезѣхъ», «желѣзныхъ плѣковъ», «живые струны».

Метафоры «Слова» нередко превращаются в постоянные символы, и с их помощью создаются целые эпизоды — картины, метафорически-символический смысл которых сам автор раскрывает тем или иным конкретизирующим отдельным словом. Так, фраза «быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго» последними словами раскрывает не только метафору «грому великаго» — шума битвы, но и символический смысл всего предшествующего пейзажа: «Другаго дни велми рано ... чръныя тучя съ моря идуть, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии млънии», где «чръныя тучя» — половецкие войска, «4 солнца» — русские князья, возглавлявшие поход, «синии молнии» — блеск оружия. Поле последней схватки с половцами также представлено в метафорическом образе пашни, но на реальное значение этого образа автор сам наводит читателя не отдельным его

⁵⁰ Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, стр. 22—23.

толкованием, а введенными в образ, снимающими метафору словами: «Чръна земля подъ копыты костыми была посѣяна, а кровию поляна, тугою въздоша по Руской земли!». И другая метафора битва-пир строится тем же приемом внутреннего раскрытия: «Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбрии Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую».

Тем же способом раскрывается символический смысл речи бояр, толкующих сон Святослава: «Уже соколама крыльца припѣшали поганыхъ саблями, а самую опуташа въ путины желѣзны», где слова «поганыхъ саблями» и определение «желѣзны» поясняют, что речь идет о пленении половцами русских князей. Затмение солнца, описанное автором в начале «Слова», дает материал для метафорически-символического изображения страшного поражения: «Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣроста, оба багряная стѣпа погасоста и въ морѣ погрузиста, и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святѣславъ, тьмою ся поволокоста». Окончание картины выполнено уже вне этой метафоры: «И великое буиство подасть Хинови». Но и без этого окончания символ «два солнца» разъясняется тем, что два «молодая мѣсяца» названы по именам. Символический смысл описания битвы на Немиге подчеркивается самим автором: там «снопы стелють головами, молотять чеши харалужными, на тоцѣ животъ кладуть, вѣють душу отъ тѣла».

Яркие примеры подобного способа раскрытия метафор дает в XII в. Кирилл Туровский в «Слове по пасце».⁵¹ Сначала сопоставление радости христиан, празднующих день «воскресения Христова», с весенним расцветом природы строится в виде двух параллельных картин: «Ныне солнце красуяся к высоте възсходить и радуяся землю огреваетъ, — взиде бо нам от гроба праведное солнце Христос и вся верующая ему спасаетъ». После шести построенных таким способом сопоставлений весенней природы с историей христианства автор вводит раскрытые им самим метафорические образы: «Ныня ратаи слова словесныя уньца к духовному ярму приводяще и крестное рало в мысленыхъ браздахъ погружающе и бразду покаяния прочертгающе, семя духовное всыпающе, надежами будущихъ благъ веселяться». В этом эпизоде определения раскрывают смысл земледельческих метафор. Тот же прием повторен в следующих трех метафорических картинках, где использованы образы «рыбарей» на «ловитве» рыбы, «трудолюбивой бчелы», «на цветы възлетающей», и «доброгласныхъ птиц».

Аналогичным примером в Повести временных лет (Лавр. лет., 1037 г.) строится похвала книгам: «Се бо суть реки, напаяюще вселеную, се бо суть исходящя мудрости, книгамъ бо есть неизшетная глубина». Но там же похвала Ярославу составлена из двух параллельных частей, связь между которыми автор раскрывает сам: «Яко же се бо некто землю разореть, другый же насеетъ, ини

⁵¹ Еремин, т. XIII, стр. 416—417.

же пожинають и ядять пищу бескудну, — тако и съ. Отец бо сего Володимер землю взора, и умягчи, рекше крещеньемъ просветив. Съ же насея книжными словесы сердца верных людей; а мы пожинаяем, ученье приемлюще книжное».

Автор «Слова» однажды прибег к такому истолкованию образа, представляя Бояна во время исполнения им «пѣсни»: «Тогда пушашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣи: которыхи дотечаше, та преди пѣснь пояше», но эта картина охоты с соколом переводится в другой план указанием на темы песен: «...старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пѣлкы Касожьскими, красному Романови Святъславличю». Не довольствуясь этим сообщением, автор уточняет дальше смысл каждого члена метафорического образа охоты, как это делает и Кирилл Туровский, вводя лишь отрицание «не» и тем самым приближаясь к устно-поэтическому типу отрицательного сравнения: «Боянъ же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедѣи пушаше, нъ своя вѣщиа прѣсты на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху». Возможно, что к такому обстоятельному объяснению метафорического образа охоты автор прибег потому, что сам этот образ применен им не в обычном значении, употребленном им, — сокол-князь, птицы-враги, которых он бьет (ср.: «О, далече заиде соколъ, птиць бя, — къ морю»), а для картинного изображения игры Бояна на гусях.

Характерной чертой всех развернутых метафорических образов «Слова», в построении которых оно обычно идет, как видно из приведенных литературных параллелей к ним, по пути, знакомому литературе XII в., является то, что они органически связаны с применением тех же образов в их прямом конкретном значении. Пейзажи «Слова», свободно переходящие в символически-метафорический план, помогают оттенить настроение, создаваемое у читателя описанием событий, они как бы вводят жизнь природы в ход этих исторических событий. Природа в «Слове» активно участвует в развитии действия, притом на стороне русских воинов. Она предупреждает их о грозящей опасности, хмурится в ожидании поражения, жалеет тех, кто проиграл битву, помогает бегущим из плена, радуется их возвращению на Русскую землю. Природа «Слова» не подчиняет себе человека, хотя и пытается грозными «знаменами» предостеречь его.

Из летописи мы знаем, что солнечное затмение действительно произошло перед неудачным походом молодых князей, и там оно истолковано, согласно библейской традиции, как свыше посланное «знамение». В «Слове» солнечное затмение входит в лирическое вступление, настраивающее на печальный исход дальнейших событий, рядом с другими грозными явлениями; вся природа насторожилась, когда войска двинулись в путь: ночь стонет грозой, будит птиц, волки собрались в оврагах, орлы клекчут, лисицы «брешуть на чръленя щиты». Весь этот пейзаж, как и описание раннего

утра перед началом битвы, лишен метафорического подтекста. Но, как выше показано, мотив солнечного затмения в метафорическом значении войдет затем в истолкование сна Святослава. Описание утра «другаго дни» также приобрело символический смысл, а не только лирически окрасило картину тяжелого боя.

Итак, пейзажи в «Слове» выполняют разные функции: одни подчеркивают трагическую или — в конце повествования — радостную окраску изображаемых событий, другие придают наглядность рассказу об этих событиях, приближают к читателю воинские картины, представляя их в образах пашни, жатвы, соколиной охоты, свадебного пира.

Пейзажем для этой второй цели широко воспользовался современник автора «Слова» — Кирилл Туровский. Из его «Слова по пасце» можно извлечь широкую картину весеннего пробуждения природы: «Ныне небеса просветишася, темных облак яко вретища съвьлекъше и светлымь въздухом славу господню исповедаютъ ... Ныне солнце красуюся к высоте възсходить, и радуяся землю огреваетъ ... Ныня луна с вышняго съступивши степени болшему светилу честь подаваетъ ... Днесь весна красуеться, оживляющи земное еСТЬСТВО ... Ныня новоражаеми агньци и уньци быстро путь перуше скачють и скоро к матерем възвращающесе веселиться, да и пастыри свирияюще веселиемь Христа славять ... Ныня древа леторасли испущаютъ и цветы благоухания процвѣтають и се уже огради сладьку подавають воню и делатели, с надежею тружающесе, плододавца Христа призываютъ».⁵² С большим мастерством Кирилл Туровский переводит каждый из элементов этой широкой картины на язык евангельского рассказа о воскресении Христа и повествования о распространении христианства. Но и само описание признаков весеннего оживления природы свидетельствует о наблюдательности и литературном вкусе писателя-монаха, казалось бы далекого от забот «делателей» — земледельцев, «рыбарей», пчеловодов. Епископ Туровский не только почуял «светлый въздух» весны, увидел «новоражаемых агньцев», бегущих к матерям, и услышал благоухание весенних цветов, но и ввел в богословское по теме сочинение художественный образ земной весны, воспользовавшись им для более наглядного, а следовательно и более убедительного разъяснения чисто богословских вопросов. С автором «Слова» его сблизило это обращение к пейзажу, который он также умело выбрал и с точки зрения его лирического — радостного настроения, и обращение к человеческому труду, образы которого придали наглядность рассказу христианской легенды.

В русской литературе XII в. описания природы вне символического или метафорического их истолкования мы встретим у игумена Даниила, который наравне с «святынями» Палестины уде-

⁵² Там же, стр. 416.

лил внимание во время путешествия и природе ее. Его описания деловиты, конкретны и лишь изредка прерываются замечаниями, в которых раскрывается впечатление, произведенное на него именно местностью. Так, близ «Асколоня град» он отметил «горы каменные» — «пусто место», где путников охватывала «боязнь велика» и где «путь тяжек и страшен зело». Зато плодородие земли около Иерусалима, обилие на ней «овощных древес многоплодовитых» восхищает его и наводит на мысль, что все это растет «благословением Божиим». Путь к Иордану снова вызывает в Данииле чувство страха: песок, зной, «жажа водная», «дух зноен и смердящ» от Содомского моря, который «зноит и попаляет всю землю ту», — вот что заметил здесь путешественник. И опять настроение у Даниила меняется, когда он подходит к Иордану: ему приходит на память родная черниговская река Сновь, с которой он сравнивает и быстрое извилистое — «лукаво» течение, и глубину и ширину Иордана, и крутые берега, и особую сладость воды — «несть сыти пиюще воду ту святую, ни с нея болеть, ни пакости во чреве человеку». Растительность на берегу Иордана тоже вызывает у него сравнение с «нашей лозой».⁵³ Так на всем пути Даниил подмечает особенности местной природы, а в памяти у него встает свой русский пейзаж, проявляется интерес человека из земледельческой «Русской земли», который знает и радость хорошего урожая, и горе засухи, уничтожившей его.

У автора «Слова» картины природы — это обстановка, в которой разворачиваются трагические события похода Игоря; у Даниила описания природы — фон, на котором шаг за шагом напоминает евангельская легенда о жизни Христа. Сходство обоих авторов в том, что они умели видеть природу и подмечать в ней главное. Акад. А. С. Орлов извлек из текста «Слова» конкретные черты степи («поля чистого», «земли Половецкой»), в которую углубились русские войска: яруги, холмы («шеломени»), реки, болота и т. д., на которых росли степные травы, паслись стада.⁵⁴ Так и из «Хоженья» Даниила можно узнать все основные признаки палестинского пейзажа, познакомиться с растительностью и животным миром этого края. Но разница между двумя писателями заключается в том, что первый — поэт и природа для него источник вдохновения и материал для создания поэтических образов, тогда как задача игумена Даниила — дать читателям такое конкретное представление о Палестине, которое заменило бы для них самое путешествие туда. Напомним, что и в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия иногда в рассказ о событиях вляется описание обстановки, в какой происходит действие, однако в поэтическую стилистику элементы этих описаний не превращаются.

⁵³ Даниил игумен, стр. 13, 41, 46.

⁵⁴ См.: А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. 2-е дополн. изд., М.—Л., 1946, стр. 13—14.

Богатство и красоту Русской земли «светло светлой и украсно украшенной» показал с помощью пейзажа автор «Слова о погибели Русской земли», только эпитетами обнаруживший свое эмоциональное отношение к русской природе и назвавший все перечисленные им признаки ее «красотами»: «горами крутыми, холми высокими, дубравами частыми, полями дивными».⁵⁵

Таким образом, наличие в «Слове» и символически-метафорического и конкретного пейзажа находит себе соответствие в памятниках русской литературы XII в. и продолжение в произведении первой половины XIII в. В своем чутком отношении к природе и в способности выразить вызываемые ею настроения ближе всех автор «Слова» к Кириллу Туровскому.

И вне прямого метафорического способа раскрытия темы Кирилл Туровский в торжественном ораторстве иногда как бы перекликается с автором «Слова», оттеняя настроения, вызываемые воспоминаниями о евангельских событиях, посредством сопоставления их с переживаниями человека в семейной жизни. Автор «Слова» подчеркнул мужество Всеволода Святославича, введя в его героическую характеристику интимно личный мотив: молодой князь сражается, «забыв» не только «чти и живота», но и «своя милья хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая». После поражения Игоря тоскует вся Русская земля, тужит Киев, стопет «напастьми» Чернигов, и «жены русския» в трогательном плаче изливают скорбь по убитым мужьям. Призывы к князьям выступить «за землю Русскую» переходят в мольбы Ярославны, обращенные к стихиям природы, вернуть ее «ладу» из плена. Кирилл Туровский «слово на светоносный день воскресения Христова» начинает своеобразным вступлением — сценкой из семейной жизни, чтобы подготовить читателя к рассказу о том, как «скорбь», навеянная воспоминаниями о распятии и смерти Христа, сменяется радостью, вызванной вестью о его воскресении: «Отшедшу бо мужеви в путь далече, жена, скорбѣна бывши, детям претить; пришедшу же мужю внезапно, жена веселье неисповедимо приемлет, и дети радостию ликоствуют, паче естества обогащаеми».⁵⁶ Автор не пытается здесь раскрывать переносный смысл каждого слова, как он делал это в «Слове по пасце». Он уподобляет лишь настроения, и для большей убедительности такого смелого сопоставления изображает семейную радость преувеличенно: «веселье» жены «неисповедимо», а дети радуются «паче естества обогащаеми».

«Слово» также прибегает к гиперболе, которую Георгий Херобоск называет «лихоречье» или «лихновъное», поясняя: «есть речь — лишиши истины въздраштения ради, яко же се кто скоро

⁵⁵ См.: Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли», стр. 154.

⁵⁶ Е р е м н и, т. XIII, стр. 412.

риштуштааго рече, яко риштеть акы ветр» (Изборник Святослава 1073 г., лл. 239 об.—240). В призывах к князьям выступить «за землю Рускую, за раны Игоревы» автор гиперболически изображает могущество, воинскую силу выдающихся князей своего времени. Всеволод Юрьевич Суздальский, по словам автора, может «Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти». Гиперболический образ победы, одержанной Всеволодом незадолго до похода Игоря, вызывает с такой же силой выраженный образ победы над половцами «за обиду сего времени». Портрет Ярослава Осмомысла нарисован теми же ярко преувеличенными красками: он «подперъ горы Угорскыи своими желъзными плъки», «меча бремени чрезъ облаки». Сказочно-эпическое преувеличение формирует рассказ о Всеславе Полоцком, который за одну ночь из Киева «дорискаше» до Тьмутороканя, в Киеве слышал звон полоцких колоколов — и все-таки не миновал «суда божия». Так, в этом эпизоде гипербола помогает доказать, что даже и «вѣща душа въ дръзѣ тѣлѣ», наделенном необыкновенными способностями, не спасает от расплаты: Всеслав «часто бѣды страдаше». Но в рассказе о главных событиях — о сборе в поход, о двух сражениях — автор избегает какого бы то ни было преувеличения. Может быть, только количество захваченных в первом набеге сокровищ несколько преувеличено; вряд ли в действительности войны так пренебрежительно отнеслись к ним, что «начаша мосты мостиги по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ» драгоценными тканями и «всякими узорочьи».

Преувеличение характерно для многих речей в повествовании Иосифа Флавия. Иосиф, плененный римлянами, обращается к Веспасиану с просьбой не отправлять его к Нерону: «Ты бо еси владыка не токмо и zde, но всен земли, и морю, и всему роду человечьскому».⁵⁷ Веспасиан, вдохновляя своих воинов, внушает им: «Наших бо рук ничто же не утече от всея вселеня»⁵⁸ и т. п. Гиперболически представлена особая сила воды в Ерихонском колоде: «Аще и капля (этой воды) уканеть на месте, но ползуеть паче одождимаго беспрестани».⁵⁹ Плодородие местности вокруг Ерихона описано подробно, и автор заключает его: «Аще же кто наречет место то божественны ран, и то не въгрешить в место правды».⁶⁰ Во время осады Иерусалима в «олтаре» «кровь стояше . . . акы озеро»⁶¹ и т. д.

«Слово» применяет «лицетворение» не только к «бездушным», как рекомендует Херобоск, но и к отвлеченным понятиям. Так возникают зримые образы «дѣвы Обиды», плещущей «лебедиными крылы», «кличущей Карны» и «Жли» (Жели), с «пламяным» рогом, «мычущей смагу». Литература XI—XIII вв. не дает

⁵⁷ Ф л а в и й, стр. 310.

⁵⁸ Там же, стр. 314.

⁵⁹ Там же, стр. 346.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, стр. 359.

параллелей к этим олицетворенным образам. По-видимому, материал для их создания кроется в фольклоре русском и восточном,⁶² но нам важно отметить, что среди «творческих образов», перечисленных в статье Херобоска, «лицетворение» признавалось как элемент литературной стилистики.

Среди риторических фигур у Херобоска названо на десятом месте «сътврѣное»: «Есть слово глаголемо не по чесому, от него же глаголеться по подобю, яко же се егда кто с гневѣмъ и с яростию възираеть, глаголем акы лъв възирае на мя оньсица» (Изборник Святослава 1073 г., л. 239). Так, в «Слове» быстрый бег вызывает «по подобю» представление о бегущем «сѣром волке» (хотя само словосочетание идет, видимо, от устной традиции): после разгрома половецких веж «Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ вълкомъ», Всеслав «скочи ... лютымъ звѣремъ», Игорь «скочи ... босымъ вълкомъ», «Влуръ вълкомъ потече». Быстроту движения бегущего из плена Игоря выражают также «по подобю» сопоставления: «поскочи горнастаемъ ... бѣлымъ гоголемъ ... полетѣ соколомъ...».

Херобоск предлагает в качестве риторического приема «выименностьство» (так переведено греч. «антономасиа»): «... да не речем истааго имени, нѣ от сълучивъщихся». В «Слове» эпитет Всеволода Святославича — «Буй Тур Всеволод» — заменяет в дальнейшем тексте его имя: «камо Туръ поскочяше», «уже бо ста Туръ на борони».

Одна из риторических фигур Херобоска объясняет в «Слове» необычное словосочетание: «крычать тѣлѣгы ... рци, лебеди роспущени». Девятая фигура — «имятворение» — определяется так: «Есть речъ по подражанию и по подобю некоему незнаменаемуу бывъши, яко же се егда кѣто несѣгласныя тѣпѣты гласы наричать» (Изборник Святослава 1073 г., л. 238 об.).

Статья Херобоска, основанная на правилах античных риторик, с примерами из церковнославянского языка, рекомендовала тем самым применение этих правил в литературной практике всех, кто пользуется выразительными средствами этого языка. Его лексическое и синтаксическое богатство открывало широкие возможности для создания подобных тропов и риторических фигур. Автор «Слова» использовал для этого также выразительные средства живого русского языка и его устно-поэтического варианта.

* * *

Явно ритмический строй «Слова» создается иногда синтаксической симметрией соединяющихся в эпизодах предложений, например: «земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ, пороси поля прикрывають, стязи глаголютъ ... летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ

⁶² См. параллели: А. А. Потѣбня. Слово о полку Игореве. Текст и примечания. 2-е издание, Харьков, 1914, стр. 69—70; А. С. Орлов. Дева-лебедь в Слове о полку Игореве. — ТОДРЛ, т. III. 1936, стр. 27—36.

сабли о шеломы, трещать копия харалужныя . . . ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати». Особенно выделяется симметричностью построения характеристика воинов-курян, звучащая почти как стих: «Подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конецъ копия възскрѣмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени».

Возникает вопрос: была ли для читателя необычной такая конструкция речи? Обращаемся к Изборнику Святослава 1076 г., в который вошли самые популярные в течение всего средневековья поучения на темы личной и общественной морали. Эти поучения состоят из ряда наставлений, приобретающих форму афоризмов, часть которых вошла в язык и со временем превратилась в народные пословицы. Нередко группы таких наставлений объединяются синтаксической симметрией: «Въстени акы мытарь, прибегни акы блудныи, умили ся акы Ахаав, плачи ся акы Петр, зови акы ханааныни, предъстои яко вдовиця, моли ся акы Иезекия» (л. 50об.—51);⁶³ «алчьнааго накърми . . . жадьнааго напои, странна введи, больна присети, к тьмници доиди» (л. 11); вариант этого наставления составляет ряд более сложных синтаксически, но также симметрически построенных предложений: «Аште бо насытил ся еси пищею, накърми альчьнааго, напил ли ся еси, напои жадьнааго; и съгрел ли ся еси, съгреи трясуштааго ся зимою; в храме ли красье и висоце възлежиши, введи скытаюштааго ся по улицам в дом свои; възвесели ли ся еси на тряпезе, обесели и скърбяштааго; обрадовал ли ся о чемь, обрадуи и сетуюштааго; почъстиша ли тя яко богата, почъсти и ты убогыя; весело ли ступаеши по степенъм от князя исходя, сътвори да в дому твоємь скърбяште не ходять» (лл. 19 об.—20 об.); «очисти тело постъмь, истреби жаждею, украси съмерениемь, накади благоуханною модигвою» (л. 35 об.); «на небеси прославлени и по земли хвалими и на помощьъ призываеми» (л. 38 об.) и т. д.

Многочисленные примеры ритмической речи такого типа дает гимнография в русском списке Минеи 1095—1097 гг. Напомню «плач Адама» из Триоди по списку XII в. (рукопись собр. Погодина № 41, ГПБ): «Раю святыи, мене ради насажен, Евгы ради заключен . . . Раю всечестныи, красная доброто, богоздано селение, веселие непостижимое и наслажение» (лл. 1, 2 об.).

Синтаксическая симметрия ритмизирует плач Глеба в «Сказании о убиении Бориса и Глеба»: «. . . не пожьнете мене от жития не съзьрела, не пожьнете класа не уже съзьревѣша, нъ млеко безълюбияносяща, не порежете лозы не до коньца въздрастѣша, а плод имуща».⁶⁴ Ритмична речь Даниила Заточника и тогда,

⁶³ Здесь и далее при цитировании Изборника Святослава 1076 г. листы указываются в тексте в скобках.

⁶⁴ Успенск. сб. XII в., стр. 21.

когда он опирается на книжную «мудрость», и тогда, когда переходит на язык «мирских притч», причем ритм организуется сходством синтаксической конструкции фраз.

В русском торжественном ораторстве ритмичность такого рода ясно ощутима уже в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона: «... не к неведущим бо пишет, но преизлиха насыщшемся сладости книжныа, не к врагом божиим иноверным, но самом сыном его, не к странным, но к наследником небесного царствия». На таком ритме строится сопоставление в Христе двух начал — божеского и человеческого: «... яко человек повився в пелены, и яко бог звездоу влѣхвы вождаше; яко человек в яслех влѣже, и яко бог от влѣхвы дары и поклон прият; яко человек бежааше в Египет, и яко богу рукотворенаа египетскаа поклонишася»⁶⁵ и т. д. В этом ритме ведется противопоставление Ветхого завета Новому и прославление Владимира, Ярослава и приобщенной к христианству Русской земли.

Кирилл Туровский по-своему развил ту же тему двух начал в Христе и придал изложению ритмический строй: «... яко человек воспив испусти дух, но яко бог землею потрясе ... яко человек в ребра прободен бысть, но яко бог завесу перваго закона полъма раздра» и т. д. («Слово на святую пасху»)⁶⁶. Синтаксический ритм наиболее отчетливо проявляется у Кирилла Туровского в лирических эпизодах его «слов» — в «плачах» и «похвалах».

В лирических эпизодах Повести временных лет (Лавр. лет. под 1093 г.) можно услышать такой же ритм в описании страданий русских пленников у половцев: «... зимою оцепляеми, в алчи и в жажи и в беде, опустневши лица, почерневше телесы...»; «Кого бо тако бог любить, яко же ны възлюбил есть? Кого тако почел есть, яко же ны прославил есть и възнесл?». В «Слове о казнях божиих» под тем же годом речь также иногда становится ритмичной: «Сего ради вселеная предасться, сего ради гнев простресе, сего ради земля мучена бысть: ови ведутся полонени, друзии посеказми бывають, друзии на месть даеми бывають ... прославлени бывше, не прославихом; почтени бывше, не почтохом; освятившесе, не разумехом; куплени бывше, не поработухом; породившесе, не яко отца постыдехомся».

Примеры обращения разных жанров переводной и русской литературы XI—XII вв. к ритмичной речи, основанной на синтаксической симметрии, показывают, что ритмичный строй «Слова о полку Игореве» закономерен для конца XII в. И если в отдельных случаях ритм идет в нем несомненно от устной поэзии («Не буря соколы занесе ... галици стады бѣжать», «не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми» и т. п.), то синтаксическая симметрия, известная в поздних записях песенного фольклора и, воз-

⁶⁵ Иларион, стр. 60, 64.

⁶⁶ Еремин, т. XIII, стр. 412.

можно, существовавшая в эпических и лирических песнях XI—XII вв., в то же время находила опору и в литературе. Создавая литературное «слово-песнь», автор не отходил от книжной традиции, широко используя приемы ритмического повествования.

* * *

Подводя итоги наблюдениям над элементами, из которых сложилась поэтическая система «Слова о полку Игореве», мы приходим к заключению, что и его жанровая природа, и отдельные тропы, и ритмичность речи связаны с обеими традициями словесного искусства XI—XII вв. — фольклорной и литературной. То, что представлялось исследователям «необычным» для писателя конца XII в. — смешанный, «неопределенный» жанр, объединивший признаки книжного «политического» ораторства, лирического повествования об исторических событиях и народных «слав» и «плачей», размышления о способе изложения, сложные метафоры, художественно изображающие способности ума, мысли человека, — все это нашло опору в литературе XI—XII вв. и получило дальнейшее развитие в литературе первой половины XIII в. Автор «Слова» глубоко овладел всеми средствами художественного воплощения историко-публицистического, лирически окрашенного содержания, какие представляла ему литературная культура его времени. Отчетливо осознавая отличия поэтики Бояна, автор органически слил в своем творчестве обе поэтические системы, развил достижения каждой из них. Он не нарушил закономерностей общего хода развития русской литературы. Глубине его общественно-политической мысли, народности оценки событий и их участников соответствует творческое повышение изобразительности художественных средств, отобранных им и из поэтической речи народа, и из накопленного словесного богатства византийско-болгарской и русской литературы. Автор «Слова» прочно связан с этой почвой, он питается ею, и все же он опережает писателей своей эпохи так же, как опередил позднее Пушкин своих современников. Поэтическое дарование автора — вот единственная сила, поднявшая «Слово о полку Игореве» над всей окружавшей его литературой так высоко, что оно и в наши дни продолжает активно участвовать в жизни советского и зарубежного словесного и изобразительного искусства.

II

Изучение самого словарного материала, из которого создана поэтическая стилистика «Слова о полку Игореве», уже в конце прошлого века привело к постановке задачи составления полного словаря этого памятника. Трехтомный труд Е. В. Барсова «Слово

о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси» (М., 1889) наметил широкую программу изучения «лексикологии» «Слова» и довел лексический комментарий до слова «мя».

Начатую Е. В. Барсовым работу продолжают до сих пор, но по-прежнему уделяя основное внимание лексике, а не словосочетаниям. В 1920-е годы вышел цикл работ акад. В. Н. Перетца, в которых рассматриваются отношения лексики и фразеологии «Слова» к стилистике библейских книг; знакомство с ними читателей домонгольского периода подтверждается их списками XI—XIII вв. или подборкой избранных отрывков в старших текстах Паремийника. В. Н. Перетцем проведено было также сопоставление «Слова» с «Историей Иудейской войны» Иосифа Флавия в русском переводе XII в., сделана сводка наблюдений предшественников, дополненная материалом, извлеченным самим исследователем из летописных и литературных памятников. Так сложился комментарий к «Слову» в его монографии 1926 г. Во всех этих работах В. Н. Перетца четко сформулировано основное требование к подобного рода исследованиям: выбирать для комментирования стилистики «Слова» прежде всего те памятники, в которых представлены разные типы литературного и делового языка домонгольского времени. Особенно тщательно этот принцип проведен при сопоставлении «Слова» с языком библейских текстов догеннадиевского периода.⁶⁷

Когда мы устанавливаем среди элементов «высокого стиля» «Слова» отражения библейской стилистики, следует учитывать, что в литературный язык XII в. она входила не только непосредственно через обращавшиеся в это время отдельные списки или собранные в Паремийнике отрывки. В переведенную на Руси Хронику Георгия Амартола также вошли выдержки, а иногда рассказы эпизодов и из тех частей Библии (особенно ветхозаветных), которых в полном виде древнерусская письменность не имела до конца XV в. Цитировали часто Библию и те византийские произведения «отцов церкви», которые в южнославянских переводах были широко известны в домонгольский период. Таким образом, библейская стилистика впитывалась литературным языком и прямо через библейские книги, и через посредство многочислен-

⁶⁷ В. Н. Перетц. 1) К изучению «Слова о полку Игореве». II. «Слово» и Библия; III. «Слово» и «Повесть о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия. — ИОРЯС, т. XXIX, 1925, стр. 23—55; 2) К изучению «Слова о полку Игореве». IV. Эпитеты в «Слове о полку Игореве» и в устной традиции. — ИОРЯС, т. XXX, 1926, стр. 143—204; 3) «Слово о полку Игореве». Памятка феодальной Украины-Руси XII вѣку. Зап. Іст.-філ. від. Укр. АН, 1926. № 33; 4) «Слово о полку Игореве» и исторические библейские книги. Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. — СОРЯС, т. CI, № 3, 1928, стр. 10—14; 5) «Слово о полку Игореве» и древнеславянский перевод библейских книг. — ИпОРЯС, т. III, кн. 1, 1930, стр. 289—309.

ных отражений ее в византийском и южнославянском учительном и торжественном ораторстве, в гимнографии, в таких естественно-исторических сочинениях, как Шестоднев, Физиолог. Вся эта литература не только обогащала русский литературный язык с XI в. своим способом выражения, но она наравне с Пчелой закрепляла в памяти читателей библейские афоризмы, которыми авторы подтверждали свои мысли. Этим объясняется и то, что русские писатели с XI в. также опираются на авторитет библейских книг, и то, что даже на фразеологии светской литературы отражается стилистика Библии.

Сводкой параллелей к «Слову», опубликованной в монографии В. Н. Перетца 1926 г., продолжали пользоваться исследователи и в 1940—1950-е годы, дополняя их своими наблюдениями. В полемике с А. Мазоном, искавшим аналогии, а то и прямые источники фразеологии «Слова» в литературе XVIII в., притом не только русской, ряд интересных стилистических материалов привели Н. К. Гудзий⁶⁸ и Р. О. Якобсон (в коллективном труде американских филологов 1948 г.).⁶⁹ Обобщение той части наблюдений, которая относится преимущественно к «воинской» фразеологии «Слова», привело Д. С. Лихачева к выводу о связи многих образов памятника с «феодалными, географическими и тому подобными терминами своего времени, обычаями, формулами и символами эпохи феодальной раздробленности».⁷⁰

Ценные наблюдения над некоторыми синтаксическими чертами в языке «Слова», свидетельствующими о том, что оригинал Мусин-Пушкинского списка относился к домонгольскому периоду, содержатся в исследовании акад. С. П. Обнорского «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода» (М.—Л., 1946).

В 1965 и 1967 гг. вышли первые два выпуска «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“», издаваемого Институтом русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.⁷¹ В 1966 г. Т. Чижевская за рубежом выпустила полный словарь, дающий к лексике «Слова» комментарий, состоящий из двух частей: первый раздел параллелей составляют цитаты из «Задонщины», второй — из памятников старшего периода или, когда в них соответствующий

⁶⁸ Н. К. Гудзий. 1) Ревизия подлинности «Слова о полку Игореве» в исследовании проф. А. Мазона. — Ученые записки МГУ, вып. 110, Труды кафедры русской литературы, кн. I, 1946, стр. 153—187; 2) По поводу ревизии подлинности Слова о полку Игореве. — Слово, стр. 79—130.

⁶⁹ La Geste, стр. 217—360.

⁷⁰ Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 53—92.

⁷¹ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 1 А—Г. Составитель В. Л. Виноградова, под редакцией Б. А. Ларина, Б. Л. Богородского, Д. С. Лихачева, изд. «Наука», М.—Л., 1965; вып. 2 Д.—Копье. Составитель В. Л. Виноградова, под редакцией Б. Л. Богородского, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова, М.—Л., 1967.

материал отсутствует, то из текстов более поздних или из народной поэзии.⁷²

Обе последние словарные работы по самому своему типу ограничивают задачу комментированием именно лексики «Слова». Между тем назрела необходимость сосредоточить внимание прежде всего на фразеологии этого памятника: показать, что весь словесный материал, из которого построено «Слово», при всем его художественном своеобразии, вполне соответствует тому способу выражения, который зафиксирован в разных типах книжного и народного письменного языка домонгольского времени, в разных литературных и деловых жанрах. Для такого рода исследования недостаточны уже показать, что отдельные лексемы «Слова» существовали в языке XI—XIII вв.: на первый план выступает изучение их сочетаний. Именно поэтому параллелями к «Слову» могут служить не только прямые соответствия, но и аналогичные по конструкции, по самому художественному замыслу выражения.

Значительный материал для выполнения именно этой задачи дает работа Д. С. Лихачева, характеризующая воинскую стилистику «Слова». Частично некоторые фразеологические параллели к «Слову» могут быть извлечены и из исследований конца XIX—первой половины XX в. Но задача систематического изучения словосочетаний нашего памятника во всем их объеме, на фоне той разнообразной литературы, по которой мы судим и о мировоззрении человека XII в., и о способах словесного его выражения, еще не ставилась. Эта задача может быть решена лишь общими усилиями литературоведов и историков русского языка, чья помощь особенно необходима при исследовании синтаксических конструкций «Слова», выполняющих определенную стилистическую функцию в поэтическом языке автора.

Стилистический комментарий к «Слову» — это отнюдь не определение «источников», какими будто бы прямо пользовался автор. Конечная цель такого комментария — представить, насколько свободно владел этот автор всеми средствами древнерусской речи, как умело и целесообразно он отбирал из ее богатств наиболее подходящие способы выражения для каждого из элементов сложного содержания своего произведения, как органично слил он их в своем действительно неповторимом индивидуальном стиле.

Стилистические параллели к лексике и словосочетаниям «Слова» показывают, как прочно они связаны со всеми типами литературного и живого языка XI—XII вв. — от делового до устно-поэтического. Элементы каждой из разновидностей языка этого времени использованы им строго в соответствии с характером передаваемого содержания, оттого стиль «Слова» не оставляет впечатления пестрой механической смеси разнохарактерных составных частей — в нем все в точности отвечает стоящей перед авто-

⁷² Tatjana Cizewska. Glossary of the Igor Tale. London, 1966.

ром задаче. Так свободно сплетал и близкий к нему по времени переводчик «Истории» Иосифа Флавия средства разных типов литературного языка для передачи сложного содержания оригинала. Рядом с этим переводчиком и автор «Слова о полку Игореве» именно как мастер художественного слова, овладевший всем богатством книжного и живого языка своего времени, не представляется «необъяснимым», каким пытаются изобразить его «скептики».

Настоящая работа, используя материал, накопленный исследователями, и дополняя его, призывает продолжить поиски фразеологических соответствий и аналогий к «Слову», которые еще прочнее свяжут этот памятник с литературной культурой своего времени.

Стилистический и лексический комментарий к «Слову о полку Игореве»

*Слово о пълку Игоревѣ, Игоря, сына Святѣславля, внука Ольгова.** — Термин *слово* в течение всего средневековья применялся к произведениям разных жанров. В XI—XII вв. «словом» называл свои поучения Феодосий Печерский, торжественные речи на праздники — Кирилл Туровский, русский переводчик «словом» иногда называет повесть Иосифа Флавия о взятии Иерусалима римлянами. В XIII в. «словом» определяется рассказ о бедствиях Русской земли, разоренной татарами-монголами, — «Слово о гибели Русской земли». В XVII в. «словом» писец назвал «Задонщину» — повесть о Куликовской битве (рук. ГБЛ, собр. Ундольского № 632). Тем же термином нередко именовались повести легендарные, сказочные в списках XV—XVII в. — о Басарге, об Акире, о посаднике Щиле и др. В Мусин-Пушкинском сборнике наш памятник только в заглавии был назван «Словом», в самом же тексте он определяется как «повѣсть» или «пѣснь». Первые издатели восприняли памятник как «героическую песнь» и так именно озаглавили свое издание. Таким образом, термин *слово* несомненно восходит к самой рукописи и воспроизведен по ней в издании 1800 г., хотя сами издатели предпочли назвать памятник так, как он не раз именуется в тексте. Однако нельзя с уверенностью утверждать, что и в заглавии авторского текста произведение именовалось «словом»: этот термин могли ввести и поздние переписчики, поскольку и в XIII—XVI вв. наблюдается применение его к произведениям разных жанров, в том числе и историко-повествовательных. — *о пълку* — в заглавии, в начальной фразе и в воспоминаниях об Олеге (*были пълци Олговы. . . то было въ ты рати и въ ты пълкы*) это слово обозначает «война, поход». С таким значением оно известно уже по Пов. врем. лет, где под 971 г. читаем: «Еда како прельстивше изъбють дружину мою и мене, беша бо многи погibli на полку». Так и Владимир Мономах

* Текст «Слова» цитируется по изданию: Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия, 2-е изд., Л., 1967, стр. 43—56.

пишет, что «муж умерл в полку» (см. другие примеры: Срезневский, II, 1749). В том же значении «полк» употребляется в переводной литературе Киевского периода: в Александрии первой редакции читаем: «Убиен есть на плъку Александр», «убиен ли есть кто от вас на плъку» (Александрия, стр. 29, 47 и др.). — *Игоревъ* — прилаг. притяж.: «Володимиру... вьнуку же Игореву» (Успенск. сб. XII в., стр. 12). — В заглавии «Слова» его главный герой именуется и по отцу и по деду — *Игоря, сына Святъслава, внука Ольгова*. Так назван он и в Ипат. лет. под 1185 г.: «Святославичъ Игорь, внук Олгов». Но в тексте «Слова» Игорь называется лишь с отчеством — *Игорь Святъславичъ*, а другие князья или только по имени (*великий Ярославъ*), или по отцу (*сыну Глѣбову*), или по деду (*внуце Всеслави*). «Генеалогическая» формула, называющая и отца и деда (а иногда и прадеда), известна с XI в. по похвале Владимиру в «Слове» митр. Илариона: «Похвалим ... Владимира, внука стараго Игоря, сына же славнаго Святослава» (стр. 70). В Киевск. лет. XII в. наименование по отцу и деду (иногда и по прадеду) встречается изредка в сообщении о вокняжении данного князя (Ипат. лет., 1149 г.): «Начало княжения в Киеве князя великаго Дюргя, сына Володимиря Мономаха, внука Всеволожа, правнука Ярослава, пращюра великаго Володимира, хрестившаго всю землю Рускую», чаще — в известии о смерти князя: «Преставися Володимир, князь Рязани, сын Святославль, внук Ярославичъ» (1162 г.; см. такие же формулы в Ипат. лет. под 1167, 1173, 1175, 1179, 1197, 1288 гг.). Такое полное титулование, однако, применяется гораздо реже, чем наименование севшего на стол или умершего князя только по имени и отчеству. В Лавр. лет. нет такого устойчивого применения наименования князя по отцу и деду лишь в сообщениях о вокняжении или смерти. Под 1138 г. «Мстиславичъ Всеволод, внук Володимеръ, его же выгнаша новгородци от себе, он же приде... Киеву, и да ему Вышегород»; под 1175 г.: «Убьен бысть великий князь Андрей, сын великаго князя Георгия, внук Мономаха Володимера» (в известиях о смерти князя такая формула в Лавр. лет. читается также под 1177, 1179, 1218 гг.). Настойчиво напоминает летопись об отце и деду в рассказах о княжении Всеволода Большое Гнездо, где генеалогическая формула применяется в самых разнообразных случаях: под 1187 г. такое титулование включено в сообщение о замужестве дочери князя: «Всеволод Юргевичъ, Володимеръ внук Мономахов, отдал дщерь свою...»; там же: «Иде великий князь Всеволод Юргевичъ, внук Володимеръ, на Рязань»; «посла ... Всеволод сын Гюргев, внук Мономахов Володимеръ, г Киеву» (1190 г.); «быша постригы у ... Всеволода, сына Георгева, внука Володимеря Мономаха» (1192 г.); «родися у ... Всеволода, сына Гюргева, внука Володимеря Мономаха, сын» (1194 г.); «ходи ... Всеволод Гюргевич, внук Володимеръ Мономаха, на Половци»

(1199 г.); «Посла... Всеволод Гюргевиѣ, внук Володимерь Мономаха, сына» (1201 г.); «слышав... Всеволод Гюргевиѣ, внук Володимерь Мономаха, оже Олговичи воюют» (1207 г.); «преставися великый князь Всеволод, именовавыйи в святомъ крещеньи Дмитрии, сын Гюргев... внук Володимира Мономаха» (1212 г.). Но в рассказах о сыновьях Всеволода они именуются лишь по отцу — «сын Всеволожь», и один раз вспоминается дед и прадед в известии о смерти Константина («преставися... Костянтин сын Всеволожь, внук Гюргев, правнук Володимира Мономаха», — 1218 г.). После этого известия князья называются лишь по отцу. На фоне такого способа применения генеалогической формулы, особенно последовательно проводимого в южных летописях, становится ясно, почему автор «Слова» воспользовался ею лишь в самом начале — в заглавии своего произведения и больше к ней не возвращался: он был хорошо знаком с практикой ее употребления в южном летописном языке.

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстии о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? — *Не лѣпо ли... начяти* — конструкция «лепо» («не леп») с неопределенным наклоном обычно в языке XI—XII вв. В Изборнике Святослава 1076 г. она встречается нередко, причем «лепо» имеет значение «следует», «подобает»: «Съвяжи язык си: многашьды бо извештаеть, еже есть лепо таити» (л. 64—64 об.); «лепо есть человеку имети паче вьсего жития да не прилежити именьи зело» (л. 101 об.; такой фразой начинается «слово» святого Василия «какко подобает человеку быти»); сосуды «лепо приносити и дати» в церкви, не имеющие их (л. 206); «лепо есть часто молитися» (л. 229 об., начало поучения «святаго Генадия»); «не лепо ти есть прилипати к пьянству» (л. 256 и выше: «Отъязати ся подобаетъ пьянства», л. 75 об.). Житие Феодосия Печерского в списке XII в. Успенск. сб. дает много примеров такой конструкции: «Нестъ бо ти лепо... таковаго дела делати» (стр. 45—46); «лепо бо нам есть... по вся дъни каяти ся грех своих» (стр. 60); «нестъ лепо нам, братие... събърание пакы творити имению» (стр. 73); «нестъ лепо съде съповедати» (о случае «преслушания» приказу игумена, стр. 77); «нестъ лепо нам ни в чьмъ же ослушатися наставника» (стр. 78); «лепо бы нам, брате, надежу имети к богу» (стр. 78); «есть лепо нам с божьствьнымъ Ияковьмъ рещи» (стр. 82); «лепо есть нам... на прокое похваление блаженааго съказание поити» (стр. 83). В том же Успенск. сб. эту конструкцию находим в житии Ирины: «Яви ми, аще лепо ми есть мужа пояти» (стр. 99). В Ипат. лет. под 1170 г. князь Мстислав Изяславич в речи к «братьи своей» призывает: «...а лепо ны было, братье... поискати отецъ своих и дед своих пути и своеи чьсти». Ср. в переводе «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия многочисленные примеры утвердительной и отрицательной форм этого оборота: «Лепо есть Ирода поставити це-

саремъ» (стр. 191); «не лепо бо ему переяти» (стр. 220); «лепо няти веру» (стр. 245); «нелепо ми презрети» (стр. 263); «нелепо слушати» (стр. 267); «лепо есть . . . с вои ити» (стр. 273); «лепо нам на славу варити помощники» (стр. 314). Ту же конструкцию встречаем с вопросительной интонацией, выраженной частицей «ли»: «Лепо ли есть жене открьвеною главою молитися богови» (Христиноп. Апостол, цит. по кн.: Перетц, стр. 133); «лепо ли е кръстьяну исповедовати вазнь» (Изборник Святослава 1073 г., л. 114); «лепо ли бы нам. . . церквь в имя ею възградити» (Житие Бориса и Глеба: Срезневский, II, 74). — ны (но в плаче «жен русских» — *намъ. . . ни мыслию смyslити*) — эту форму личного местоимения 1-го л. в дат. пад. множ. ч. С. П. Обнорский оценивает как «архаическую особенность языка», сохраненную от оригинала «Слова» (Очерки, стр. 157) — см. примеры такой формы в Изборнике Святослава 1076 г.: «Церковь домашнюю. . . имен ум свои, да творити подобно ны есть в ней законы церковныя» (л. 71 об. — 72); «Аште сами судим си, то и суди ны укротиться» (л. 78); «се слыша тайну, ю же ны есть дал Христос» (л. 120 об.); иногда здесь «ны» стоит рядом с «нам»: «Еште же и по другому нам есть безвестно, да тако ны есть о хръстьянах детьх слово» (л. 125). — *бъшетъ* (ср.: *бъшетъ притрепеталъ . . . бъшетъ горѣ под облакы вѣяти. . . пушашеть . . . сѣяшеться и растяшеть усобицами*). — Эти формы С. П. Обнорский определяет как «примеры образований с надставочным ть», а *бъшетъ* — с «я» вместо «ѣ» он называет «русским» (Очерки, стр. 159). В Успенск. сб. XII в. имеем это русское образование в виде «бъше—бъшетъ» или в нестяженной форме «бъше» (стр. 13 и др.). В житии Феодосия Печерского в Успенск. сб. XII в. надставочное «ть» или «ти» встречаем в формах 3-го л. ед. ч.: «попирашеть» (стр. 53), «измеляшеть» (стр. 55), Феодосий «облечашети и (пришедшего в монастырь) в мьнишьскую одежду. . . в всех службахъ искушашети и. . . оболочашети и в мантию. . . сподобашети и прияти святую скиму» (стр. 57); «николи же. . . лежашеть» (стр. 58); «моляшети и. . . любляшети и. . . яко отца его себе имеашеть» (стр. 63). Таким образом, начальная фраза «Слова» построена по норме, широко распространенной в русской и переводной литературе XI—XII вв. и употреблявшейся в обоих типах литературного языка этого времени. Обращение автора к слушателям или читателям *братисе* обычно в литературе XI—XII вв. в произведениях ораторского жанра (см. примеры: Перетц, стр. 134), но его встречаем и в «Чтении о Борисе и Глебе» Нестора: «Братья мои и отчи», и в предисловии игумена Даниила к его описанию Палестины: «Братие и отци, господие мои, простите мя грешнаго», причем из контекста видно, что Даниил обращался особенно к тем читателям, которые сами не могут побывать в «святых местах» и вынуждены ограничиться знакомством с ними по его описанию, т. е. и к мирянам. Самое обращение *братисе* в XI—XII вв.

не ограничивалось значением «духовная паства» или «монахи»: это был и термин феодальной иерархии, объединявший в период феодальной раздробленности князей, даже при отсутствии прямого родства между ними по родителям. Таким образом, автор «Слова» своим обращением *братие* адресовался к широкому кругу светских читателей, как и его земляк игумен Даниил, выделивший, впрочем, князей термином «господие», и в середине XII в. Даниил Заточник («Вострубим, братие, яко во златоконанныя трубы»). — *старыми словесы*. — К языку песен Бояна приложено то же определение «старый», каким автор «Слова» наделяет князей XI в.: героя песни Бояна «старого Ярослава» и «старого Владимира». Следовательно, столетней давности язык для автора конца XII в. — уже «старые словеса», которые он так же отличает от современных ему, как *старого Владимира* от *нынѣшняго Игоря* (ср.: Гудзий. По поводу ревизии, стр. 96). Как Кирилл Туровский, «Слово» называет изложение «словесы»: оно спрашивает, не следует ли *старыми словесы* рассказать о *пѣлку Игоревѣ*. Кирилл Туровский представляет писателей, которые «украсят словесы» (Калайдович, стр. 74) подвиги своих героев; ср. у Флавия: «... светлыми словы нача хвалити» (стр. 460). *Старыми словесы* Боян воспевал «старых» князей, так и Хроника Константина Манассии прилагает выражение «древнеа словеса» к рассказу о далеком прошлом, о тех, кто «обладаша испрѣва» и «царствоваша» (Богдан, стр. 1). В Изборнике Святослава 1073 г. «словеса» — это не только устный, но и письменный рассказ: «... лепо им бы не тѣчью сих послушати словес, нѣ и яже неописаное божие съказують» (л. 131). — *трудныхъ повѣстии* — здесь (как и ниже: «Почнемъ же, братие, повѣсть сию») слово «повѣсть» не узкожанровый термин, но то широкое применение этого слова в значении «рассказ», какое находим и в переводной и в русской литературе XI—XIII вв.: «... слыши же о семь и повести некыхъ» (Изборник Святослава 1073 г., л. 95 об.); «не презъри повести мудрыхъ» (Изборник Святослава 1076 г., л. 162); «не отъступи от повести старьчь» (там же, л. 162). По определению С. П. Обнорского (Очерки, стр. 165), мы имеем и в «Слове» и в данных примерах употребление родительного партиципального. Русские памятники XI—XII вв. дают то же, что и в «Слове», сочетание «повесть о» с местн. пад.: «О благодети и истине... повесть си есть» (Иларион), «Повести деяти о известныхъ вещех, бывших в нас» (Память Владимира: Срезневский I, 1047); «о них же и повесть си есть» (Успенск. сб. XII в., стр. 12). К сочетанию *начяти... повѣстии* аналогию дает Остром. ев.: «Понеже убо мѣнози начяша чинити повесть» (Срезневский, II, 349). — Определение *трудныхъ* Срезневский переводит «печальных» и не дает других примеров на это значение. Но, поскольку «Слово» — это «повесть» о трудном походе, можно сопоставить это определение с летописным выражением: «А се другая рать перед нами Гюрги,

то же того съждем, то нам, брате, будет трудно» (Ипат. лет., 1150 г.). Ср. у Флавия: «трудный сон» (утомленных битвой воинов, стр. 306). Значение «печальный» можно сопоставить и с глаголом «труждати», которым в Остром. ев. передано греческое слово, обозначающее «тревожить, смущать» (Срезневский, III, 1010). Может быть, «повесть тревожная»?

Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню! — Здесь автор впервые именует свой будущий рассказ «песнью» и в следующей фразе вспоминает Бояню, явно сопоставляя его песни о князьях со своим описанием «плька» Игорева, хотя и как будто предпочитая самой манере Бояня — его замышлению — *былины сего времени*. Далее автор предлагает два зачина, какими следовало бы внуку Бояня начать пѣти . . . пѣснь Игореву, называя опять «песнью» рассказ о походе. И, наконец, в заключении весь предшествующий текст снова называет «песнью»: «Пѣвшие пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти». Обычай прославлять князей известен по летописи; в Ипат. лет. под 1199 г. автор слова похвального князю Рюрику Ростиславичу, обращаясь к нему, говорит: «Отселе бо не на брезе ставше, но на стене твоего создания пою ти песнь победную, аки Мириам древле». Так, «песнью победной» автор именует свое «писание», которое он передает князю «аки дар словесен на похваление добродетелей». Такое употребление термина «песнь» этот автор конца XII в. (игумен Выдубицкого монастыря Моисей) усвоил из Библии, как видно из его ссылки на песнь Мириам. Ср. в Паремийнике XIII в.: «Тѣгда пет Моиси и сынове израилеви песнь сию» (Перетц, 140). В русском переводе Иосифа Флавия (стр. 185) царю Ироду «песни пояхуть . . . по Сурьским градом». Если Рюрика Ростиславича «песнью победною» прославил игумен монастыря за построение стены, то, по рассказу Ипат. лет., в 1251 г. жители Галича «песнь славну пояху» Даниилу Галицкому и его брату за военные успехи. Но в «Слове» с прославлением связана лишь та «слава», которую поют после возвращения Игоря из плена. Здесь пѣвшие пѣснь имеет тот же смысл, что глагол «прославиша» в летописном рассказе об освобождении из заточения киевлянами князя Всеслава: под 1068 г. Лавр. лет. сообщает, что княне «прославиша и среде двора кнѣзя». «Песнотворцами», «ветиями» в отличие от «историков» и «летописцев» Кирилл Туровский назвал тех писателей, которые «украшать словесы и възвеличать мужествовавшая крепко по своему цари и не давших в брани плещю врагомъ» (Калайдович, стр. 74). Таким образом, «песни» исторического содержания в XII в. в русской литературной практике могли быть оформлены и как ораторские произведения, и как «славы» типа дружинных и народных песен. В «Слове о полку Игореве» элементы обеих разновидностей «песен» есть и в прославлении мужества князей Игоря и Всеволода, и в обращениях-призывах к князьям

отомстить за обиду сего времени, и в радостной «славе», встречающей вернувшихся из плена князей. — *Начати же ся* — такое отделение постпозитивного *ся* от глагола частицей *же* обычно в памятниках X—XII вв. В Изборнике Святослава 1076 г. такое *ся* отделяется часто от глагола с помощью «бо», «ли», «ти», но есть и пример, где частице *ся* предшествует *же*: «Обративъшу же ся ученику» (л. 129 об.). В Успенск. сб. XII в. также *ся* отделяется от глагола с помощью «ти», «бо», «ми», но есть и примеры, где отделяющей является частица «же»: «...мнѣнѣ же ся мнѣ» (стр. 7), «кльнѣшу же ся ему» (стр. 9), «исполнѣвъ же ся духа святаго» (стр. 56), «конъчавъшу же ся 7 днь» (стр. 100), «прикосну же ся отрочати» (стр. 103), «обращѣ же ся ста на месте» (стр. 104), и т. д.; в Ипат. лет. (1232 г.): «...изломивъшу же ся копью». — *по былинамъ сего времени*. — Слово «былина» до XVII в. в памятниках не встречается. — *сего времени* — «в си же времена приде волхв» (Пов. врем. лет, 1071 г.: Словарь, 1, стр. 139); «испльни веселиа настоящего времени» (Стихирарь XII в.: там же); «Не суть бо страсти нынешняго времени точны будущей славе» (Патерик Печерский: там же). — *а не по замышлению Бояню* — «бесовское замышление» (Миней 1096, стр. 86); «своя замышления паче писаниемъ държати» (Пандекты Никона: Срезневский, I, 930). В переводе Амартола: «...последѣ же замышлением воеводскими разори» (стр. 522—523); у Флавия: «Овогда от своего замышления моляя» (стр. 211). — *Бояню*. — Автор «Слова» хорошо помнит Бояню: описав вначале его поэтическую манеру, он затем приводит примерные зачины, которыми *въщеи Боянъ* начал бы сам песнь Игорю или, в его стиле, запел бы его «внук». Снова вспоминается Боян в рассказе о Всеславе Полоцком, которому *въщеи Боянъ... припѣвку смысленныи, рече, и его же* изречение приводится в конце «Слова», приспособленное автором к современным ему событиям (*Тяжко ти, головы, кромѣ плечю, зло ти, гѣлу, кромѣ головы*, — и автор добавляет третью часть: *Рускои земли безъ Игоря*). Было высказано много догадок по поводу имени Боян (см. свод их — Перетц, стр. 135—136). Это имя засвидетельствовано в Рядной грамоте Тешаты и Якима, датируемой 1266—1291 г. (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, стр. 317). В Синодальном списке Новг. I лет. дважды — под 1300 и 1326 гг. — называется в Новгороде по этому имени улица: «на Бояни улке». В настоящее время опубликована запись, высеченная на столбе Киевской Софии, с именем Бояна (С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв., вып. I. Киев, 1966, стр. 60—71). По сообщению С. А. Высоцкого, после снятия со столба масляной живописи XIX в. была открыта фресковая штукатурка XI в., на которой частью сверх рисунка более раннего времени (птичка, которая вырезана в середине надписи, очень напоминает подобные изображения на миниатюрах Изборника Святослава 1073 г.; возможно

даже, что она была высечена поверх слова «Ивань»), частью рядом с ним высечена запись в 14 строк о покупке Бояновой земли княгиней Всеволодовой: «мѣА енарА въ љ стго Ип[оли]-та крила землю княгыни Бояню Всеволожаа передъ стою Софию передъ попы а ту был попинъ Якимъ (следует перечень попов)... передъ тими послухы купи землю кн Агыни Бояню всю (сообщается цена этой земли)». Древность этой записи, по начертанию букв датируемой С. А. Высоцким второй половиной XII в., подтверждается и ее языком: «крила» в значении «купила» отмечено Срезневским в списке XI в. Пандект Никона — «Шед на търг крити себе ризу», причем в другом переводе этого памятника вместо «крити» читается «купити» (Срезневский, I, 1325). Так и в Софийской надписи, в конце ее, тоже находим «купи землю». Обращает на себя внимание, что в этой надписи употреблена та же форма притяжательного прилагательного «Бояню», какая читается и в «Слове о полку Игореве», а позднее в Новг. I лет. («на Бояни улке»). В Болгарии и Сербии Боян — обычное имя, нередкое и в топонимике.

Боянъ бо вѣщии, аще кому хотяше пѣснь творити. — Эпитет *вѣщии* прилагается в «Слове» и к «перстам» Бояна, и к Всеславу Полоцкому, у которого *вѣща душа*. В Радз. лет. этим эпитетом наделен под 907 г. Олег: «Прозваша Ольга вещей» (ср. другие примеры: Срезневский, I, 502—503). — *пѣснь творити* — аналогичное сочетание находим у Кирилла Туровского: «Творим повесть, въземлюще от святаго евангелия» (Калайдович, стр. 56). Ср. также в Александрии: «... да створить песнь граду раскопаваему» (стр. 29). Старославянское *аще* широко распространено в древнерусском языке старшей поры. Так, в Пов. врем. лет оно употреблено 214 раз, тогда как его восточнославянские эквиваленты *аче* и *аже* по одному разу (см.: О. В. Творогов. Словарь-комментарий к «Повести временных лет», т. II. Диссертация на соискание ученой степени канд. филолог. наук (машинопись), Л., 1962, стр. 13—15; ср. также: Дылевский, стр. 245—247).

раствѣкашеться мыслию по древу (скача ... по мыслию древу). — Трехчленность формулы, изображающей полет мысли Бояна, по мнению Д. В. Айналова, опирается на три образа: мысль скачет по древу, рыщет по земле и парит под облаками (Д. В. Айналов. Замечания к тексту «Слова о полку Игореве». — Сборник к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. М.—Л., 1934, стр. 184—189). — *раствѣкашеться* — этот глагол в его прямом значении находим в Ипат. лет. под 1282 г.: «Уже реки растекаются». — *мыслию*. — Выдвигалась гипотеза, что *мыслию* — искаженное «мысию» (белкой), см.: Перетци, стр. 137. В последнее время в защиту чтения «мысию» выступили Н. М. Егоров («Мышью» или «мыслью?». — ТОДРА, т. XI, 1955, стр. 13) и В. В. Мавродин (Одно замечание по поводу «мыси»

или «мысли» в Слове о полку Игореве. — ТОДРА, т. XIV. 1958, стр. 61—63).

сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. — Оба этих поэтических образа идут от народно-поэтической традиции. С. Гординский отметил наличие в украинском фольклоре сочетаний «сіри вовк» и «сизий орел» (стр. 39). — Старший пример употребления «сизый» (шизый) для определения цвета находим в «Описании имущества царя Ивана Васильевича» (XVI в.): «... сизови с лазоревым нацветом» (La Geste, стр. 252). В повестях XVII в. сочетания «сизи орли» (Повесть об Азове) и «сизим голубем» (Повесть о Горе-Злочастии) идут от устно-поэтической традиции. Наличие слова «сизый» и сочетания «серый волк» в русской, украинской и белорусской народной поэзии свидетельствует об их древности. — Сравнение полета мысли с высотой полета орла находим у Климента Словенского: «Не понавлятися по вся дни чистоте яко орел и горе възлетати умъмь»; в житии Макария Римского — «летати мыслію под небесем, яко орел»; в поучении Кирилла Философа — «полетай мыслію своею, акы орел по въздуху» (цит. по кн.: Перетц, стр. 137—138). В «Слове похвальном» Кириллу и Мефодию по списку XII в. (Успенск. сб. XII в., стр. 160) Кирилл-Константин еще в молодые годы «умъмь и добродетельми выпррь възлетая яко же оръл духовьныма крилома». Феодосий Печерский, узнав об Антонии, «окрилатеж же умъмь, устръмися к пещере» его (там же, стр. 48).

Помняшеъ бо, рече, пѣрвыхъ временъ уسوبуѣ. — У Флавия: «смърти не помнать», «уже бо не помнаше противных» (стр. 314, 197). — *пѣрвыхъ временъ* — в значении «прежних» имеет соответствие в летописном выражении: «Не бе сего слышано в дньех первых в земли Русьсте» (Лавр. лет., 1094 г.); «помяни пѣрвыя прослувъшая в храбѣрьстве, в богатъстве же и славе» (Изборник Святослава 1076 г., л. 38); «възърите на пѣрвыя роды... кто веровав господеви» (там же, л. 186 об.). — *усобуѣ* — С. П. Обнорский отмечает принадлежность оригиналу этой формы винит. пад. на «ѣ» (Очерки, стр. 152). Старший пример употребления этого слова дает Пов. врем. лет под 862 г.: «И въста род на род, и быша в них усобице»; часто пользуется этим словом переводчик Хроники Амартола (см. примеры: Срезневский, III, 1269). — Вводное рече нередко встречается в Изборнике Святослава 1076 г.: «Добро есть, братие, почетанье книжное... блажени бо, рече, испытאותшии съведения его... чьто бо, рече, испытאותшеи съведения его» (л. 1—1 об.); «уклони бо ся, реч, от зла и сътвори добро» (л. 57 об.); «не осужайте да не осужени будеть, чьто бо, рече, преже време не въсхыщаеши судия» (л. 98); «въсело бо ся, рече, в них и походу» (л. 115 об.). Старший пример вводного рече в Лавр. лет. находим под 980 г.: «... бе бо, рече, у Соломана жен 700». Не раз пользуется им Нестор в Житии Бориса и Глеба: «Искони бо, рече, сътвори бог небо», «створиша бо, рече, имя ему

Давыд», «бе бо, рече, любя Иосифа Яков» (Срезневский, III, 119); у Кирилла Туровского: «От твари бо, рече, творца разумей» (Срезневский, I, 238).

Тогда пушашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣи... не 10 соколовъ на стадо лебедѣи пушаше, нъ своя вѣщиа прѣсты на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху. — Начальное Тогда (Тогда пушашеть) встречается в «Слове» еще пять раз; имеет параллель в языке Галицкого евангелия; особенно характерен этот оборот в евангелии Матфея. В. Н. Перетц насчитал там 60 случаев вводного «тогда» (см.: К изучению, стр. 67). Как давно указано комментаторами «Слова», этот метафорический образ навеян отчасти изображением псалмопевца Давида в «Слове о Лазаревом воскресении», памятнике, который обоснованно считают русским по происхождению и относящимся к домонгольскому периоду: «Ему же глаголаше Давыд, в преисподнем аде седя, накладая очитыя персты на живыя струны: „Воспойм песни тихи и веселыя, друзи мой“» (список XIV—XV в.); в списке начала XVI в. вариант: «Въспоем, дружино, песньми днесь, а плачь отложим и утешимся. Удари, рече, Давыд в гусли и возложи прѣсты своя на живыя струны и на иныя накладая, а седя во преисподнем аде». — въскладаше — с предлогом на и винит. пад. имеем в примерах с XI в.: «Бремена ... въскладають на плеща человеческаа» (Остром. ев.: Словарь, 1, стр. 133); «кола повеле пристроати... въскладающа на ня мертвеца» (Амартол: там же); «въскладуть скоро на ослы и на мскы вся носимая» (Флавий, стр. 297: там же). — Развивая образ охоты с соколом, автор «Слова» ввел в него символику, с которой мы встретимся не раз в дальнейшем изложении, — он уподобил прѣсты соколам, а живая струны — лебедям. В основу всей картины положено реальное соотношение между соколом — охотничьей птицей и лебедью, за которой сокол охотится (ср. в «Слове»: Игорь полетѣ соколомъ подѣ мылами, избивая гуси и лебеди). Не случайно и в символической картине пения Бояна применена «охотничья» терминология: Боян пушашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣи: «Пушту на вы дивьяя звери» (Изборник Святослава 1073 г.: Срезневский, II, 1727); «человек... пустить пса на зверь» (Поуч. митр. Фотия 1416 г.: там же). Совпадает в этих примерах и сочетание глагола с предлогом на: «...на словесную землю... богъм пуштень бываеть» (Григорий Назианзин XI в.: Срезневский, II, 1727); «пущати нача трубами огнь на лодье руския» (Лавр. лет., 941 г.); «пущени быхомъ три братия на службу» (Патѣрик Синайский XI в.: Срезневский, II, 1727). — Срезневский не дает примеров, где слово «стадо» обозначает «стаю» птиц (III, 489—490), хотя само слово «стадо» известно с XI в. Старший пример употребления слова «стадо» в значении «стая» дает Житие Михаила Тверского: «... виде вой свой располосен аки птичье стадо» (списки с XVI в., см.: Барсов, I, стр. 434). Итак, персты-соколы падают

на струны-лебедей, и, подобно тому как подбитый лебедь издает крик, звучит под перстом струна. Так из хорошо знакомого автору «Слова» охотничьего образа возникла символическая картина, которую он тут же поспешил разъяснить читателю. Обращает на себя внимание, что это единственный случай использования полной формулы отрицательного сравнения, к которой автор прибег именно потому, что сама символика здесь сопоставляет предметы, обычно не сближаемые ни в литературе, ни в устной поэзии. Возникает вопрос: почему автор настойчиво, дважды, напоминает, что соколов было десять? Ведь то, что «перстов», символически изображенных в виде соколов, именно десять, вряд ли нужно было напоминать читателям. Не подчеркивается ли этим напоминанием, что гусли Бояна были десятиструнные? Н. Ф. Финдейзен в своих «Очерках по истории музыки в России» (т. I, вып. 2, М.—Л., 1928, стр. 219), не приводя никаких доказательств, определенно говорит, что «вещий Боян оперирует с десятиструнным инструментом». Думается, что, кроме указания на десять пальцев Бояна, которыми он играл, можно отметить в старшем русском тексте Псалтыри, в псалме 143-м, именно такой образ десятиструнного инструмента: «В псалтыри десятострунней въспою тебе» (Амфилохий, II, стр. 506). — Развивая образ живых струн, автор «Слова» добавил, что *они же сами княземъ славу рокотаху*. Ср. в Александрии: «... гусли гудяща сами» (об этом выражении см. статью П. Бицилли: К вопросу о происхождении Слова о полку Игореве. — В сб.: Заметки к Слово о полку Игореве, вып. 2. Белград, 1941, стр. 10). — *славу* — «въспою славу твою» (Амфилохий, I, стр. 481); о песнях-славах см. выше, стр. 50. — *рокотаху* — глагол «рокотати» расценивался неоднократно только как полонизм, однако Л. А. Булаховский, ссылаясь на В. И. Даля, отметил наличие этого глагола в великорусских диалектах (К лексике Слова о полку Игореве. — ТОДРЛ, т. XIV, 1958, стр. 33).

которыи дотечаше, та преди пѣснь пояше — в переводе Амартола: «Дотеку владыкы архиерееви и помолюся ему» (стр. 383), в значении быстрого движения. В середине XV в. в «Слове инока Фомы» читаем: «... ни умъ челоувечи не дотечет, ни языкъ известовати тоя красоты не может» (Н. П. Лихачев. Инока Фомы слово похвальное. СПб., 1908, стр. 22). Глагол «течи» и производные от него с разными приставками известны среди охотничьих терминов, в частности относящихся к соколиной охоте (см. примеры: La Geste, стр. 258). — *преди* — «сказание его повеждѣ преди» (Толковые пророки XI в.: Срезневский, II, 1630—1631); «струпи обаваеми не спеуть преди» (Изборник Святослава 1073 г.: там же). — *пѣснь пояше* — см. выше, стр. 50.

старому Ярославу — так называет автор «Слова» Ярослава Мудрого, которого он еще раз вспоминает в рассказе о Всеславе Полоцком как князя новгородского (*отвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу*). Д. С. Лихачев связывает это воспо-

минание с новгородскими представлениями о начале новгородской независимости (Истор. и полит. кругозор, стр. 11). Ниже «старым» автор назовет Владимира Святославича (*Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимира; того стараго Владимира нельзѣ бѣ призвоздиги*). Определение князя-предка словом «старый» известно еще от XI в., по «Слову о законе и благодати» митр. Илариона, который назвал Владимира Святославича внуком «старого Игоря» (стр. 70); «вда им волю всю и уставы старых князь» (Новг. I лет., 1209 г.).

храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскими — «хоте и зарезати ножемъ» (Лавр. лет., 1128 г.); «веле (Всеволода) пред собою зарезати» (Ипат. лет., 1238 г.). Пов. врем. лет, рассказывая о поединке Мстислава с касожским князем Редедю (Лавр. лет., 1022 г.), применяет тот же глагол: «Вынзе ножь, зареза Редедю», и также помнит, что поединок происходил на глазах у войск: «И ставшема обема полкома противу себе» (ср.: Д. С. Лихачев. Истор. и полит. кругозор, стр. 12.) — Эпитет Мстислава «храбрый» находит соответствие в летописи под 1036 г., где сообщение о смерти князя сопровождается его характеристикой, отмечающей, что он был «храбр на рати». — *пълкы* — здесь, как и ниже (*храбрѣя пълкы; пълкы Половецкѣя; пълкы заворочаетъ; сильныи пълкы Святослава, кликомъ пълкы побеждають, желѣзными пълки Ярослав, поганѣя пълкы*), слово «полк» обозначает «войско», как в Лавр. лет. под 946 г.: «Сънемъ-шемася обема полкома на скупъ»; под 968 г.: «По мне идеть полк со князем» (другие примеры см.: Срезневский, II, 1747).

красному Романови Святъславличю — «уноша красън зело» (Изборник Святослава 1076 г., л. 270 об.); Глеб Владимирович «бѣше красен, высок, лицем кругломъ» (Сказание о Борисе и Глебе: Срезневский, I, 1318).

Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря. — Сочетанием *почнемъ повѣсть* начинается текст Пов. врем. лет: «Се почнем повесть сию». Глаголом «почяти» определяли начало своего труда писцы XI—XII вв. Переписчик Остром. ев. отметил: «Почах же е писати в лето...», а запись на Галицком ев. 1144 г. гласит: «почяти псати книги си» (Срезневский, II, 1323). Впрочем, в таком же значении иногда находим и глагол «начати»: «Понеже убо мнози начаша чинити повесть» (Остром. ев.: Срезневский, II, 349). — *отъ ... Владимира до ... Игоря.* — Аналогичное начало рассказа с хронологическими выкладками «от — до» читается в Пов. врем. лет (Лавр. лет., 852 г.): «Отселе почнем и числа положим яко от Адама... до смерти Святполчи» (ср. аналогичный оборот в Изборнике Святослава 1076 г.: «Паче же бы нама лепоты мыслити, о чадо, от Адама, праотця нашего, до сего нашего века», лл. 5 об.—6); еще ранее Начальный свод конца XI в. (в предисловии, сохранившемся в Новг. I лет.) так определил границы изложения: «Мы же от

начала Рускы земля до сего лета и все по ряду известно да скажем». Определение границ повествования «от — до» с наименованием князя — современника автора — «нынешний» отозвалось в XIII в. в «Слове о погибели Русской земли», сохранившийся отрывок которого заканчивается так: «А в ты дни болезнь крестяном от великаго Ярослава и до Володимера, и до ныняшняго Ярослава, и до брата его Юрья, князя Володимерьскаго» (Х. Лопарев. Слово о погибели Рускыя земли. СПб., 1892, стр. 24).

иже истягну умь крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплѣнився ратнаго духа. — *истягну.* — Наиболее подходит по значению к данному эпизоду «Слова» глагол «стягнути», на который Срезневский приводит пример из Пандект Никона: «Вънешним стягнув мысль» (III, 856), где этот глагол применен также к отвлеченному понятию. Может быть, близкий оттенок значения имел глагол «въстягнути»: «Ум свои присно от суетных мысли въстяган», «всьяку напасть и гнев и зѣлобу въстягнути можетъ» (Изборник Святослава 1076 г., лл. 48 и 100 об.—101). — *крѣпостию ... мужествомъ.* — В данном эпизоде «Слова» «крепость» и «мужество» стоят в одном ряду родственных понятий, как часто сближаются они и в тексте Флавия: «Дивляшеса мужеству и крепости его» (стр. 195); «не подобаеть тужити, ни страховатися, но паче мужествовати и крепитися, и оружие вознимати на шатающихся» (стр. 201); «и к душевней же крепости» (стр. 208). Во всех этих словосочетаниях «крепость» — свойство не только тела, но и души. С XI в. известные примеры употребления слова «ум» в значении «разум» (Срезневский, III, 1211). Близкой фразеологией пользуется переводчик Флавия: «Прием ум своею крепостию» (стр. 322); «поострите душа ваша на мьсти» (стр. 331); «исполньшимся ратнаго духа» (стр. 297). В Минее 1097 г.: «Сердце твое мужствѣмъ укрепимо» (стр. 490); Паремийник XIII в.: «...поострить же гнев свои» (цит. по кн.: Перетц, стр. 144); «наплѣнився святаго духа» (Житие Феодосия: Успенск. сб. XII в.). О «мужестве» сердца напоминает рассказ Вольнск. лет. под 1282 г.: «Сии же умроста мужественемъ сердцемъ» (Ипат. лет.).

наведе своя храбрія плѣкы на землю Половѣцкую за землю Рускую. — В «Откровении Мефодия Патарского»: «Царь Елинскъ ... наведеть мечъ на не (на Измаильянъ)» (стр. 97). — Термины «земля Половѣцкая» и «земля Руская» употреблены здесь в широком значении «страна, народ». В этом значении в «Слове» «земля Половецкая» названа в рассказе об успешном походе Святослава, в описании битвы, в «златом слове» Святослава, в призыве к Ярославу и «внукам Всеславлим», в плаче Ярославны, в описании бегства Игоря из плена. Именно в этом же широком понимании термин встречаем в Поучении Владимира Мономаха: «Олег на мя приде с Половечскою землею»; в Лавр. лет. под 1139 г.: «По том же лете приде Половечская земля вся и князи

Половечские вси на мир»; под 1203 г.: «Взят бысть Къев Рюриком и Олговичи и всею Половецъскою землею». В соответствии с практикой, закрепленной с начала XI в. и в деловом, и в летописном языке, свое государство автор «Слова» всегда называет «Русская земля» (см. примеры из памятников XI—XIV вв.: Срезневский, I, 972—973), противостоящая «земле Половецкой». Термин этот так прочно закрепился, что проник даже в старший образец русской гимнографии — службу Борису и Глебу XI в., где братья названы «земли Русьскыя удобрение» (Жития Бориса и Глеба, стр. 137). В таком же смысле употребил этот термин писец Изборника Святослава 1076 г. в заключительной записи: «Кончях книжькы сия... при Святославе, князи Русьскы земля» (л. 276). Как отметил Д. С. Лихачев (Истор. и полит. кругозор, стр. 39), в «Слове» в это понятие «Русская земля» входит не только Киевская Русь (что было довольно типично для XII века), но все русские области, даже те, которые в это время утратили политическую связь с собственно Русским государством. Так Тьмутаркань продолжает осознаваться как русская область, реки Дон и Донец, протекавшие по местам кочевий половцев, но частью по берегам заселенные русскими, принимают участие в событиях на стороне русских: Дон зовет князей в поход, Донец помогает Игорю бежать из плена. На берегу Дуная в русских селениях поют славу Игорю. Призыв «за землю Русьскую» известен уже по тексту Пов. врем. лет; повторяется он и в Киевск. лет. XII в.: «Мы умираем за Рускую землю головы свое сложити» (Ипат. лет., 1155, 1170 гг.).

О Бояне, соловию стараго времени! — В русской литературе с XI в. был знаком эпитет «соловей» именно в приложении к поэту: в Минее служебной по русскому списку 1096 г. известный византийский поэт Феофан, автор церковных песнопений, именуется «соловий добрепесньны» (октябрь, стр. 82). Так уточняется общее сравнение «поющих песнь», славящих «господа» «церковных чинов» с «доброгласными птицами», какое дает Кирилл Туровский в «Слове на антипасху»: «Ныне вся доброгласныя птиця церковных ликов гнездяще веселятся, иже суть церковнии чини... и свою каждо поюще песнь, славят господа» (Калайдович, стр. 23). Сравнение голоса соловья с человеческим голосом находим в житии Варлаама и Иоасафа, которое было переведено на Руси в XI—XII в., а отдельные притчи в болгарском переводе стали известны уже в XI в. и рано были включены в Пролог. Среди этих, читающихся в Прологе, притч известна «о славии притча», где читаем: «...вдан бысть славиевы глась члвчъскъ» (цитата по списку XIV в. Архив Исторического института Загребской Академии наук — сообщена Д. С. Лихачевым). — Определение *стараго времени* соответствует «старым словесам» времени Бояна и наименованиям старыми князей X—XI вв. (Владимира I и Ярослава).

А бы ты сиа плъкы ущекоталь. — *А бы* — «Съ а бы был пророк, ведел убо кѣто... прикасається емь» (Остром. ев.: Словарь, 1, стр. 33); «налезем князя собе. И рече к ним Святослав: А бы пошел кто к вам» (Пов. врем. лет, 970 г.: там же). — После Задонщины, где глаголу «ущекотал» соответствует «выщекотал» и «пощекотал», старший пример глагола того же корня имеем от 1666 г.: «Соловей... начал посвистывать по обычаю и защекотал и запел» (Перетц, стр. 146). «Слово» знает и существительное *щекотъ* (*щекотъ славии*). — Слова *сиа плъкы* указывают, что этот эпизод первоначально следовал за фразой: *наведе своя храбрыйя плъкы на землю Половѣцкую за землю Руськую*.

скача, славлю, по мыслену древу. — Срезневский не дает других примеров на сочетание глагола «скакати» с предлогом *по* — им отмечены для старшего периода лишь предлоги «от», «черес», «сквозе» или беспредложное употребление этого глагола (III, 362—363). — В Шестодневе есть славянская форма «славии»: «Славие же поюще» (Срезневский, III, 406). — *мыслену древу* — параллели в языке Миней 1095—1097 г.: «Цвет мыслный прозѣб» (октябрь, стр. 54); «солнце мыслное» (октябрь, стр. 58); «мыслная свѣтильника» (октябрь, стр. 91); «на камене мыслнемь» (октябрь, стр. 141); «щит мыслный» (октябрь, стр. 191); «лоза мыслная» (октябрь, стр. 195); «мыслный ковчег» (сентябрь, стр. 082). Д. В. Айналов (Замечания к тексту «Слова о полку Игореве». — Сборник к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. М.—Л., 1934, стр. 184—189) сопоставляет «мыслено древо», «древу», по которому поэт *раствѣкашется мыслию*, с библейским райским «древом разумным»; митр. Никифор в послании Владимиру Мономаху упоминал его: «Аще бо первое Адам праотец постил бы ся от древа разумного» (ср. в Слове Григория Назианзина XI в.: «Древом разумным не вредися»). В. Ф. Ржига предложил сопоставить «мысленое древо» с деревом поэзии у исландского поэта X в. Эгиля Скаллаgrimсона: «Из храма слов (из уст) вырастает у меня древо песен, покрытое листвою славы» (В. Ф. Ржига. «Мысленое древо» Слова о полку Игореве. — Там же, стр. 110—111).

летая умомъ подѣ облакы. — Образ полета мысли дает Шестоднев, который говорит, обращаясь к человеку: «Мыслию възидеши к богу невидимому, како ли ты сквозе храм пролета ум и всю ту высьоть и небеса скорее мѣжня очнаго прилетев» (л. 199). В Изборнике Святослава 1076 г. сходный образ: «Уши укланяя от зла слышания, умнымъ же вѣину прилетая к шюмению святых словес» (л. 8 об.). Митрополит Никифор в послании Владимиру Мономаху так обращается к нему: «Ум твой быстро летаетъ и не убежить ему пишемое» (так был переведен греческий оригинал этого послания — см. о нем в кн.: акад. А. С. Орлов. Владимир Мономах. М.—Л., 1946, стр. 48—53). В слове Климента Словенского: «Горе възлетати умьмь»; Макарий Римский «высок мы-

слюю; летаи мыслью под небесем, яко орел» (цит. по кн.: Перетц, стр. 138). Даниил Заточник: «Бых мыслию паря, аки орел по воздуху» (стр. 22).

свивая славы (м. б., *славлю*) *оба полы сего времени*. — *свивая* — «свиваяи и небо акы кожу» (Супрасльск. рук., л. 179). Срезневский отмечает для старшего периода лишь глагол «свитьи» в значении «сплести, сшить»: «...яко одеяло съвнеши» (Кирилл Иерусал. XIII в.: III, 658). — *славы* — в значении «прославляющие песни» см. выше, стр. 50. — Примеры на выражение *оба полы* Срезневский дает с XI в. и в деловом и летописном языке, и в переводной литературе. Однако сочетания с существительным «время» среди этих примеров не встречается (есть «оба полы» звезды, круга, креста, земли и т. д.: Срезневский, II, 1145). О поправке *славы* на *славлю* см.: Перетц, стр. 147.

рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы. — оборот «ри стати в» с винит. пад. известен с XI в.: «...а к тому не ристати в пустыню» (Супрасльская рук.: Срезневский, III, 124). — *тропу* — это слово отмечено Срезневским лишь в документе 1530 г. (III, 1002). Свод толкований выражения *въ тропу Трояню* см. в статье Н. С. Державина «„Троян“ в „Слове о полку Игореве“» (Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М.—Л., 1941, стр. 7—51) и А. Болдура «Троян „Слова о полку Игореве“» (ТОДРЛ, т. XV, 1958, стр. 7—35). «Троян» называется в числе славянских богов в русском списке XII в. «Хождения богородицы по мукам»: «Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на богы обратиша» (Н. С. Тихонрабов. Памятники отреченной литературы, т. II. М., 1863, стр. 23). — *чресъ ... на* — ср. в Житии Феодосия Печерского: «...пресыпатися еи (мукѣ) чресъ стену на землю» (Успенск. сб. XII в., стр. 81).

Пѣти было пѣснь Игореву, того внуку. — *Пѣти было* — этот безличный оборот с неопределенным наклоением имеет аналогию в языке перевода Флавия: «При помазаннице было хромым ходити и слепым прозирати, убогим обогатети» (стр. 200); «его же дея хранити было вас» (стр. 423; Словарь, 1, стр. 84). — *было* — эту форму перфекта без связки С. П. Обнорский считает образованной «по общим нормам старшей поры» (Очерки, стр. 160). В русских житиях Успенск. сб. XII в. имеем такие примеры: «...уже все се им акы не было николи же» (стр. 14); «отец ти умьрл, а брат ти убиен» (стр. 20); «их же прославил бог» (стр. 28); «никто же приходил к ним» (стр. 68); «тѣгда же чьрьнорьзецъ тѣ, иже бе своима рукама делая, сътяжал имения мало, бе бо платьна делая» (стр. 74); «повеле събърати вьсю братию и еже в селех или на иную кую потребу шьли» (стр. 90); «и се по съмотрению божию пооблачилось небо» (стр. 93). Но в этих житиях, созданных в конце XI в., еще преобладают формы прошедшего времени со связкой. — *Игореву* (ср. ниже *Игорю*) — эту форму дат. пад. С. П. Обнорский считает возникшей под влиянием

основ на * й (ср. в «Слове»: *Романови, Кончакови, Дунаеви, Хръсови, королеви*) (Очерки, стр. 150). Для XII в. такие формы закономерны: в «Сказании» о Борисе и Глебе по Успенск. сб. XII в. читаем: «...съповедаше сын Лазореви», «възвести Лазореви» (стр. 34); «яко господеви годе» (стр. 17). — *того внуку*. — М. В. Щепкина предполагает, что Боян «Слова» был предком автора этого памятника и что фраза *пѣти было пѣснь Игореви, того внуку* относится именно к этому автору: «Его (Бояна) внуку подобало бы так начать песнь Игорю: Не буря соколы занесе...». Поставленное в первом издании в скобках после *того слово «Олга»*, видимо, внесено в текст с полей либо писцом XVI в., либо читателями XVIII в. (М. В. Щепкина. О личности певца «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XVI, 1960, стр. 73—74). Почему слова *того внуку* отнесены к Игорю и пояснены добавлением имени «Олга»? Очевидно, потому, что в заглавии Игорь назван «внуком Ольговым». Так подтверждается и то, что заглавие памятника было во всяком случае в Мусин-Пушкинском тексте. Писец запомнил его и, встретив рядом с именем *Игореви* слова *того внуку*, на полях разъяснил словом «Олга» — чьему внуку, а может быть он сам перенес с полей своего оригинала это имя в текст, но отметил каким-нибудь значком, что это вставка, а издатели передали этот значок скобками.

Не буря соколы занесе чресь поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону Великому. — «Съниде буга ветрьна» (Остром. ев.: Срезневский, I, 194), чаще в памятниках XI—XII вв. сочетание «бысть буря». Обычно в «Слове» соколам уподобляются князья (см. ниже стр. 115), но в данном случае соколы — русские воины, а *галици* — половцы. Такое сопоставление схватки русских воинов с врагами находим в летописном рассказе 1097 г. о половецком хане Боняке: «...сбиша угры акы в мячь, яко се сокол сбиваетъ галице» (Лавр. лет.). Русские воины-соколы — образ, известный и летописному рассказу 1231 г.: «Приехавшим же соколomъ стрелцемъ» (Ипат. лет.). — *стады* — см. выше, стр. 56. — Обычное в фольклоре сочетание *поля широкая* в литературе старшего периода не представлено: в Остром. ев. имеем лишь «широк путь» (Срезневский, III, 1595). — *бѣжать* — движение отступающих войск обозначается и в летописи глаголом «бежать». «Угри... бежаше минуша Боняка» (Лавр. лет., 1097 г.). — *къ Дону великому* — направление, в котором движутся и русские войска: *Игорь къ Дону вои ведеть*, он намерен испити шеломомъ Дону, здесь, у Дону великого, развернется сражение, на синѣмъ море у Дону въсплескала лебедиными крылами обида. В отличие от летописного рассказа «Слово» не называет других рек — Салницы и Сюрля (Ипат. лет.), но место поражения русских назовет ниже «быстрой Каялой» (см. стр. 109). Такое определение всего «великого поля Половецкого» лишь по главной его реке — Дону, по наблюдениям К. В. Кудряшова (Половецкая степь. М.,

1948, стр. 117), характерно уже для описания походов Владимира Мономаха. Д. С. Лихачев добавляет, что вообще для летописи XII в. «определение страны по протекающей в ней реке чрезвычайно характерно» (Устные истоки, стр. 89). Таким образом, постоянное прикрепление места действия к той или иной реке представляет в «Слове» прием, типичный для летописного изложения.

Чи ли въспѣти было, въщеи Бояне, Велесовь внуче. — Чи ли в значении «или» в языке XI—XII вв.: «Ребра съкроити чи ли ражны повирати тело» (Златоструй XII в.: Срезневский, III, 1516). — Глагол *въспѣти* известен с XI в. не только в гимнографии, когда речь идет о похвальных церковных песнях или вообще о молитвенных песнопениях (ср. в Минее 1096 г.: «...кто не въспоет твоих дарований», у Кирилла Туровского: «...кыя ли надгробныя песни исходу твоему въспою»; другие примеры см.: Срезневский, I, 418), но и применительно к светским песням-славам: «...въспеша (римляне) яко же обычаи им при победе» (Флавий, стр. 429—430); «въспеваютъ ему песни священныя» (там же, стр. 405). Форму *Велес* имеем в списке XII в. «Хождения богородицы по мукам»: «Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на богы обратиша» (Н. С. Тихонравов. Памятники отреченной литературы, т. II. М., 1863, стр. 23). Та же форма повторяется в житии Авраамия Ростовского: «Что ради скорбя седиши близ страгнаго сего идола Велеса» (Памятники старинной русской литературы, изд. Г. Кушелевым-Безбородко, т. I, СПб., 1860, стр. 221). Наименование *Бояна Велесовь внуче* Е. В. Аничков (Язычество и древняя Русь. СПб., 1914, стр. 336—337) предложил толковать как указание на «родоначальника Бояна, а может быть и вообще баянов». Поскольку в настоящее время установлено, что слово *Боян* в XII в. было именем собственным, термин *Велесов внуче* следует относить лишь к определенному лицу — поэту Бояну. А. С. Орлов отметил, что «внук» в «Слове» значит «потомок во всех случаях употребления этого термина» (ветры — *Стрибожи внуци*, русский народ *Даждь-бож внук*, потомки Всеслава — *внуци*)» (Слово о полку Игореве. М.—Л., 1938, стр. 94). «Речь философа» поясняет, что уже в XI в. известно было толкование языческих богов как обожествленных знаменитых людей: «Творяшеть бо кумиры во имяна мертвых человек, овем бывшим царем, другом храбрым и вольхвом и женам прелюбодеицам» (Лавр. лет., 986 г.). Потомками таких обожествленных людей «Слово» называет русский народ и Бояна (см.: Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь, стр. 329—341).

Комони ржуть за Сулою — звенить слава въ Киевѣ. — *Комони* — в Лавр. лет. с 969 г. находим это название боевого коня: Святослав готов перенести стольный город в Болгарию, «яко ту вся благая... из Угор серебро и комони» (ср. также Ипат. лет. под 1150, 1151 гг.). В Лавр. лет. под 1149 г. от этого названия обра-

зуется термин «комоньство» как определение особо ценных качеств коня: Андрей Боголюбский воздал «честь» своему коню, спасшему его во время битвы, «жалуя комоньства его» (ср. о значении боевого коня в XII—XIII вв.: Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 76—77). — *ржутъ* — «оребе (жеребята) ржют» (Акир, стр. 193, 197). — *за Сулою* находилась уже Половецкая земля. Владимир Мономах в Поучении рассказывает, что за ханом Боняком русские дружины пошли из Переяславля «за Сулу». — *звенить слава* — сочетание глагола «звенеть» с отвлеченным понятием находим в «Истории» Иосифа Флавия: «Звенять прегрешения наша в ушию всех ... и по нас будет се звон» (стр. 459); «божество звеняще» (Физиолог: Словарь, 2, стр. 115). Ср. аналогичные сочетания глаголов, выражающих звучание, с отвлеченными понятиями в «Молении Даниила Заточника»: «... вострубим... в разум ума своего... бити в серебряные аргани возвитие мудрости своеа» (стр. 4). См. ниже в «Слове»: *звонячи въ прадѣдную славу* (стр. 139). Этот примерный зачин «песни», каким следовало бы внуку Бояна начать ее в манере своего предка, дает образец того лаконичного выражения, точный смысл которого мог быть понятен только современнику. Если русские кони *ржутъ за Сулою*, значит войско уже прорвалось на Половецкую землю, потому-то в Киеве *звенить слава* — уже видна победа. — *въ Киевѣ* — «Святополк же седе в Киеве» (Сказание о Борисе и Глебе: Словарь, 1, стр. 88); «хочю жити в Переяславци на Дунаи» (Лавр. лет., 969 г.).

Трубы трубятъ въ Новѣградѣ (ср.: *трубы трубятъ Городеньскии*) — «трубами трубляху» (Псалтырь толковая XI в.: Срезневский, III, 1004), а в именит. пад., как в «Слове», при глаголе «въструбити»: «въструби труба» (Александрия, стр. 22), но в летописи и при этом глаголе предлог: «В трубы въструбиша» (Ипат. лет., 1151 г.; см. еще примеры: Срезневский, III, 1004—1005).

стоять стязи въ Путивлѣ. — Д. С. Лихачев предполагает, что здесь «стяг» символизирует все собравшееся в Путивле войско, готовое к походу. В параллель он ссылается на текст Ипат. лет. под 1231 г.: «... виде стяг Василков стояще и добре борющъ и угры гонящу» (Устные истоки, стр. 73). Летопись знает и сочетание «поставити стяг» в прямом, не расширительном его значении: «Половци, пришедше к валови, поставиша стягы свое» (Лавр. лет., 1093 г.); «и постави стяги Галичьския» (Ипат. лет., 1153 г.).

Игорь ждетъ мила брата Всеволода — «жда два дъни брата своего Всеволода» (Ипат. лет., 1185 г.). — *мила брата* — «brate мой милый Борисе» (Пов. врем. лет по Переясл. лет., 1035 г.: Срезневский, II, 139).

И рече ему Буи Туръ Всеволодъ — в Лавр. лет. под 1097 г. читается имя «Туряк», в Ипат. лет. под 1208 г. — отчество «Ту-

рович». Мужество князей и их дружинников «Слово» не раз отмечает эпитетом *тур* или сравнением с этим животным: *Ярь Туре Всеволодѣ* (трижды), *камо Турѣ поскочающе; уже бо ста Турѣ на борони, храбрая дружина рыкають акы тури*. В характеристике Романа Галицкого (Ипат. лет., 1201 г.) содержится сравнение его по храбрости с туром: «...храбор бо бе яко и тур»; в Шестодневе: «Буй муж» (л. 27 об.); «яр муж» (Пчела, стр. 185).

Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлыи ты — Игорю! — Это обращение Всеволода к брату представляет один из случаев применения слова «свет» как ласкательного по отношению к близкому человеку. Срезневский (III, 296) приводит примеры из Сказания о Борисе и Глебе: «Увы мне, свете очию моею», из Моления Даниила Заточника: «Господине мой, свете очию моею» и из «Слова». Сочетание *свѣтъ свѣтлыи* не раз комментировалось выражением из «Девгениева деяния»: «О свете, светозарное солнце, преславный Девгений». Однако эпитет Девгения в русской литературе XI—XII вв. не был редкостью, к тому же в «Слове» отсутствует самая характерная его черта — определение «светозарное». Если мы обратимся к тексту Минеи 1095—1097 гг., то убедимся, что это определение встречается там часто в разных сочетаниях, например: «светозарное солнце» (сентябрь, стр. 051), «свеща светозарна» (октябрь, стр. 144), «светозарно житие» (октябрь, стр. 160), «светозарные добродетели» (ноябрь, стр. 284) и т. д. Таким образом, повесть о Девгении для автора XII в. была не единственным источником, из которого ему было известно сочетание «светозарное солнце». Но он воспользовался не им как эпитетом Игоря, а тавтологическим «свет светлый». В устной традиции мы знаем «свет белый», а в сочетании со «светлый» лишь — «светлая светлица» (А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М.—Л., 1963, стр. 231, 244). Очевидно, мы имеем здесь дело с книжной традицией, идущей от гимнографии. Здесь «свет» и «светлый» применяются постоянно в разных сочетаниях; но в Минее конца XI в. всегда с целью прославления; «свет тресветлый», «светило пресветло», «светильник светлый» и т. д. — эпитеты христианского божества и святых.

Оба есвъ Святъславлича. — В Киевск. лет. под 1195 г. Ольговичи ведут спор со Всеволодом из-за Киева: «Ажь ны лишитися его велишь отинудь, то мы есмы не угре, ни ляхове, но единого деда есмы внуци». То же характерное для периода феодальной раздробленности напоминание об общем предке двух или нескольких князей, которым объясняется их участие в одном деле, находим в «Слове»: Игорь и Всеволод — это *храбрая Святъславлича*, князья-родственники, участвовавшие в походе, — это *Ольгово хороброе гнѣздо*, рассказу о Всеславе Полоцком предшествует обращение к его потомкам: *внуце Всеслави*.

Сѣдлаи, брате, свои бръззи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напреди. — *Сѣдлаи... осѣдлани* — «седьла его позлащена» (Троицк. сб. XII в.: Срезневский, III, 323); «пустив на вороп седельники свое» (Ипат. лет., 1170 г.; см. другие примеры: Срезневский, III, 323). — *бръззи комони* — сочетание с этим эпитетом имеем в Ипат. лет. под 1160 г.: «два коня борза»; под 1217 г.: «борзый коню»; то же под 1225, 1227 гг. Встречаем это сочетание и в переводных повестях XI—XII вв.: в Хронике Амартола, в Девгениевом деянии. — *а мои ти* — примеры на указательную и усилительную частицу *ти* известны с XI в.: «Елишьды вѣстужиши, помысли колико ти правьдньным приходит пакости» (Изборник Святослава 1076 г., л. 71); «тѣгда разумееть, яко несть в души ти, иже тя хранить» (там же, л. 116 об.). В летописи старший пример находим под 980 г.: «Володимир ти иде на тя» (Лавр. лет.; другие примеры: Срезневский, III, 957—958). — *готови... напреди* — в Ипат. лет.: «готов буди, наперед иди» (1147 г.); «а я готов есмь сам полкы своими» (1149 г.); «ты починай, а я готов с тобою» (1196 г.); «аж бяхуть на се готови» (1196 г.). Нередко подчеркивается в этой летописи и расположение полка «напреди»: «Поиде Гюрги наперед с вои» (1149 г.); «еха наперед... и изломи копие» (1151 г.); «ездити напреди полком своим» (1183 г.); «напереди ему сын Володимер... напреди же стрелци» (1185 г., в рассказе о походе Игоря Святославича).

А мои ти Куряни свѣдоми кѣмети: подѣ трубами повити, подѣ шеломы възлелѣяны, конецъ копия възкрѣмлени, пути имь вѣдоми, яругы имь знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли извострени. — *свѣдоми кѣмети* — «муж от вас сведом», «сведом же всею странюю Иудейскою» (Деяния Апост., цит. по кн.: Перетц, стр. 156; см. примеры: Срезневский, III, 675); «сего суть кметье луче», «кметий молодых» (Лавр. лет., 1075 и 1096 гг.); в Ипат. лет. под 1150 г. находим «кметьство»: «Кияне же дивляхутся угром множеству и кметьства их и кономем их». Самый замысел представить мужество воинов как свойственное им с детства перекликается в повести Иосифа Флавия с определением воинского искусства римлян, так же будто с детства привитою им: римляне, «яко родившеса с оружием, николи отлучаются их» (стр. 296), «учать бо ся из младенчества ратному обычаю» (стр. 294). Воеводы римские также представляют всю свою жизнь, как жизнь воинов: «Мы... под шеломом състаревшеса» (стр. 353). Отдельные элементы картины военного воспитания и вооружения курян слагаются из лексики и фразеологии, известной в литературе XI—XII вв. — *Повити* и в прямом — «пеленать», и в более широком значении — «воспитать», которое ощущается и в тексте «Слова», встречается уже в Остром. ев. Метафорический оттенок широкого значения этого слова ясен в одном из поучений Паисиевского сборника XIV в.: «...человеци есми

повиты в гресех» (Срезневский, II, 999). То же более широкое значение имеет в «Слове» и *въскрѣмлени* — не только «выкормить», но и «воспитать». В таком значении знает этот глагол (и вариант его кормити) и летопись: «Взял бо есмь ю от своео матери в пеленах и воскормил» (Ипат. лет., 1287 г.), или без приставки: «...кормящи сына своего до мужьства и до возраста его» (1135 г.). — *подъ шеломы възлѣлѣяны* (ср. *полелѣя отца своего... ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави носады... лелѣючи корабли... възлелѣи, господине, мою ладу... лелѣють мечь*). Старший сохранившийся пример глагола «лелеяти» без приставки: в списке XVII в. (ГБЛ, б. Румянц. № 363, л. 418) «Повести о царе Давиде и сыне его Соломоне»: «...даша сына своего Соломана хранить и лелеяти доброму своему слуге Ичкалу». Но слово «лелея» в значении «тетка, сестра матери» встречаем уже в середине XIV в. в болгарском переводе Хроники Константина Манассии (Богдан, стр. 101). Затем это слово в том же значении — сестра матери — «великая лелея», а «братучада матери» (т. е. двоюродная сестра) — «малая лелея», находим в русской Кормчей XVI в. Следовательно, есть основание считать, что это слово было общим по крайней мере для южных и восточных славян и что от того же корня рано были образованы глаголы «лелеять», «възлелеять», «полелеять». В названии «лелея» — «родственница матери» — тот же оттенок заботы, что и в выражениях «Слова» *лелѣяль носады* — «заботливо качал», и *възлелѣи мою ладу* также «заботливо проводи ко мне», *полелѣя отца* — «бережно перенес», *лелѣють мечь* — «берегут»? — *конецъ копья*. — Многочисленные примеры из летописи XII в. на различные случаи употребления слова «копье» собраны Д. С. Лихачевым (Устные истоки, стр. 74—76). К выражению *конецъ копья* параллель дает Ипат. лет.: «...яко не видити до *конецъ копья*» (1153 г.). — *пути имь въдоми* — «не ведом коньць» (Изборник Святослава 1076 г., л. 58). — *яругы* — это слово тюркского происхождения: наличие его в русском, украинском, польском, сербохорватском и словенском языках доказывает, что оно вошло в славянские языки в древний период (см.: La Geste, стр. 247). *Луци у нихъ напряжени* — так характеризует Всеволод готовность курян к походу. Это выражение встречаем много раз в старшем русском тексте Псалтыри, причем о натянутом луке говорится, как и в «Слове»: «лук свой *напряже*», «*напрягоша* лук», «*напряжет* лук». В параллельных текстах Псалтыри с XVI в. вместо «напряже» читаем «натянет», «наляче», «вытянул»; «налякоша», «натянули», «натянут», «налячеть». В «Материалах» Срезневского глагол «напрящи» иллюстрируется примерами только до 1400 г. — из Поучения Владимира Мономаха, Сказания о Борисе и Глебе и Златой цепи (Срезневский, II, 314). Очевидно, позднее сочетание «напрящи лук» осознавалось уже как архаизм и заменялось более современным «натянуть» или (как у Максима Грека) другим арха-

измом — «налящи» (Срезневский, II, 298). В Хронике Амартола тот же оборот — «напряг лук, испусти стрелу» (стр. 93). В Ипат. лет.: «луци... напрящи» (1184 г.). При «напряженном» луке у воина должны быть *тули отворени*. И это словосочетание известно уже с XI в.: «Противу стреле отъврѣзеть тул» (Изборник Святослава 1073 г., л. 170 об.); в метафорическом применении в гимнографии, где «стрела избрана» — святой, «в туле тя съкрывають» от врагов (Минея Путятина XI в.: Срезневский, III, 1036). Автор «Слова» еще раз вспомнил этот образ воинов, начинавших поход с напряженными луками и отворенными тулами (откуда в бою *итти дождю стрѣлами*), когда в плаче Ярославны у тех же воинов солнце *въ погѣ безводнѣ жаждею имъ луци (луци) съпряже, тугою имъ тули затче* (см. стр. 176). — *сабли изъострены* — «мець обоуду остр изъострен» (Апокалипсис XII—XIII в., цит. по кн.: Перетц, стр. 157). Ср.: «изъостренныя стрелы» (Минея, 1095 г., сентябрь, стр. 098); «бритва изострена» (Ипат. лет., 1015 г.); «изостриша яко оружие языки своя» (Панд. Антиоха XI в.: Срезневский, I, 1076).

сами скачють, акы сѣрыи вѣлци въ полѣ. — Это сравнение ниже применено к врагу: *Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ вѣлкомъ*, вариант его дан в рассказе о Всеславе Полоцком, который *скочи... лютымъ звѣремъ*, а затем *скочи вѣлкомъ до Немиги, въ ночь вѣлкомъ рыскаше*; Игорь, бегущий из плена, *скочи съ него (с коня) босымъ вѣлкомъ, Влурь вѣлкомъ потече*. В летописи сравниваются с волком лишь враги: Боняк воеет «волчьскы» (Лавр. лет., 1097 г.), Владимир Мономах в Поучении рассказывает: «Половци... облизахутся на нас акы волци» (ср.: Срезневский, I, 379). Но в Александрии «волци» — символ победителей: «Перси овцы нарекутся, а македоняне волци, пред единым же волком много овец бегают» (Словарь, I, стр. 129). В устном эпосе богатырь сопоставляется с «серым волком» (примеры см.: Перетц, стр. 157). Примером XV в. подтверждается употребление глагола «скакати» применительно к животным: «Скакаеши же яко бык» (Срезневский, III, 363), в применении к людям: «... кровавыми ногами скачють по ереискым местом» (Флавий, стр. 332). В книге пророка Исании римские воины изображены так: «Стрелы остры сут их, и роженци их напряжени, ноги конем их акы тверд камык наменишася, колеса колесницам их акы буря. Устремляются акы лвы, и предстают акы львичища» (цит по кн.: Перетц, стр. 299).

ищуци себе чти, а князю славѣ. — Такой оттенок в оценке цели похода мог возникнуть только у современника, который в данном случае разошелся с летописными рассказами. В Ипат. лет. Игорь после первого удачного боя с половцами говорит дружине, не выделяя себя и других князей: «Се бог силою своею возложил на врагы наша победу, а на нас честь и слава». И в покаянной речи здесь Игорь признает, что он заслужил «отместье от господа бога» не за то, что искал «славы себе», в чем упрекает его в «Слове»

Святослав, а за убийство и кровопролитие «в земле крестьянъстей» во время междоусобной войны. Игорь в летописи говорит о своей «славе» не в смысле воинской заслуги, а лишь в общем значении морального поведения — на предложение бежать из плена он сначала отвечает отказом: «Аз славы дея не бежах тогда от дружины (т. е. с поля битвы после поражения), и ныне не славным путем не имам поити». В рассказе Лавр. лет. князья хвалятся, что они пойдут так далеко в Половецкую землю, «где же не ходили ни деди наши, а возмем до конца свою славу и честь». Здесь употреблена формула, известная, например, в Новг. IV лет., где под 1216 г. читаем: «И ту ношь стояше князи, победивше сильнии полки и взявше свою честь и славу». Таким образом, автор «Слова» сумел внести свое индивидуальное толкование в традиционную воинскую формулу. «Слава», которой искал «себе» Игорь, отделена от «чести» борьбы за «Русскую землю». Такой оттенок согласуется с упреком Святослава, который осудил за самонадеянность молодых князей. В Ипат. лет. и в других рассказах XII в. «честь» добывается не только для дружины, но и для князей: под 1151 г. сообщается, что кияне и Черные Клобуки обещают князьям и «голови сложить» за них и «честь вашу налезем»; под 1155 г. Берендичи говорят князю Юрию: «Мы умираем за Рускую землю с твоим сыном и головы своя складаем за твою честь». Самое словосочетание «чти и славы» в литературе XI—XII вв. прочно держится в разных жанрах: «... в такой чти и в такой славе», — читаем у Нестора в «Чтении» о Борисе и Глебе; «ни чти, ни славы земныя искал есмь», — пишет Кирилл Туровский (см. примеры: Срезневский, III, 1562—1575). В переводных памятниках (цит. по кн.: Перетц, стр. 157—158): «... без славы и без чти» (Александрия); «и ту есть слава и честь ... добрыми деянии славу и честь принесуть... принесуть славу и честь языком» (Апокалипсис, XII—XIII в.). Впрочем, в переводной учительной литературе можно встретить и такое противопоставление «славы» и «чести»: «Приимъшеи бо власть ... от друг своих славы хотять, а от мньшиих поклонения просять и чьсти» (Изборник Святослава 1076 г., л. 47). Здесь «слава» как будто выше «чьсти», напоминая формулу «Слова» себе чти, а князю славъ. — Параллель к сочетанию глагола *искати* с отвлеченными понятиями чти... славъ находим в Ипат. лет. под 1115 г.: «искати лиха».

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце. — Сочетание «възрети на» с винит. пад. постоянно в памятниках XI—XII вв. В рассказе Ипат. лет. о солнечном затмении 1185 г. читаем: «Игорь же, возрев на небо, и виде солнце, стояще яко месяц». Сочетание *свѣтлое солнце* имеет соответствие в гимнографии: «солнце светло» (Минея 1095—1097 гг., сентябрь, стр. 0115; ноябрь, стр. 453). Подробнее см. ниже, стр. 174 в связи с сочетанием *тресвѣтлое слънце*.

и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. — воя в значении существ. собирает. — «войско» в переводной и русской письменности находим с XI в.: «Послав своя воя» (Остром. ев.: Словарь, 1, стр. 127); «се бо вси вои... в руку твою суть» (Успенск. сб. XII в., стр. 15). Форма винит. пад. на «я», по определению С. П. Обнорского (Очерки, стр. 152), «книжная», в которой «я» заменило церк.-слав. юс малый. Такая форма употреблена и в переводе Флавия: «...поем вся воя своя с собою» (стр. 263). В плаче Ярославны читается русская форма винит. пад.: *простре... на ладѣ вои*. — В значении «темнота» слово «тьма» известно уже в Остром. ев.: «Тьма бысть по всей земли» (Срезневский, III, 1081). Летопись под 1024 г. упоминает о ночной «тьме», то же и житие Феодосия Печерского (примеры см.: Срезневский, III, 1081): «...солнце обратится в тьму» (Паремийник XIII в.: Перетц, стр. 160). В Ипат. лет. под 1187 г. описывается солнечное затмение, во время которого «тьма бысть по всей земле». — *прикрыты* — с творит. пад. (тьмою) известно с XI в.: «Понуди ество свое прикрыти одеждою» (Изборник Святослава 1076 г., л. 38 об.; другие примеры: Срезневский, II, 1417). Ипат. лет. (1185 г.) так описывает солнечное затмение, которое застигло дружины Игоря на берегу Дона «в год вечернии»: «Игорь жь возрев на небо и виде солнце стояще яко месяц». И сам князь Игорь и его дружина восприняли это затмение как «знамение»: «Видите ли, что есть знамение се? Они же узревше и видиша вси, и поникоша главами, и рекоша мужи: Княже, се есть не на добро знамение се». Но Игорь отвел это прямое предупреждение: «Таины божия никто же не весть, а знамению творецъ бог и всему миру своему. А нам что створить бог или на добро или на наше зло, а то же нам видити». С этими словами Игорь «перебрете Донецъ». Лавр. лет. под 1186 г. подробнее описывает затмение, но не связывает его с походом молодых князей: сообщением о затмении начинается рассказ о событиях 1186 г. Далее сообщается, что родился сын у князя Всеволода, что его крестили, а «Олгови внуци» задумали поход. И хотя само описание затмения заканчивается словами: «Страшно бе видети человеком знаменье божье», но в рассказе о походе ни разу не упоминается это «знаменье». В «Слове» Игорь пренебрег «знаменьем» не по тем соображениям, которые приводит рассказ Ипат. лет., а страстное желание *искусити Дону Великаго* заставило забыть грозное предупреждение. Само истолкование солнечного и лунного затмения как «знамений» «божьего гнева» и предвестий всевозможных бедствий — нашествий врагов, междоусобных войн, «мора», эпидемий, опустошавших целые области, голода — широко представлено в церковно-учительной и исторической литературе русского средневековья. Эти грозные явления будут предшествовать, согласно Библии, «второму пришествию» и «страшному суду», отсюда средневековые

писатели сделали вывод, что затмения светил небесных, появление комет — это знамения «божьего гнева» на людей. В Хронике Амартола, например, перечисляются разные необычные явления: «Звезда явися велиа на западней стране светла», и вот «быша по всему миру народовластие и убийство много»; «звезды падают и за мало паку солнце без луча светяше яко луна, — крамоли же и недужи и умертвие человеком болшею не престаяху» (стр. 421). В день, когда было «солнцу исчезновение» так, что среди дня «и звездам явится», византийские войска царя Константина «побеждени быша и иссечени, едва убо сам убежа» (стр. 528). Русские летописи, внимательно фиксируя все затмения, кометы, землетрясения, особо сильные грозы, наводнения и т. д., нередко представляют их как «знамения», за которыми следовали народные бедствия. Приведу примеры: Лавр. лет. под 1065 г. сообщает: «Бысть знаменье на западе, звезда превелика, луче имущи акы кровавы... се же проявляше не на добро: посемь бо быша усобице многы и нашествие поганых на Русьскую землю, си бо звезда бе акы кровава, проявляющи крови пролитье». Отметив, что в том же году «солнце пременися и не бысть светло, но акы месяць бысть», летописец предупреждает: «Бывають сица знаменья не на добро», и в доказательство приводит примеры из истории Византии, подтверждающие, какие разнообразны бедствия следовали за таким знамением «не на добро». Под 1102 г. летописец отметил разные «знаменья на небеси» и сообщил, что люди молились «со слезами, дабы бог обратил знаменья си на добро», и дальше идет рассказ о победе русских над половцами. В 1113 г., когда «остася солнца мало, акы месяца долов рогама» (Ипат. лет.), это «знаменье в солнце проявляше Святополчу смерть». Таких примеров во всех летописях XII—XIII вв. немало, и восприятие Игорем и его дружиной солнечного затмения «не на добро» в рассказе Ипат. лет. на фоне подобных рассказов вполне закономерно для того времени. В изображении автора «Слова», хорошо знающего, что солнечное затмение — это недоброе предвестие, жажда воинского подвига пересиливает у князя власть этого предвестия.

И рече Игорь къ дружинѣ своєї: Братие и дружино! луце жь бы потяту быти, неже полонену быти. — Обращение Братие и дружино в Лавр. лет. встречаем под 971 г., где Святослав перед битвой с печенегами обращается с речью к дружине: «... уже нам сде пасти, потягнем мужьскы, братья и дружино». В Ипат. лет. в рассказе о походе Игоря его речь при виде солнечного затмения содержит то же обращение: «И рече бояром своим и дружинѣ своєї: „Братья и дружино“», хотя самое содержание речи резко отличается от аналогичного эпизода «Слова». В Ипат. лет. обращение «Братья и дружино» в княжеских речах находим также под 1152 и 1254 гг. Смерть на поле битвы лучше плена или бегства от врага — таков смысл речи

в Лавр. лет. под 1150 г.: «Луче, братья, измрем сде, нежели сором възмем на ся»; в Новг. I лет. под 1204 г.: «Луче ны есть умрети у Царяграда, нежели с срамомъ отити». В различных вариантах мысль о предпочтении смерти — плену повторяется часто в русском переводе «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия: «Лепле смърть славну взяти, негли жити пленени» (стр. 335); «славну смърть луче живота мнять» (стр. 255); «луче пострадати, бьющесе с ним, негли повинутися и поработитися ему» (стр. 341); «изволиша, славно что сътворивше, умрети, негли жити с покорением» (стр. 452); «изволивше умрети, негли жити под иноплеменники» (стр. 460). В этих примерах конструкции «Слова» «луче ... неже» соответствует «луче... нежели» или «луче... негли». — *Потяту быти* в значении «быть убитым» аналогично тексту Ипат. лет. под 1172 г.: «Бысть сеча зла и потяша и стяговника нашего»; «потят будеши серпом небесным» (Флавий, стр. 258). Русская форма *полонену* широко применяется в русской и в переводной литературе с IX в., например в Ипат. лет. под 1178 г.: «Христъяны полонены от поганных». Сама конструкция данного предложения — сочетание глагола *быти* с дат. пад. широко применяется в памятниках с XI в. Например, в Изборнике Святослава 1076 г. в «слове како подбаеть человеку быти» (лл. 101 об. — 106) читаем: «...соромяживу быти... Послушьливу быти... к всем съмерену быти... говеину быти... Осужену быти, неже осудити... не быти държиму похотью... Нъ паче похулену быти, неже хулити, обидиму быти, а не обидети». В учительной литературе это сочетание находим и в конструкции «уне ... неже»: «Уне ти есть быти въполы суху, неже вьсеуму» (там же, л. 192 об.).

а всядемъ, братие, на свои бръзья комони. — Всеволод обращается к Игорю: «Сѣдлаи, брате, свои бръзьи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. — В обеих речах множ. ч. *бръзьи комони* показывает, что это приглашение имеет в виду отправление в поход «храбрых полков» Игоревых. Именно поэтому автор употребил то выражение — «вьсести на конь», которое в летописном языке XII—XIII вв. всегда обозначало отправление в поход дружины, причем иногда применялось единств. ч. «на конь», хотя речь шла о войске: «А сам Изяслав вседе на конь на Святослав(а), к Новгороду иде» (Ипат. лет., 1146 г.). Но применялось и множ. ч.: «Вьсести на коне на воину» (Новг. I лет., 1230 г.: Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 77). — Эпитет коня «бръзый» известен с XI в.: «борзы кони» (Амартол, стр. 456), в летописи: «два коня борза», «конь свой борзый сивый» (Ипат. лет., 1160, 1213 гг.). — *Комони* — см. выше, стр. 62.

да позримъ синего Дону. — Срезневский отмечает лишь примеры, где глагол «позьрети» сочетается с дополнением с помощью предлогов «на» или «по» (II, 1094). Глагол «зьрети» имеет иногда

и беспредложное дополнение: в Остром. ев. находим «зри толкования сего», но есть и «зриши на лице», «зрящи на нь» и т. д. (Срезневский, I, 1012). У Кирилла Туровского находим «зрящи... умръщвения»; в Лавр. лет., под 1237 г. — «зряще Володимера». Таким образом, родит. пад. без предлога в «Слове» повторяет известный в XII в. тип сочетания с глаголом «зрети». Самое определение цели похода в этой речи Игоря и в продолжении ее, как и в авторском пояснении к ней, — *позримъ синего Дону... искусити Дону Великаго... испити шеломомъ Дону*, — связано с летописным приемом определения «страны по протекающей в ней реке» и вместе с тем с летописным же «символом победы над тою или иною странюю». Д. С. Лихачев приводит из летописи XII—XIII вв. ряд примеров такого употребления названия реки: «Поча воевати Волгу» (Лавр. лет., 1182 г.), «повоевать Сѹлу», Владимир Мономах «пил золотом шоломом Дон» (Ипат. лет., 1201 г.), «а я поил есмь коне Тъхверью а еще Волховомъ напою» (Новг. I лет., 1224 г.; другие примеры см.: Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 89—91).

спала князю умь похоти. — А. И. Соболевский предложил поправку «въспала» — «вспыхнула» (ИОРЯС, 1916, т. XXI, кн. 2, стр. 213), как в примере из Пролога, приведенном Срезневским (I, 412): «Мала болезнь воспалит тя». Но и без этой поправки глагол в «Слове» явно связан с корнем «пал», а не «пад» (спасти) — «похоть спалила князю ум». Сочетание глагола с беспредложным дательным именем в аналогичных выражениях: «Опали ему нозе» (житие Бориса и Глеба Нестора), «печалну мужу насышут кости» (Моление Даниила Заточника: Срезневский, I, 951). — слово «похоть» в языке XI—XII вв. употреблялось и для обозначения сильного желания, связанного с войной: «Похоть имеяшьт Еладою обладати» (Александрия, стр. 65); «похотию ратною оскудеаху» (Флавий, стр. 202).

жалость ему знамение заступи — глагол *заступи* употреблен не в конкретном, а в переносном значении, ср.: «Милость твоя и истина твоя выну заступиста мя» (Амфилохий, I, стр. 263). Ниже в выражении *заступивъ Королеви путь* тот же глагол взят в его конкретном значении, как в летописном — «се печенизи заступиша пороги» (Лавр. лет., 971 г.), или у Иосифа Флавия — «заступи им вся пути» (стр. 356). — *жалость* — с XI в.: «жалость дому твоего сънестъ мя» в старшем тексте Псалтыри; в поздних списках вместо «жалость» — «зависть» (цит. по кн.: Перетц. К изучению, стр. 58); в летописи: «Великий бог вложил жалость велику у Половце, и страх нападе на ня и трепет от лица русьскихъ вои» (Ипат. лет., 1103 г.).

искусити Дону Великаго. — «Даждь ми власть... сью вещь искусити» (Пандекты Антиоха XI в.), но примеров на значение «отведать», «испытъ» Срезневский не дает (I, 1122). Синонимично в следующей фразе «Слова» — *испити шеломомъ Дону*.

В значении «отведать» в старшем периоде известен глагол «въкусити» (вариант «укусити») в Остром. ев.: «Не имать въкусити съмърьти» (Срезневский, I, 376). Соответствующий в греческом оригинале евангельского текста глагол имел и значение «попробуем своих сил», «сразимся». Ср. в Пов. врем. лет (Лавр. лет., 987 г.) — русские послы рассказывают Владимиру о церковной службе в Царьграде: «Мы убо не можем забыти красоты тоя, всяк бо человек, аще укусит сладка, последи горести не приимаеть».

Хошу бо, рече, копие приломити конец поля Половецкаго. — копия по памятникам встречается с XI в. (Срезневский, I, 1280). В сочетании с глаголом «изломити» в летописи имеет то же значение, что в «Слове» выражение *копие приломити*: «Въеха Изяслав один в полкы ратных и копье свое изломи» (Ипат. лет., 1151 г.). Андрей Боголюбский «изломи копье свое в супротивье своем» (Лавр. лет., 1149 г.). О символическом значении этих выражений см.: Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 74—75. В. М. Истрин обращает внимание на то, что в переводе Хроники Амартола часто употребляется приставка «при» (т. III, стр. XXXII—XXXIII) для перевода различных греческих префиксов: «приплакати», «приподоблятися», «припевати», «пристроити» и т. п. (см. перечень глаголов с приставкой «при» в том же томе исследования В. М. Истрина: Амартол, стр. 293—298). — *конец поля Половецкаго.* — Сочетание *конец* с родит. пад. находим с XI в.: «... того бо есть земля и коньць ея» (Изборник Святослава 1073 г.: Срезневский, I, 471); «имяше на конецъ гор. . . келья» (Пандекты Никона: Срезневский, I, 464). В русских памятниках таким сочетанием нередко определяется местоположение: «В церкви святого Ильи, яже есть над ручаем конецъ Пасынъче беседы» (Лавр. лет., 945 г.); «на хълме, коньць Славьна» (Новг. I лет., 1202 г.); «конец же рускаго убола церковь» (Сказание Антония Новг.: Срезневский, I, 1274). — Термин «поле Половецкое» в «Слове» находим еще раз в конце, в ответе Гзака Кончаку. Это название связано с давней традицией именовать места кочевий печенегов и половцев «полем». Пов. врем. лет под 968 г. сообщает: «Собра (Святослав) вои и прогна печенеги в поли»; под 1103 г.: «Идоша в поле 4 дъни и придоша на Сутень». В соответствии с таким словоупотреблением и в «Слове» территория, откуда идут половцы, — *то поля широкая, то великая поля, то кратко поле или поле незнаемо среди земли Половецкыи.* Однако определением «половецкое» в сочетании с названием «поле» автор «Слова» воспользовался лишь два раза, явно предпочтя ему название «земля Половецкая», на которой была не только степь — «поле», но и Каяла, река Половецкая, хълми и яругы, рѣкы и озеры, потоки и болота. На «земле Половецкой» протекал и Дон великий, испить шеломаь которого собирався князь Игорь, и малый Донец, помогавший князю бежать

из плена. Термин «земля Половецкая» в «Слове» шире, чем «поле Половецкое». В летописи название степи «полем Половецким» встречаем лишь под 1224 г., когда в степи появляются орды татаро-монголов, а «земля Половецкая» называется под 1228 и 1238 гг. снова в связи с набегами этих орд. Затем эти термины опять исчезают со страниц южных летописей.

съ вами, Русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шоломомь Дону. — А. В. Соловьев в статье «Русичи и Русовичи» (Слово, стр. 276—299) разъяснил, что «форма русичи вполне закономерна для древнерусского языка XII—XIII вв.» (там же, стр. 286). Ср. аналогичные формы «берендичи» (35 раз с 1097 по 1185 гг.), «немичь» (в Ипат. лет., 1149 г. и в Догворе Смоленска с Ригой 1229 г.). Кроме того, с конца XII в. в летописях рядом с собирательными Пермь, Ермола, Вымь и т. д. находим «пермичи, ермоличи, вымичи и т. д.» (Слово, стр. 284—286). Форма «русичи» старше сохранившейся в украинских народных песнях «русовичи» (Слово, стр. 287—291). — *главу свою приложити.* — В «Слове» вместо обычных в летописи сочетаний «положити главу» или «сложити главу» употреблен глагол *приложити*. Такое словосочетание знакомо уже по поучению Луки Жидяты, где читаем: «Буди правдив тако, яко не каися правды дела и закона божия и приложа главы» (Срезневский, II, 1425). — В значении «отдать жизнь» словосочетания «главу положить» или «сложити» обычны в летописи XI—XII вв.: «Можемь головы свое за Вышегородци положити» (Ипат. лет., 1015 г.); «хочем же за отца вашего... головы свое сложити» (там же, 1151 г.); «за Рускую землю головы свое сложити» (там же, 1170 г.); «вси мы можем главы своя положити за тя» (Успенск. сб. XII в., стр. 15). — *а любо:* «Да аще хотите за сих битися, да се мы готови, а любо даите врагы наша» (Лавр. лет., 1097 г.). При более обычной конструкции фразы с повторяющимся «любо» («любо — любо») одно из них может опускаться или заменяться другим словом: «...искати в собе татя, любо платити продажу» (Русская Правда: Срезневский, I, 461); «да любо собою ны беси искушаютъ, или не бояштаяся бога на ны вѣоружаютъ» (Изборник Святослава 1073 г., л. 68 об.); «любо голову свою сложю, паки ли отчину свою налезу» (Лавр. лет., 1150 г.). — *испити шоломомь Дону.* — О символическом значении всего выражения см. выше (стр. 72). — *испити* — «по чаше испивай» (Кормчая XIII в.: Памятники древнерусского канонического права, ч. I. Изд. 2-е, СПб., 1908, стлб. 123). (Примеры, начиная с Оstrom. ев., см.: Срезневский, I, 1127).

Тогда вѣступи Игорь князь въ златъ стремянь и поѣха по чистому полю (ср. Олег ступаетъ въ златъ стремянь, обращение к Ростиславичам: *вступита, господина, въ златъ стремянь*). — Здесь вместо обычного в летописи выражения «всести на конь», применяемого, когда речь идет об отправлении в поход всей дружины

с князем, имеем сочетание, связанное с особым символическим значением «стремена» в феодальном быту (см.: Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 77—78). В летописи это значение отражено лишь в формуле вассальной зависимости, в словах Ярослава Галицкого киевскому князю Изяславу: «... ать ездить Мьстислав подле твои стремень по одиной стороне тебе, а я по другой стороне подле твои стремень еждю всеми своими полкы» (Ипат. лет., 1152 г.; ср.: там же, 1240 г.). Примеры в памятниках имеются с XV в. — повесть о Динаре: «... возступлю в стремя воинского ополчения» (Памятники старинной русской литературы, I—II, СПб., 1860, стр. 374). Но на миниатюре Радзив. лет. (л. 234) изображено, как Святослав вдевает ногу в стремя, которое держит оруженосец. — и поѣха по чистому полю. — «Проидоша вал на чистое поле и поидоша бится» (Ипат. лет., 1151 г.); «и бысть сеча велика... на поле чисте» (Псковск. I лет., 1265 г.: Срезневский, III, 1532).

Солнце ему тьмою путь заступаше. — У Флавия Тит реально, увидев отступающих к горе иудеев, «заступи им путь» (стр. 324), как и в «Слове» Ярослав *заступи королеви путь*. В летописи глагол «заступить» в том же значении: «Печенизи заступиша пороги» (Лавр. лет., 971 г.).

нощь стонущи ему грозоу птичь убуди. — Выражению *нощь стонущи*, обозначающему предвестие несчастья, в летописи соответствует «стонала земля, вси слышаша» (Переясл. лет., 1091 г.: Срезневский, III, 521). Описание грозовой ночи как предвестия поражения представляет пейзаж со скрытым символическим значением. Аналогии этому описанию, но без символического оттенка, имеются в паремийном чтении о Борисе и Глебе, где описание битвы соединено с картиной ночной грозы: «И бысть гром велик и тугън и дождь велик и мълния блистание» (Жития Бориса и Глеба, стр. 120), в летописном описании битвы при Листвене: «И бывши нощи, бысть тма, молонья и гром и дождь... И бысть сеча силна, яко посветяше молонья, блещашеться оружие и бе гроза велика» (Лавр. лет., 1024 г.). Так и в переводе Флавия описание битвы соединяется с картиной грозы: «Приключи же ся в нощь буря неизреченная, и громи части, страшнии, и земля трясаешя ревуще» (стр. 336). — Форма *птичь* известна в Александрии: «... птичь акы голубь», «два птича летяща» (стр. 79, 99). — *Убуди.* — У Флавия читаем, что Ирод «убудив вой и укрепив их» всей речью (стр. 202).

свистъ звѣринъ вѣста (испр. из *въ стазби*). — В старшем списке (XIV в.) апокрифа о Макарии Римском читаем: «змиям свистающим» и «змеева свистанья» (Н. С. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. II. М., 1863, стр. 60), но в списке XVII в. «змиин свист», «от свисту ж их» (там же, стр. 68). Наличие глагола «свистати» показывает, что и существ. «свист» для старшего периода так же закономерно, как и «сви-

стание», — слово, отмеченное Срезневским в Правилах мѣтр. Кирилла 1274 г.: «Позоры некакы бесовьскыя творити с свистаньемъ» (III, 274). — *звѣринъ* — форма известна с XI в.: «зверина уста» (Минейя 1097 г.), «видяща ярость зверину» (Стихирарь до 1163 г.: Срезневский, I, 966), в летописи упоминаются «ловища зверина» (Переясл. лет., 977 г.: там же).

дивъ кличетъ врѣху древа (ср.: *уже врѣжесе дивъ на землю*). — Объяснения «дива» как мифического существа или зловещей птицы изложены в монографии В. Н. Перетца (Перетцъ, стр. 173). По народным преданиям — русским и сербским — эта птица сидит на дереве (Барсов, I, стр. 370, указывает, что по народным олонечким верованиям див «сидит на сухом дереве и кличет»). — «Див» — в тюркской мифологии дух земли и воды, предупреждающий о несчастье. Как божество славян-язычников в «Слове Григория богословця» упоминается «Дива»: «И словеньскыи язык (кланяется) вилам и Мокошьи, Диве, Перуну... упираем, и берыням, и Переплуту» (см. Словарь, 2, стр. 29; там же перечень толкований слова «Див»). — *кличетъ* — в значении «кричать» слово известно с XI в.: «Егда ли тя видить гневауштася или кличушта» (Изборник Святослава 1073 г.: Срезневский, I, 1219); в значении «объявлять» старший пример находим в Ипат. лет. под 1148 г.: «Посласта... бириче по улицам кликати». — *врѣху древа* — родит. пад. при предлоге *врѣху* в значении «наверху» встречаем с XI в.: «Не можеть град укрытися врѣху горы стоя» (Остром. ев.: Словарь, 1, стр. 105); «пѣтиця же многообразны седяху врѣху их (ветвей)» (Изборник Святослава 1076 г., л. 270: там же).

велитъ послушати земли незнаемѣ (ср.: *въ полѣ незнаемѣ*). — Сочетание тех же двух глаголов находим в Остром. ев.: Иисус «и ветром велитъ и воде и послушаютъ его» (Словарь, 1, 97), в переводе Флавия: «... послушати веля им» (стр. 336). — Определение «незнаема» в применении к неизвестной стране встречаем в Пов. врем. лет по Ипат. лет. под 1093 г.: русские пленники «незнаемую страну... нази ходяще и босе»; в переводе Флавия это определение применено к людям: «... от неизвестных некто», «приходить чужи и незнаемии» (стр. 168, 252; ср. там же: «казни незнаемы», «писаниемъ незнаемым», «путми незнаемыми» — стр. 438, 446, 390).

Влѣзѣ и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню. — *Поморие* в значении «местность по берегу моря» встречается уже в Остром. ев.: «От ... помория Турьска и Сидоньска» (Срезневский, II, 1162). — Из географических терминов «Слова» обращает на себя внимание название местности, по которой рассеялись половцы после поражения войска Игоря: *по Роси и по Сули гради подѣлища*. *Посулие* названо и среди областей и городов, куда донеслась весть о грозных предзнаменованиях, суливших неудачу Игорю. По рассказу Ипат. лет. «Кза» пошел после пле-

нения Игоря «на Семь» или, как она выше названа, «в Посемье», но Лавр. лет. сообщает, что половцы «взяша все городы по Суле». Соответствующие именам «Слова» названия находим в Ипат. лет.: «...и взя ины городы пойма Посульское» (1139 г.); «с всим Поросьем» (1169 г.); «воева Кончак по Руси» (1187 г.); «вратишася на Посулье воевати» (1126 г.). Те же термины встречаем и в Лавр. лет.: «...начаша воевати по Суле ... бысть пагуба посульцем» (1138 г.); «вда Поросье» (1154 г.); «взяша все городы по Суле» (1186 г.).

и тебѣ, Тьмутораканьскыи блѣванъ. — *Блѣванъ* в значении «идол» постоянно встречаем в Александрии первой редакции, но в Изборнике Святослава 1073 г. находим это слово и в значении «столб»: «Жена же его блѣван бы слан» (л. 37 об.). Речь идет о жене Лота, превратившейся в соляной столб. В Лавр. лет.: «Посла Батыи к Михаилу князю, веля ему поклонитися огневи и болваном» (1246 г.). *Тьмутораканьскыи блѣванъ*, по мнению Д. В. Айналова, «олицетворяет собою всю тмутороканскую область, или же в более узком значении город Тмуторокань. Это видно из того, что выражение „Тьмутораканьскыи блѣванъ“ стоит рядом с Волгой, Поморием, Посулием и Сурожем». Слово «блѣван» Д. В. Айналов сопоставляет с названием «балван» — «пограничный столб», может быть «каменная баба», которым в венгерской грамоте короля Коломана 1108 г. обозначается граница монастырской земли. Возможно, что и «Тьмутораканьскыи блѣванъ» был таким пограничным столбом в виде каменной бабы (Д. В. Айналов. Замечания к тексту Слова о полку Игореве. — Сборник к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. М.—Л., 1934, стр. 179—180).

А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому. — *неготовами дорогами.* — Без отрицания слово «готовыи» в примерах Срезневского есть в сочетании «готовое жилище», «ответ готов», «стол готов» с XI в. (I, 574). Не противопоставляется ли определением *неготовами* путь половцев обычной дороге, по которой двигались на Русь половецкие войска? В статье Лавр. лет. под 1169 г. сообщается, что русские «переша дорогу Половецкую». — *побѣгоша* — все примеры, приведенные Срезневским (II, 992), дают значение «обратиться в бегство». Сочетание этого глагола с творит. пад. имеем в переводе Флавия: «...инемь путемь бежа» (стр. 190), там же «побежати» обозначает движение отступающих войск: «...побегоша Иродови вои и затворишася» (стр. 189). Видимо, здесь в «Слове» изображается тот момент, когда передовые отряды половцев, подошедшие к реке Сюурлюю, пустив через реку «по стреле», повернули назад, спеша соединиться с основными силами, а передовые русские полки погнались за ними, таким образом обе стороны двинулись «к Дону». Так изображает ход событий рассказ Ипат. лет., где затем, как и в «Слове», описывается первая, удачная для русских

схватка с половцами. Таким образом, обычное для летописного языка употребление глаголов «побежати, побечи» в значении «обратиться в бегство» усвоено здесь и автором «Слова».

крычатъ тѣлѣгы полунощы. — *крычатъ* — в примерах Срезневского этот глагол встречается лишь в отношении к людям (I, 1325). — *тѣлѣгы* — встречается уже во вводной части к Пов. врем. лет: «... въпрячи... в телегу» (Лавр. лет.), ср. в Хронике Амартола: «... слышаще глас множества скрипания колесницъ» (стр. 204) или: «... не бе слышати от гласа скрипания телег» (Ипат. лет., 1240 г.). Если звук «скрипание» мог быть назван «гласом», то и сочетание *крычатъ тѣлѣгы* правомерно в языке XII в. — *полунощы* — обычно в книжном языке XI—XII в. без предлога: «... полунощи же въплъ бысть» (Галицк. ев. XII в.).

рци лебеди роспущени. — *рци.* — Ст. Гординыйский (стр. 38) отмечает «рци» в языке карпатских лемков в значении «мовляв, кажим», как архаизм, вынесенный в XVIII в. из Северной земли. — *лебеди* — в книжном и деловом языке это слово известно с XI в. (примеры: Срезневский, II, 13—14). — *роспущени* — в применении к птицам находит себе соответствие в языке Физиолога: «... аще всяко голуби ловець распустить» (Физиолог. Исследование А. Карнеева, 1890, стр. 345). Предлагаемая поправка «роспущены» опирается на евангельское выражение: «вълк... распудит овця» (см. примеры: Перетц, стр. 176).

Игорь къ Дону вои ведеть. — «Посла Тита в Кесарию, да ведеть воя на Тивирияду» (Флавий, стр. 312). Автор «Слова» точно различает в этом эпизоде движение отступающих половцев и догоняющих их русских, поэтому половцы у него *побѣгоша*, а Игорь *ведеть* свои дружины.

Уже бо бѣды его пасетъ птицъ по дубию (испр. из *подобию*). — В Изборнике Святослава 1073 г. находим аналогичное метафорическое применение глагола «пасты»: «Съмръть пасеть я (грешников)» (л. 241); ср.: «пасеть ветры и птице крилатыя» (Пчела, стр. 281); «господь пасет мя и ничесоже мене лишит» (Амфилохий, I, 129). — Форма «дубие» постоянна в памятниках XI—XII вв. — Множ. ч. «беды» широко употребляется в памятниках XI—XII вв.: «... бедами чюжими кажеть ны» (Златоструй XII в.); «избыти бед» (Григорий Назианзин XI в.); «многы беды прияхом от рати и от голода» (Поучение Владимира Мономаха: Срезневский, I, 214). — Конструкция с начальным *уже* в значении окончания действия встречается в «Слове» несколько раз: «*Уже бо бѣды его пасетъ птицъ ... Уже бо, братие, невеселая година вѣстала... уже лжу убудиста... Уже, княже, туга умь полонила... Уже соколома крильца припѣшали... Уже снесся хула на хвалу... А уже не вижду власти.* — К примерам с XI в., приведенным Срезневским (III, 1164), можно добавить материал из «Слова о Лазаревом воскресении»: «*Уже бо наста светлый*

день... Уже бо слышим топот перских коней... Уже бо, господи, не видим светозарнаго твоего солнца...».

вльци грозу въсрожатъ по яругамъ. — грозу — в значении «страх, угроза»: «Грозы его (князя) не убоятся» (Ипат. лет., 1229 г.); «горожаном грозу подавая» (там же, 1291 г.). Если же этот текст понимать как предсказание грозы-непогоды, то следует учесть, что такая гроза расценивалась как предвестие несчастья. Так, у Флавия читаем: во время осады Иерусалима «приключи же ся в ночь буря неизреченная и громи частии, страшнии. И земля трясащеса, ревуше. Яко вся быша знамениа на пагубу» (стр. 336). — *въсрожатъ* — возможно, вместо «въсрощать» (как «пардуже» вм. «пардуше»): «...смятено въсе и въсрашено» (Григорий Назианзин, XI в.: Срезневский, I, 419); «не въсорошися отинудь, ни ражъжися» (Пандекты Никона: Срезневский, I, 412). Л. А. Булаховский (Слово, стр. 151) сопоставляет с украинским «срожатся» в тексте XVII в.: «Срожатся и зверове, але кгда ся наедят, скромнейшими бывають».

орли клектомъ на кости звѣри зовутъ. — Глагол «клекътати» (о крике орла) в Хронике Амартола: «Двема орлома... клекочуще» (стр. 559) и так же в Ипат. лет.: «орлом же клекъщущим» (1249 г.). В Златоструе XII в. «клюкание» — название звука, издаваемого «железоковцем», заменяется в других списках словом «клектание» (Срезневский, I, 1217). — Сочетание «зъвати на» известно с XI в.: «зовущим верно тя на помощь» (Миня 1096 г., октябрь, 162); «било зовыи на сбор» (Пандекты Никона: Срезневский, I, 963); «князь нас зовет на Ригу» (Новг. I лет., 1228 г.).

лисици брешутъ на чръленья щиты. — лисици брешутъ — в Пчеле «псу брехание» (стр. 152), в житии Андрея Юродивого «яко пес бреша» (вар. «лая») (Срезневский, I, 178). — лисици — слово известно с XI в. (Срезневский, II, 23). — щиты — в переводных и русских памятниках с XI в. (Срезневский, III, 1609—1610). — чръленья — в библейском языке «чръвен», «чръвленица» (см.: Перетц, стр. 179); изображение «червлених щитов» есть в Сильвестровск. сб. XIV в. на миниатюре к житию Бориса и Глеба. — Поведение зверей и птиц, наряду с другими приметами, предвещает несчастье, о чем читаем в Лавр. лет. под 1065 г.: «Знамения бо в небеси или звездах, ли солнци, ли птицами, ли етеромъ чим». Миниатюра Радзив. лет., иллюстрирующая рассказ о бегстве Ярополка из Киева (л. 43 об.), изображает птицу на дереве, как предвестницу несчастья князя.

О Руская земле! уже за шеломянемъ еси! — Этот рефрен находит соответствие в летописных выражениях: «пойде за шоломя», «взидоша на шоломя», «едуше по шоломени» (Ипат. лет., 1151, 1184 гг.).

Длъго ночь мръкнетъ. — Длъго — «дълго тръпи» (Изборник Святослава 1076 г., л. 185 об.); «с оружием долго противишася»

(Флавий, стр. 283); «долго молчавше» (Ипат. лет., 1147 г.; Словарь, 2, стр. 36); «възем же Александр чяшу и дрѣжа десною рукою длъго» (Александрия, стр. 55). — К сочетанию *ночь мръкнетъ* Изборник Святослава 1073 г. дает параллель, как и евангельские тексты (Срезневский, II, 231), лишь в применении к светилам небесным: «Да помръчатъ звезды... слънце и луна мръкнетъ... звезды омрачатъ свет свои» (л. 142). Но в том же памятнике есть выражение «днь не мръцаи» (л. 220) с близким к «Слову» значением.

Заря свѣтъ запала — «солнечна заря» (Минея Пугатина XI в.: Срезневский, I, 945): «...зело утро рано к являющиса зари» (Ефрем. Кормчая XI в.: там же). — *свѣтъ* — в значении «утренний свет» (ср. в таком же значении в «Слове»: *кравовья зори свѣтъ повѣдаютъ... съ вечера до свѣта*): «...додържатъ до света» (Русская Правда: Срезневский, III, 295); «до света победиша» (Новг. I лет., 1016 г.). — *запала* — «огнь запалаше по храмом» (Флавий, стр. 415); «огнемъ запалем и жилами биен бываше» и в переносном значении: «невидимыми же невидимаго стрелами врага запалил еси и умъртви и» (Минея 1096 г., октябрь, стр. 41, 191).

мѣгла поля покрыла. — Сочетанию *мѣгла... покрыла* в Изборнике Святослава 1076 г. соответствует сравнение: «Аз из уст вышньаго изидох и яко же мѣгла покрых землю» (л. 81 об.). О мгле на восходе солнца сообщает Флавий: «...аще же кто въстав, мѣглою не можаху видети» (стр. 306); в Лавр. лет. под 1223 г.: «Бе бо яко мгла к земли прилегла яко и птицам по аеру не бе лзе летати». — *покрыла* — «Еуагелский же источник... всю землю покрыв» (Иларион, XI в.: Срезневский, II, 1119); «покрыша поле Летское множеством вои» (Сказание о Борисе и Глебе, XI в.: там же); «не бе лзе вести от множества народа... а инии и покрили бяху град и забрала» (Ипат. лет., 1115 г.). — слово *поля* в значении «открытое место, поляна, луг» известно с XI в. в разных жанрах русской и переводной литературы. Срезневский (II, 1125) дает примеры только на единств. число. В значении «нива», «обрабатываемая земля» есть и употребление во множ. ч.: «...с дубровами и с полями» (Грамота 1383 г.). Развернутую картину мглы, скрывающей свет, дает Златая Матица: «Егда бо от мегленаго воскурения иже и земля въскуритъ и чернотию омрачатъ солнечния луча, тогда и солнце будетъ видети аки кроваво человеком» (цит. по кн.: La Geste, стр. 279).

щекотъ славии успе. — *щекотъ* — см. выше, стр. 59. — *успе* — здесь в образном значении употреблен известный с XI в. глагол «усьпнути»: «Лазарь друг нашъ усьпе» (Остром. ев.: Срезневский, III, 1296); «нощъ успе, а день приближися» — запись XIV в. писца псковского Паремийника, который делал на полях приписки бытового характера, следовательно в живом языке было такое выражение (А. А. Покровский. Древнее псковско-новгородское

письменное наследие. М., 1916, стр. 61). — *славии* — притяжательное прилагательное; ср. «соколя гнезда» (Рядная 1315—1322 гг. — Памятники права феодально-раздробленной Руси XII—XV вв. М., 1953, стр. 188).

говоръ галичь убудися (испр. из *убуди*, ср.: *галици* свою *рѣчь* говоряхуть) — «едение и питье без говора с удержанием» (Изборник Святослава 1076 г., л. 101 об.); в устной поэзии говорящие птицы известны. — *убуди(ся)* — «от великого того сна убудився» (Пролог XIII в.: Срезневский, III, 1118—1119). — *галичь* — «сокол сбиваетъ галище» (Лавр. лет., 1097 г.).

Русичи великая поля чръльными щиты прегородиша. — *Русичи* — см. выше, стр. 74. — *великая поля* — «на велицем поли» (Флавий, стр. 261). — *Здесь щиты* — не только термин, название части вооружения, но и символ защиты, обороны; ср.: «Оправи нас, а быхом быле вси ляхове не раздно, но за одинем быхом щитом быле с тобою» (Ипат. лет., 1195 г.; см.: Лихачев. Устные истоки, стр. 73—74). — *прегородиша.* — В русской форме «перегородити» имеется в Русской Правде в прямом конкретном значении: «тыномъ перегородити» (Срезневский, II, 902). Еще более ясно расширенное значение обороны выступает в глаголе того же корня — «загородити» в призыве отомстить за поражение Игоря: *Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами.*

ищуци себѣ чти, а князю — славы — см. выше, стр. 68.

Съ зараня въ пятѣкъ (Съ зараня до вечера, съ вечера до свѣта) — родит. пад. от «зарание» показывает как будто наличие в языке существительного, между тем и в русском языке нового времени есть только наречие «заране, заранее» в значении «за некоторое время до чего-либо, заблаговременно», т. е. в таком значении, которое явно не подходит к приведенному выражению «Слова». Что же в языке старшего периода может быть сближено с выражением *съ зараня* именно в этом значении? В «Вопросах Кирика, Савы и Ильи» (1130—1156 г.), где так сильна струя «народного» типа книжного языка, читаем: «... межю деньма израня в понедельник», «изранья вѣставше» (Памятники древнерусского канонического права. Изд. 2-е, СПб., 1908, стлб. 31, 54). Срезневский под словом «рание» дает второй пример и перевод — «раннее время». Из контекста видно, что в обоих случаях речь идет о самом раннем утре — «до света», т. е. «изранья» и *съ зараня* тождественны по значению. Возникают два предположения: либо «зараня» — архаизм, удержавшийся лишь в «Слове», либо искаженная форма древнего «израня», возникшая по аналогии с появившимся к XVI в. в живом языке наречием «заране». — Название пятницы — *пятѣкъ* находим уже в Остром. ев. и в Пов. врем. лет: «Бе же пяток тогда, вѣсходящю солнцю», «свитающю же пятку» (Лавр. лет., 1019, 1151 г.; см. еще примеры: Срезневский, II, 1796). Точное указание времени нападения на половецкие «вежи» не вполне подтверждается рассказом Ипат.

лет. (1185 г.): «Заутру же пятьку наставшу, во обеднее веремя усретоша полкы Половецкыи» (вар. «в обедие»). Но сообщение «Слова» соответствует зафиксированному летописью обычаю начинать наступление рано утром; например, Ипат. лет. под 1151 г. отмечает, что войска выступили «утрии же день в пятницу, яко зоре почаша ся займати».

потопташа поганья плъкы Половецкыя. В летописи: «Русь же потспташа е» (половцев), «сшибеся с полкы их и потопташа середни полк», «стяги Олговы потопташа» (Ипат. лет., 1180, 1174, 1195 гг.). Но в отличие от летописи «Слово» не применило этот глагол в рассказе о поражении «храбрых полков Игоревых», ограничившись символическим образом поражения: *падоша стяги Игоревы*. Очевидно, автор остро почувствовал оттенок унижения побежденного, ощутимый в слове *потопташа*. — Половцы упоминаются в «Слове» без определения *погании* лишь четыре раза; во всех остальных случаях их имена сопровождаются этим оценочным эпитетом: *поганья плъкы Половецкыя, поганья плъки, поганьи Половчине, поганья головы Половецкыя, поганго Кобяка, Кончака поганого кощя, кровь поганую*; трижды вместо «половци» находим *погании*. Обращаясь к Пов. врем. лет, мы встречаем в ней начиная с 1061 г. нередко вместо «половци» — «погании». В рассказе 1174 г. о первом походе Игоря Святославича на половцев нет никаких определений при их имени, в дальнейшем иногда «погании» применяется вместо «половци». С 1179 г. определение «погании» встречается чаще. В рассказе о походе 1185 г. есть уже сочетание «погании половци» или кратко «погании», однако летопись постоянно обходится без этого осудительного эпитета — «полкы половецкыя», «половци», и лишь один раз с осуждением упоминает «поганьскую дерзость». В Лавр. лет. в рассказе о поражении Игоря Святославича нет ни этого сочетания, ни вообще определения «погании». В статье 1207 г. снова появляется дважды «погании» вместо «половци», а в записи под 1210 г. они уже именуются «безбожнии иноплеменици». В статье 1217 г. «погании половци» соседствуют с «зломьслыными князьями», «проклятым Глебом» и его «оканьным помыслом» — резко осудительный тон по отношению к русскому князю окрасил и изображение его союзников-половцев. Вспоминая о половцах, разорвавших Русскую землю до того, как их самих покорили татаро-монголы, автор рассказа 1223 г. наделяет их уже новыми определениями — «безбожнии», «оканьнии», «безбожнии сыны Измаиловы». Начиная с 1236 г. эпитет «безбожнии» прочнее других соединяется с именем «татары», которых летопись называет «злии» или «оканьнии кровопици», «проклятии», а иногда и по-старому «погании». Таким образом, «Слово о полку Игореве» настойчивее, чем современные ему и близкие по времени летописи, выражает свое осудительное отношение к половцам, наделяя их постоянно эпитетом *погании*. Объясняется такая разница не

только тем, что «Слово» вообще ярче, чем летописи, раскрывает авторские оценки, но и тем, что летописцы вынуждены были в рассказах о половцах сохранять более сдержанный тон: ведь половцы часто бывали не только врагами, но и союзниками русских князей в их междоусобной борьбе.

и рассушясь стрѣлами по полю. — В летописном языке в аналогичном применении нет метафорического оттенка: в Пов. врем. лет (Лавр. лет., 1068 г.) читаем: «Се половци росулися по земли». Срезневский дает пример из Псалтыри толковой XII в. (III, 97): «Тако и жидове рассушяся от лица Христова».

помчаша красныя дѣвки Половецкыя. — В выборе слова *помчаша* автор «Слова» проявил обычную для него точность выражения. В языке XI—XII вв. ряд слов того же корня применялся в тех случаях, когда речь шла о похищении именно девушек: в Уставе церковном Владимира «умычка» — похищение девушки до замужества — отмечается в ряду проступков, караемых церковным судом. В Уставе церковном Ярослава 1051—1054 г. читаем: «... аще кто умчить девку» (Срезневский, I, 590). Глаголы «умыкати, умыкывати» употребляются в том же значении «похитить, увезти девушку-невесту» в Пов. врем. лет. В сходном значении в летописи есть глагол той же основы, но с приставкой «при» — «примчати»: «Примчаша к нима половци дикого, емше у Переяславля» (Ипат. лет., 1149 г.). Свободно обращаясь нередко к приставкам для уточнения смысла глагола, автор «Слова» и в данном случае удачно заменил приставку «у», показывающую итог действия, приставкой «по», которая помогает представить само действие, — русские еще везут похищенных девушек. Таким образом, применение глагола *помчаша* именно к увозу из «веж половецких» девушек находит опору в употреблении однокоренных с ним слов в языке XI—XII вв. — *дѣвки* — в XI—XIII вв. и в летописном, и в книжном, и деловом языке это слово без всякого оттенка презрения обозначало «дочь, девушка, невеста»: «Добрая дѣвка Фекла» (Стихирарь XII в.: Срезневский, I, 781); в Новг. I лет. в перечне «даров многих» названы «дѣвки» (1224 г.), а в документе 1299 г. словом «дѣвка» названа невеста (Срезневский, I, 781—782). Ипат. лет. под 1238 г. сообщает: «Король же не вдасть дѣвки своеи (т. е. дочери-невесты) Ростиславу». Сочетанию *красныя дѣвки* соответствуют следующие примеры употребления этого эпитета: «Уноша красн зело» (Изборник Святослава 1076 г., л. 270 об.), «от жены красны» (Пандекты Антиоха XI в.: Срезневский, I, 1318), «видев ю (девушку) красну сущю» (Флавий, стр. 183).

а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамигы. — В договоре Игоря с греками 945 г., в Ипат. лет. под 912 и 1164 гг., в Лавр. лет. под 1075 г. среди военной добычи или богатых даров упоминаются те же предметы (см. примеры: Срезневский, II, 855). — *Паволокы* — дорогая ткань — называется и в пере-

водных памятниках («История» Иосифа Флавия, Девгениево деяние). — *оксамиты* — парча. В Ипат. лет. под 1175 г. рассказывается, что боярин упрекнул убийцу Андрея Боголюбского: «Ты ныне в оксамите стоиши, а князь наг лежитъ»: под 1164 г. — «присла царь дары многы Ростиславу оксамиты и паволоки и вся узорочь разноличная».

Орътъмами и япончицами и кожухы. — *Орътъмами* — тюркское название покрывала. — «япончица» — турецкое название накидки (см.: П. М. Мелиоранский. Турецкие элементы в языке Слова о полку Игореве. — ИОРЯС, 1902, кн. 2, стр. 273—302). — Старший пример на форму «епанча» Срезневский дает из документа 1582—1583 г. (I, 828); в деловом языке конца XV в. встречаем и форму «япанча»: «А в Новгородке в Северском князю Семену князю Иванову сыну Шемякина великого князя гости поминок несли япанчу бурьскую да тясму червьчату» (Сборник Русского исторического общества, т. XXXV, Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, т. I. СПб., 1882, стр. 11, документ от января 1488 г.). — *кожухы.* — О древности этого слова свидетельствует перевод Хроники Амартола, где читаем, что в пожаре сгорели «тръговья кожыхо (вар. кожуюхо, кожуюхом) делателница храмы» (стр. 565). В Уставе 1193 г. (Срезневский, I, 1246): «От кожъ устроеныя ризы. . . яже кожуюхы вестъ нарицяти обычаи». «Кожухъ же оловира Грецького» (Ипат. лет., 1252 г.; Срезневский, I, 1246).

начаша мосты мостити — здесь употреблена одна из «естественных тавтологий», которая еще не может быть причислена к художественным приемам. Тавтологий такого типа немало в Пов. врем. лет, где они также не представляют художественных образов: «. . . послании послы» (912 г.); «присла слы» (945 г.); «свет зол свещаша» (986 г.); «сечець исече» (1078 г.); «кличаном кликнувшимъ» (1091 г.); «посадники посади» (977 г.); «мостите мост» (1014 г.); «да не ущитятся щиты» (945 г.); «улов уловив» (1097 г.); «оковаша и в двои оковы» (1097 г.); «разстреляша стрелами» (1097 г.). Такие тавтологии были нередки и в церковнославянском языке, а вслед за ним и в «книжном» типе древнерусского литературного языка. Например, в Изборнике Святослава 1073 г. встречаются такие тавтологические сочетания: «муками мучени» (л. 178); «мерами меряться» (л. 192 об.); «въслед. . . не въследуютъ» (л. 210); «суд судите» (л. 210 об.); «веньцем да веньчавається» (л. 212 об.); «вины винуютъ» (л. 91 об.); «слухъмъ услышу» (л. 102); «разгневаюся гневъмъ» (там же) и т. д.

по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ. —оборот с предлогом «по» имеем в летописи с XI в.: «. . . многа знаменья бываху по местомъ» (Лавр. лет., 1092 г.); в этом же тексте употреблена русская форма «болота»: «Мнози борове възгарахуса сами и болота». — *грязивымъ* — «перейдя грязи» (Ипат. лет., 1151 г.), в Хлебников-

ском списке этой летописи — «переидя грязину». Форма «грязивый» засвидетельствована лишь как имя собственное в документе 1485 г.: «По Грязивой речке» (Срезневский, I, 605).

и всякими узорочьи Половѣцкыми. — В Ипат. лет. под 1175 г. сообщается, что Андрей Боголюбский построенную церковь «всякими узорочьи удиви». Старшее упоминание в форме собирательного «узорочье» находим под 907 г. (Радзив. лет.): «Приде Олег к Киеву, неся злато и паволокы, и овощи... и всякое узорочье».

Чръленъ стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стружие — «челку стяговую сторгоша с стяга» (Лавр. лет., 1169 г.: Срезневский, III, 1487). — *Хорюговъ* нередко называется в переводе «Истории» Иосифа Флавия: «хоругвь сребрена» (стр. 435); в Ипат. лет.: «Данило ... постави на немецких вратех хоругвь свою» (1235 г.); «аще руская хоругвь станеть на забролах (вар.: заборолех)» (там же, 1229 г.). — «чръленый» (стяг, челка, щит) — «красный», как в Молении Даниила Заточника «черлен сапог», а в Духовной Ивана Калиты 1327—1328 г. «кожух черленый» (Срезневский, III, 1558). В форме «чървленин» слово известно в XI в. (Срезневский, III, 1556).

сребрено стружие. — Описывая в начале XII в. свое путешествие в Палестину, игумен Даниил стремился как можно точнее представить читателям внешний вид всего, что видел, все расстояния между отдельными памятными местами, определяя их, в зависимости от величины, верстами, саженьми, «лактями», или приблизительно — «яко довержет муж камнем», «яко дострелити». Дойдя до места, где был распят, по местному преданию, Христос, он указывает, что «распятие», т. е. крест, стоял на камени, и высоту этого камня он определяет на этот раз особым образом: «... на камени высоко было яко стружия выше» (Даниил игумен, стр. 19). Слово «стружие» оказалось непонятым следующими переписчиками «Хождения», и они по созвучию, но не к месту по смыслу, заменили его через «стражие». М. В. Венивитинов в «Указателе» перевел это слово «древко, копье» (стр. 242). В данном контексте Даниил — и не случайно — употребил «стружие» именно как название «копья». Продолжая описывать «распятие», Даниил, как всегда, вспомнил евангельский рассказ, связанный с этим местом: он указал на «разселину на камени», куда «сниде кровь и вода из ребр владычень», когда один из воинов копьем пробил ребра умершего Христа. Держа в памяти этот рассказ и напоминая о нем цитатой читателю, Даниил этим копьем, которое он назвал более привычным ему именем «стружие», измерил высоту камня под распятием. Связь евангельского рассказа с этой необычной у Даниила мерой подтверждается тем, что больше он нигде к ней не прибегал. А древность такого наименования копья сделала его позднее непонятым, и так появилось чтение «яко стражия выше». Слово «стружие» применил переводчик «Истории» Флавия: «И абие воины объемше

я, биахуть стружии» (Флавий, стр. 272); «Римляне же привязывающе серпы к стружием, стрезываху мехы» (там же, стр. 303). Надо было достать высоко находившиеся «мехы», и потому серпы привязывали к концу «стружия» — копьа, а не только к его древку. В «Слове» *сребрено стружие*, которое достается из псловецких веж *храброму Святъславличю*, — это также дорогое копье, а не одно древко от него. И Всеслав не переворачивал копье, чтобы только древком — *стружиемъ* его дотронуться до *злата стола* Киевьскаго, а *дотчеса* до него лишь концом своего копьа — «стружия». Это было, видимо, в XII в. название копьа в народном, а не книжном языке, оттого оно употреблено и Даниилом, который лишь в цитатах из библейских легенд следует за их книжным языком, а в описаниях стремится к возможно более простому изложению.

храброму Святъславличю (ср.: *храбрая Святъславличя Игорь и Всеволодъ... хороброе гнѣздо... Бориса храбра и млада князя... храбрии Русици... храбрая сердца... храбрая дружина... храбрая мысль... Игорева храбраго плѣку... храбра тѣла*). — В применении к русским князьям этот эпитет находим и в летописи: «Святослав хоробры» (Ипат. лет., 1254 г.); «Лев князь думен и хоробор» (там же, 1291 г.; см. примеры: Срезневский, III, 1386). «Слово» последовательно наделяет этим эпитетом не только князей, но и всех русских воинов.

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо — *половцы* от страха перед русскими воинами «дремаху сами» (Лавр. лет., 1103 г.: Срезневский, I, 736). — *хороброе гнѣздо* (Ингварь и Всеволод *не худа гнѣзда шестокрилицу*) — *гнѣздо* в значении «род» повторяется лишь в списках Задонщины и связанных с ними текстах Сказания о Мамаевом побоище, но в прямом значении — «птичье гнездо» — встречаем это слово в Остром. ев. (Срезневский, I, 528).

Далече залетѣло (ср.: *О, далече заиде соколъ*) — «отиде на страну далече» (Остром. ев.: Срезневский, I, 625), «далече есте шли» (Новг. I лет., 1216 г.), «и рече Святослав Олгович... далече есмь гонил на Половцех» (Ипат. лет., 1185 г.).

Не было онъ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръныи воронъ, поганыи Половчине! — «многа лета во обиде есмь» (Слово Адама: Перетц, стр. 186); «обида бо ми немала належитъ» (Серапион Владимирский: Срезневский, II, 295); в плаче по князе Мстиславе: «... уже бо... во обиде всим остахом» (Ипат. лет., 1179 г.). Ср. в Изборнике Святослава 1073 г. «в обиду положат» (л. 177 об.). Беспредложный дат. пад. *обидѣ* в сочетании с причастием *порождено* дает ту «метафорическую конкретизацию» понятия «обида», которая ставит ее в ряд с живыми существами (сокол, кречет, ворон-половчин) (см.: С. Лихачев. Слово о походе Игоря Святославича. — Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия, изд. 2-е, Л., 1967, стр. 22—

23). — Глагол «породити» известен и в прямом конкретном значении, как в «Слове», — «Чядца моя, яже пакы породжу» (Галицк. ев.: Срезневский, II, 1209), и в отвлеченном: «Нас породити святымъ крещениемъ» (Кирилл Туровский: там же). «Слово» знает, что многие походы русских имели целью не только защиту Русской земли, но и месть степнякам за прошлые поражения, за разорение русских областей, за то, что автор на протяжении всего текста называет словом «сбида»: это оскорбление, несчастье всей Русской земли. «Вступита, господина, въ злата стремя за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!» — обращается автор к князьям Рюрику и Давиду; дважды этот призыв звучит и без упоминания «обиды» — Ярослава Осмомысла зовет автор: «Стрѣли... Кончака... за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича»; взывает к Ингварю, Всеволоду и трем Мстиславичам: «Загородите полю ворота... за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!». «Обидой» называет автор возможное поражение группы князей также внешними врагами: *Ольгово хороброе гнѣздо... не было... обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронѣ, поганьи Половчине!* Но «Слову» известно и традиционное в летописи наименование «обидой» нарушений междукняжеских прав: *Бориса... Вячеславлича слава на судѣ приведе... за обиду Ольгову.* В Пов. врем. лет под 1100 г. рассказывается, что Святополк обратился к княжескому «снему» с вопросом: «Кому до мене обидя?», на что Владимир ответил ему: «Ты еси прислал к нам: Хочу... пожаловатися своєю обиды» (Лавр. лет.). Именно в этом значении «Слово» говорит о наказании Бориса Вячеславича за обиду Ольгову. Договорная грамота 1301—1302 г. Михаила Тверского с Новгородом обуславливает, что князь будет вступаться, «где будет обидя Новгороду». Но «Слово», проникнутое идеей единения всех княжеств для защиты всей Русской земли, рассматривает поражение Игоря как *обиду сего времени* — всей страны. Так расширяется значение обычного термина, и уже на основе этого нового его толкования создается и образ девы Обиды, которая *въстала... въ силахъ Дажь-Божа внука*, т. е. всего русского народа (см. о значении термина «обидя»: Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 84—86). Следует напомнить, что такое расширение понятия «обидя», относящее ее к урону, наносимому внешними врагами всей Русской земле, имеет полную аналогию в подобном же толковании термина «зло», которым летопись определяет вред междукняжеских распрей тоже не для отдельных только областей и враждующих князей, но и для всей Русской земли, особенно в моменты, когда ей грозила опасность со стороны половцев. Таков смысл призыва Владимира Мономаха выступить в защиту слепленного Василька Теребовльского. Он приглашает Олега и Давида Святославичей: «Поидета к Городцю, да поправим сего зла, еже ся створи се в Русьскей земли и в нас, в братьи»:

и Святославичи с таким же обвинением обращаются к Святополку Изяславичу, одному из участников ослепления: «Что се зло створил еси в Русьстей земли и ввергл еси ножь в ны» (Лавр. лет., 1097 г.). Итак, «зло» в данном случае тоже «обида», нанесенная не одному ослепленному Васильку, но всей «Русьской земли» и всей «братьи» — князьям. — *ни соколу* — уподобление воина соколу см. выше, стр. 61. — *ни кречету* — «кречеты» упоминаются в Договорной грамоте 1318 г. — *чръный воронъ* — в Ипат. лет. упоминается «вран черный» (1074 г.). Уподобление врага ворону часто в народной поэзии (см. примеры: Перетц, стр. 186—187).

Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону Великому. — *бѣжитъ* — в значении «убегает»: «Одоле Святослав и бежаша гръци» (Лавр. лет., 971 г.); «ратьныи же... бежаша, не дерзнуша стати блаженому» (Жития Бориса и Глеба, стр. 8). — *сѣрымъ влъкомъ* — см. выше, стр. 67. — *слѣдъ править* — в Русской Правде есть сочетания «след гнати» и «едуть на след». В переводных памятниках XI в. соответственно находим: «гънаша въслед» (Изборник Святослава 1073 г., л. 101 об.); «не ходи в след душа своя» (Изборник Святослава 1076 г., л. 135); «течаше в след рачителя» (Минея 1095 г., сентябрь, стр. 0201). В Александрии — «правляще ему путь» (стр. 63), т. е. то же сочетание с дат. пад., как в «Слове» (*Кончакъ ему...*); ср. также в повести о разорении Рязани: Остафей «пойде в путь... чудоторецъ ему путь правяще» (Д. С. Лихачев. Повести о Николае Заравском. — ГОДРЛ, т. VII, стр. 284). — *Гзакъ* (ниже Гза) — в Ипат. лет. встречаются формы «Кза» (отчество «Кзичь») и «Коза»; у Татищева — «Гзя» (La Geste, стр. 310).

Другаго дни велми рано — «в другие же день събра митрополит вся епископы» (Житие Бориса и Глеба: Срезневский, I, 727—728). Родительный-винительный без предлога — *другаго дъни* — соответствует употреблявшемуся одновременно «сего дни», «си ночи», «сеи ночи» (Срезневский, III, 347). — *рано* — «бывъша рано у гроба» (Остром. ев.: Срезневский, III, 70).

кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ. — Как предвестие поражения такой восход солнца описан в библейском тексте XIV в.: «Солнце восия на воды и виде Моав противу на водах яко луча кровавы и рече: Кръвь есть от оружья» (цит. по кн.: Перетц, стр. 294). Ср. в летописном языке: «Знамение явися на небеси яко небо кроваво» (Псковск. I лет., 1202 г.); «аки пожарная заря» (Ипат. лет., 1102 г.). — *зори* — множ. ч. обычно в языке XI—XII вв., когда описывается утреннее небо: «... мал час есть зорям, таче солнце въшед, угасить блеск их» (Толк. прор. 1047 г.: Срезневский, I, 997); «пред зорями в нощи», «во второй же день по зорям» (Ипат. лет., 1107, 1150 гг.; примеры: Перетц. К изучению, стр. 63, 70). — *свѣтъ* в значении «рассвет» употребляется переводчиком «Истории» Иосифа Флавия: «... мъглою не можаху видети, послучившия еи тогда над град, дондеже свету бывшу» (стр. 306).

В «Путнике» Антония Новгородского: «...через ночь до света» (другие примеры: Срезневский, III, 295). — *повѣдаютъ* — это слово Срезневским показано лишь на примерах, где речь идет о рассказе человека (II, 1006).

чръныя тучя съ моря идуть, хотятъ прикрыти 4 солнца. — К этому символическому пейзажу дает параллель Изборник Святослава 1076 г.: «...съкрываетъ бо тьмьнии облак слънчъную красоту и светлъость» (л. 55). — *чръныя тучя... идуть* — «туча идетъ» (Юрьев. ев., 1119 г.: Срезневский, III, 1041) — со значением «идет дождь». Но и в «Слове» подразумевается дождевая туча, так как дальше образ развивается: идти дождю стрелами. — *съ моря идуть... погании съ всѣхъ странъ прихождаху* — предлог «съ» в значении движения от чего-л. с родит. пад.: «Словене с Дуная пришедше» (Пов. врем. лет по Переясл. лет.: Срезневский, III, 637). — *хотятъ прикрыти 4 солнца* — примеры из светской литературы, уподобляющей царя-князя солнцу, в летописи связаны с представлением о смерти князя как заходе солнца (Ипат. лет. под 1179, 1289 гг.), также в житии Александра Невского. Деятельность Владимира Мономаха летописец, сообщая о его смерти, уподобляет сиянию солнца: «...просвети Рускую землю, акы солнца луча пушая» (Ипат. лет., 1126 г.). «Солнце», «светозарное солнце» — эпитеты Девгенция (Девгениево деяние).

въ нихъ трепещутъ синии мълнии. Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго! — В этом комплексе фраз трудно уже не заметить, что трепещущие молнии — это блеск оружия (поэтому и употреблен необычный при слове «молния» глагол «трепещут»). Срезневский дает примеры, где «трепетать» обозначает лишь дрожащего человека (III, 988), но у Флавия «трепещут стены» (стр. 331). В памятниках XI—XIII вв. молния «исходит», «падает с небеси», ее блеск передается глаголами «осветить», «озарить», «светиться»; определение «синий» в памятниках не соединяется со словом «молния». Тюркологи отмечают, что необычное сочетание «синие молнии» аналогично в языке половцев-кыпчаков широкому применению определения «синий» вместо «серый», «зеленый», «голубой». Сопоставление шума оружия во время битвы с громом постоянно в летописи и воинских повестях. Конструкция *быти грому... итти дождю* — неопределенное наклонение с существительным в дат. пад. имеет соответствие в Изборнике Святослава 1076 г.: «Яко же гласу слышяну быти от земля до небесе» (л. 270—270 об.). — Сочетание *грому великому* имеет соответствие в примерах: «Сии мужь... падеся ниць с великим громом» (Флавий, стр. 402); «быша громи велици и блискании мълниа» (Александрия, стр. 15). — Ипат. лет., 1111 г.: «...тресну акы гром сразившима челома». Обычно и сравнение с дождем летящих стрел: в Лавр. лет. под 1097 г. сохранен даже глагол, который естественнее сочетается со словом «дождь», чем со словом «стрелы»: «...идяху стрелы акы дождь», или в Галицкой летописи под

1245 г.: «...стрелам яко дождю идушу», ср. в переводе Флавия: «И стрелы на них летяху яко дождь» (стр. 343). (О том, что и в действительности множество стрел в воздухе напоминало дождь, см.: Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 64—65). Сопоставление капель дождя со стрелами находим и в учительной литературе XI в.: «...помысли о убогих, како лежать ныня дъждевными каплями яко стрелами пронажаеми» (Изборник Святослава 1076 г., л. 42). Следствательно, переработка летописного сравнения «акы дождь» в «Слове» сделана по типу конструкции, известной в книжном языке XI—XII вв.

Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы половецкыя. — «Лом копийный и звук оружийный» — так определяет летопись основной шум битвы (Ипат. лет., 1174 г.), «лом копеины и щет скепание» (там же, 1240 г.). Но летопись применяет глагол «ломити» с другой приставкой — «изломити копье», хотя в том же значении, что и «приломити» «Слова» (см. примеры выше, стр. 73). — *ту ся... приламати, ту ся... потручяти* — сочетание *ту* с неопределенным наклоном имеет в летописном и в деловом языке: «Ту бе видети лом копийный и звук оружийный» (Ипат. лет., 1174 г.); «ту ти ему прити да негли ту покориться» (там же, 1149 г.); «в которой волости человек извиниться, ту ему правда дати» (Грамота 1264 г.: Срезневский, III, 1030); «кде ся тяжя почнетъ, ту концяти» (Грамота 1284 г.: там же). Ту же конструкцию, но с глаголом в 1-м и 3-м лице находим в ораторской речи у Климента Словенского: «Ту бо исцеление душам и телом въземлем, ту страшна тайна, ту глас божий... оглашает... ту греховный мрак... отганяеться, ту сын божий предълежить...» (по изд.: В. М. Ундольский. Климент, епископ Словенский. М., 1895, стр. 12—13). — *потручяти(ся)* — предлагаются украинские параллели: «потручати» — «потолкать», «тручати» — «толкнуть, толкать, пихать» (= польскому «трончац» — толкать, ударять, задевать). Л. А. Булаховский отметил в «Слове» ряд «уникальных» форм глаголов, образованных с помощью префикса «по» (Слово, стр. 149). Отделение препозитивного «ся» от глагола — *ся копиемъ приламати... ся саблямъ потручяти* (ср.: *ту ся брата разлучиста... А чи диво ся, братие, стару помолодити... наниче ся години обратиша... нъ розно ся имъ хоботы пашуть...*) — встречаем с XI в.: «...не умеши ли ся почъто яти» (Изборник Святослава 1073 г., л. 16); «нача ся в уме кычити и величати» (там же, л. 96); «море ся егда възмутить» (Ж. Нифонта 1219 г.: Срезневский, I, 1079); «аще ли ся им супротивите» (Чтение о Борисе и Глебе: Срезневский, I, 1168); «тогда ся начяша бити» (Новг. I лет., 1218 г.); «а он ся начнетъ запирати» (Русская Правда: Срезневский, I, 934).

на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону Великаго. — Предположения о «Каяле» как географическом термине разобраны в книге К. В. Кудряшова «Половецкая степь» (Географиздат, 1948, стр. 48—74).

В рассказе Ипат. лет. о походе Игоря «Каяла» упоминается в авторском восклицании по поводу поражения русского войска: «И тако во день святаго воскресения наведе на ны плачь и во веселья место желю на реде Каялы» (1185 г.). Был сделан ряд попыток объяснить название реки «Каяла» из сходных географических имен, однако в новейших работах отдается предпочтение гипотезе Н. Грамматина, еще в 1823 г. предложившего объяснять «Каялу» как производное от глагола «каяти». Л. А. Дмитриев связывает «Каялу» с значением «каяти» — «жалеть», «оплакивать». Таким образом, «Каяла» — «река смерти, печали, скорби, гибельное место» (Глагол «каяти» и река Каяла в Слово о полку Игореве. — ТОДРЛ, т. IX. 1953, стр. 36). Параллель к такому толкованию географического названия дает сообщение Никоновской летописи под 1319 г. о том, что тело убитого татарами князя Михаила Ярославича Тверского «повезоша за реку, глаголемую Адеж, еже зовется горесть» (ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 185. Эта параллель указана мне Н. С. Демковой). Слово «Каялы» можно сопоставить и с тюркским (Словарь, 2, стр. 180) — название реки «Скалестая». А. И. Попов в статье «„Каяла“ и „Канина“ в „Слове о полку Игореве“» (Русская литература, 1967, № 4, стр. 218, прим. 2), ссылаясь на труд А. А. Рехенберга, напоминает, что «аффикс (-лы, -ли) чрезвычайно распространен в тюркских названиях мест и рек», и указывает в Оренбургской степи (по данным 1852 г.) реки Большая Каялы и Малая Каялы. — Повторение предлога — на *рѣцѣ на Каялѣ* — перед каждым из согласуемых слов — черта, отмеченная историками русского языка со старшего его периода. В Пов. врем. лет (введение) — «на перевоз на Киев», «поиде на Полтъск на зятя на своего на Всеслава» (Ипат. лет., 1178 г.), «аже погубять след на гостинци на велице» (Русская Правда: Срезневский, I, 568). (Итоги изучения см. в кн.: А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М.—Л., 1963, стр. 20—23).

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами. — Выражение «ветру веюшу» имеем и в переводе Флавия (стр. 261), и в Галицкой летописи (под 1255 г.), «ветрѣмъ веяние» читается уже в Изборнике Святослава 1073 г. (Срезневский, I, 503); форма множ. ч. *вѣтри* знакома с XI в.: «противу ветром брань» (Амартол, стр. 394); «пасеть ветры и птице» (Пчела, стр. 281). В «Слове» уточняется, что ветер веет с моря, т. е. с той стороны, откуда надвигаются половцы, и веет он *стрѣлами*. Так все выражение приобретает метафорический оттенок. — *Стрибожи внуци* — Стрибог упоминается в Лавр. лет. под 980 г. в рассказе о богах Владимира. О наименовании ветров «внуками» Стрибога см.: Перетц, стр. 79—80. В «Слове христюбца» (по списку XIV в.) есть упрек — «огневе моляться, зовуще его Сварожичем», т. е. сыном Сварога (Памятники древнерусской церковно-учительной литера-

туры, вып. 3. СПб., 1897, стр. 224); с этим наименованием можно сблизить и выражения «Слова»: *Стрибожи внуци, Даждь-божа внука, Велесовь внуче* (La Geste, стр. 353—354). Слово «внук» в общем значении «потомок» находим, например, в сербской Александрии: «Адаму внуцы есми» и в Хронике Малалы: «Сифови внуце» (Словарь, 1, стр. 123).

на храбрыя плѣкы Игоревы — см. выше, стр. 86.

Земля тутнетъ — «вопиют сильно, яко тутнати и гремети всеми месту тому от вопля людий тех» (Хождение игумена Даниила: Срезневский, III, 1040); «земля тутнаше» (Октоих XIII в.: там же); «глас рече трубы тутняше велми» (Псалтырь толковая XI в.: там же), «да отвьрьзеться церкы, священое да потутьнетъ» (Минея 1095 г., сентябрь, стр. 083). В XI в. известно было и существительное «тутьн» в значении «шум, грохот», в Пов. врем. лет под 1092 г. (Ипат. лет.): «... в нощи бывше тутен, стонаше полунощи, яко человеци рыщуть беси по улици». В житии Феодосия Печерского: «... яко же слышааше тутън» (Срезневский, III, 1040). В Шестодневе есть слово «тутнание»: «... гласове беаху и тутнание, рекше звек гласом» (л. 16); «глас грома твоего в колеси еже из възгръмения тутън гласом прозвав» (там же).

рѣкы мутно текуть — «река среде моря текушти сладъка» (Григорий Назианзин, XI в.: Срезневский, III, 955); «река без берегов текуще» (Даниил Заточник: там же). Метафорический смысл, наряду с прямым, этому выражению придает слово *мутно*: «мутная» вода символ несчастья, вообще чего-то печального, отрицательного, не только в народной поэзии, но и в литературе XI—XII вв. Так, в Минее 1097 г. в службе 4 ноября читаем: «Показая реку воды мутьная», где «вода мутьная» — «безбожие» язычества, побежденное святым. Та же символика применяется в учительной литературе (хотя и в форме сравнения) — в Златоусте XII в.: «Тако бо суть епискупля печали, акы море мутимо» (Срезневский, II, 196).

Пороси поля прикрывають, стязи глаголють. — Полногласную форму «порох» — «пыль» имеем в примерах с XI в.: «... ту же пороха нападьшу от места незаветръна» (Изборник Святослава 1076 г., л. 41). Множ. ч. от «порох» А. Потебня считает характерным не только для древнерусского, но и для старого чешского и старого польского языков, когда слово обозначает «делимое вещество». Р. Якобсон, ссылаясь на это объяснение, дает аналогичное множ. ч. от слов «снег» и «грязь»: «... гора высока... и снези на ней лежат чрез лето» (Хождение игумена Даниила); в Ипат. лет. под 1151 г. «перейдя грязи» (La Geste, стр. 268—269). Ср. также «многи крови проливаются» (Лавр. лет., 1156 г.); «в велице прасе» (Александрия, стр. 49). — *стязи глаголють.* — Д. С. Лихачев (Устные истоки, стр. 72) считает, что вся эта картина рисует постепенное приближение половцев, следовательно, здесь речь идет о половецких стягах, которые показывают наступление вра-

гов. Самое сочетание слова «стяги» — в его первоначальном значении «боевое знамя» — с глаголом *находит* соответствие в примере из слова Григория Богослова по списку XIV в., где читаем: «Знаменье глаголетъ стяг, им же знаменають воеводы победу» (А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, т. III, отд. II, 2, М., 1859, стр. 85).

Половци идуць отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ Рускыя плѣкы оступиша (испр. из *оступиша*). — К сочетанию *идуть отъ*, указывающему место отправления, имеем параллели в летописи: «...от коея убо страны приходящим в Русь» (Ипат. лет., 911 г.); ср. в Остром. ев.: «...бежаша от гроба» (Срезневский, II, 770). — *оступиша* — «иноплеменници... оступиша полкы Рускыи» (Ипат. лет., 1111 г.), этим глаголом обозначено окружение осажденного в городе войска: «...все силы... оступиша град» (Ипат. лет., 1174 г.); в переводе Флавия: «...оступиша войско» (стр. 362). Библейские припоминания ввели этот оборот в гимнографию — в русском тексте Минеи 1096 г. читаем: «...врази оступиша ны», «оступиша ны измаилитене» (октябрь, стр. 162). — *отъ всѣхъ странъ* — «вѣсиа намъ деньница просветлаа, яко ж от всехъ странъ видевше светение» (Д. Абрамович. Киево-Печерський патерик. Київ, 1930, стр. 22).

Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша. — *дѣти бѣсови* — «бесово деиство» (Пандекты Никона XI в.: Словарь, 1, стр. 49). — «клик» сражающихся отмечается не раз летописью, то предвещающий битву (как в данном случае в «Слове») — «и тако полци приехавъше к мостку, кликнуша» (Ипат. лет., 1150 г.), то раздающийся во время боя — «и кликнуша, и печенези побегоша» (Лавр. лет., 992 г.). — Ср.: «обычаи же есть на рати руками маущи поущати и кличем въпиюще» (Толковые пророки XI в.: Срезневский, I, 1222). — В переносном значении применен здесь в «Слове» глагол *прегородиша*, известный в прямом смысле уже по тексту Русской Правды (в русской форме «перегородити» — см. примеры: Срезневский, II, 902).

а храбрии Русци преградиша чрълеными щиты — см. выше, стр. 81.

Ярь Туре Всеволодѣ! — см. выше, стр. 63—64.

Стоиши на борони. — Глагол «боронити» с XI в. известен и в деловом языке и в летописи в значении «защищать», а существительное «боронь» в примерах, отмеченных Срезневским (I, 154), имеет смысл «помеха, препятствие»; в Смоленской грамоте 1229 г. — «продать свои товар без всякое борони», купить товар «без борони» (Срезневский, I, 154). Форму «бороня» находим в Ипат. лет. под 1151 г.: «Аз есмь, брате, тебе много молвил и Изяславу... не пролента крови християньскы, ни погубита Рускы земле, того вам есмь бороня» (Словарь, 1, стр. 63). Конструкции *стоиши на* — аналогично в Пандектах Антиоха XI в. вы-

ражение: «Путьмъ истины труда длъжьни есм ходити и мужьскыя стояти на супостата нашего» (Срезневский, III, 529, переводит: «Противостоять, противиться»).

прыщещи на вои стрѣлами, гремлеши о шеломи мечи харалужными (ср.: *поскепаны саблями калеными шеломи Оварьскыя . . . летять стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломи, трещатъ копиа харалужныя въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкыи*). — *Стрѣлы каленыя, сабли каленыя* — самые крепкие: «Донѣдеже горить железо, студеном да ся калить» (Григорий Назианзин, XI в.: Срезневский, I, 1183); «железо. . . закалаемо» (Пчела, стр. 270). — *летять стрѣлы* (ср. выше, стр. 89). — Они уподобляются дождю, и потому ими можно «прыскать» — брызгать. — О «шеломи» *гримлютъ* или *гремлютъ* и *сабли* и «мечи харалужные» — обе формы этого глагола известны в памятниках с XI в. и для обозначения звука грома, и громкого звука вообще: «Плачь имяше он гримающъ до небеси» (слово Григория Богослова: Срезневский, I, 593); «людие. . . вопиють сильно, яко тутнати и гремети всему месту тому от вопля людий тех» (Даниил игумен, стр. 131). — *мечи харалужными* — В. В. Арендт отмечает, что русские мечи в XI—XIV вв. были западноевропейской работы. «Харалужный» — определение, связанное с понятием пламя-свет, с обработкой металла в жару-пламени (В. В. Арендт. К вопросу о «мечах харалужных» Слова о полку Игореве. — Сборник к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. М.—Л., 1934, стр. 335—342). Имеются объяснения слова «харалуг» как заимствования из тюркских языков. «Мечи», по наблюдениям археологов, — арабские и турецкие — встречаются начиная с VII в., сохранилось их немало и от XII в. Но в русских погребениях мечи находятся лишь в X в., так как при христианском погребальном обряде их уже не клали в могилы.

Камо, Туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганья головы Половецкыя. — Конструкцию *Камо. . . тамо* находим в Новг. I лет.: «Камо, княже, очима позриши ты, тамо мы главами своими вържем» (1214 г.). — Глагол «поскочити» в описании битвы: «Новгородци же сседше с конь. . . боси поскочиша, а смоляне тако же поскочиша пеши» (Лавр. лет. по Академ. списку, 1216 г.). В этом случае «поскочити» обозначает движение пеших воинов, но в других летописных рассказах этот глагол может относиться и к конному войску: «Володимирко, видя силу угрьскую, поскочи перед ними» (Лавр. лет., 1152 г.); «узреша половци помочныя полкы. . . абье поскочиша» (Ипат. лет., 1190 г.) — *златымъ шоломомъ* — «золотым шеломом» (Ипат. лет., 1201 г.). Как и другие княжеские вещи, его шлем — «золотой» (см.: Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 79). — *посвѣчивая* — блеск оружия и воинской одежды отмечает и византийская историческая литература: «. . . вѣсия солнце на златыя щиты и на оружия, блистахуса горы от них и сияху яко от светил горяшь» (Амартол,

стр. 203); по этому типу Галицкая летопись строит свое описание: «*Шите же их яко заря бе, шолом же их яко солнцю восходящую*» (Ипат. лет., 1251 г.). Глагол «посвечивати» Срезневским отмечен лишь примером из «Слова», но близкий глагол «посветити» известен летописи: «... яко посветяше молонья, блещашеться оружие» (Лавр. лет., 1025 г.: Срезневский, II, 1232). — *тамо лежатъ поганя головы Половецкыя*. — Изображение убитых в виде павших «голов»: «И множество паде голов» (Новг. I лет., 1174 г.; Словарь, 1, стр. 165); параллельно обычным в летописном воинском языке призывам «голову сложить» за Русскую землю, за свою «отчину»: «Любо голову свою слою, паки ли отчину свою налізу» (Ипат. лет., 1150 г.); не щадить жизни — не беречь голову: «Не щадя головы своя», охотился Владимир Мономах (Поучение Владимира Мономаха). — *поганя* — определение половцев, см. выше, стр. 82—83.

Поскепаны саблями калеными шеломи Оварьскыя. — От ударов *шеломы поскепаны* — ср. в Повести о разорении Рязани: «Гораздо еси мене поскепал малою своею дружиною», а в переводе Флавия сообщается, что от ударов в бою «*щиты ископаны*» (стр. 300). В переводе Амартола есть «шеломы медяни», а Ипат. лет. под 1151 г. сообщает, что «на шеломе над челом» был сделан «Пантелемон злат» (Срезневский, III, 1586). Русская форма *шеломы* постоянно в летописи XII в. — *Оварьскыя* — слово «авары» есть в русском списке XV в. «Откровения Мефодия Патарского» — памятника, известного в русской литературе домонгольского времени. Сербский список XIII—XIV в. жития Панкратия, как отметил еще Н. К. Гудзий, знает и прилагательное «аварескь». Начальная греческая «альфа» в древнерусском языке часто передавалась через «о», так и здесь греч. «абарикос» передано «оварьск». (Итоги полемики по поводу данного выражения «Слова» подведены в статье Н. М. Дылевского «Лексические и грамматические свидетельства подлинности „Слова о полку Игореве“». — Словоз, стр. 185—186). И. С. Дуйчев отмечает, что «оварьскыя шеломи» «Слова» «не должны быть обязательно шлемами, сделанными аварами, происходившими от древних или современных авар, живущих в Дагестане, а скорее были шлемами, сделанными по аварскому образцу» (И. Дуйчев. Обзор болгарских работ 1945—1958 гг. по изучению древнерусской литературы и русско-болгарских литературных связей XI—XVII вв. — ТОДРА, т. XVI, 1959, стр. 593). По наблюдениям археологов, половецкие и русские шлемы домонгольского периода были железными, но очень редко цельными. Железные шлемы этого времени составлялись из нескольких вертикальных долек, склепанных накладными пластинками. При сильном ударе такой шлем раскалывался по линии соприкосновения долек.

Кая раны (м. б., рана?), *дорога братие*. — А. И. Соболевский не принимает поправку — «кая рана дорога, братия», объясняя

кая как аорист от «каяти»; *раны* как винит. или родит. пад. множ. ч. — *дорога братие* — обращение, аналогичное обращению в Сказании о Борисе и Глебе XI в.: «Братие милая и драгая» (А. И. Соболевский. Материалы и заметки по древнерусской литературе. — ИОРЯС, т. XXI, кн. 2, 1916 г., стр. 213). Может быть, *кая* причастие, аналогичное «забыв»? (перевод Соболевского: Всеволод презрел *раны* — а м. б., «презирая *раны*, забыв...»?).

забывъ чти и живота — о сочетании «чти и славы» см. стр. 67—68. В переводе Флавия: «...не пождавъ чьсти твоея» (стр. 171); «забыти рода своего и отчества» (там же, стр. 405); в Лавр. лет. по Академ. списку князь Мстислав перед битвой вызывает к дружине: «А забудем, братье, домов, жен и дети» (1216 г.); Феодосий Печерский ставит в пример инокам «мужьство» воинов, которые «рати бо належащи и трубе воиньстеи трубящи», бросаются в бой и «не помнят ни жены, ни детей, ни имени» (И. П. Еремин: ТОДРА, т. V, 1947, стр. 177). — *живота* — в значении «жизнь» это слово известно и в переводной и в русской литературе с XII в. В аналогичном со «Словом» сочетании находим его в Поучении Владимира Мономаха, который, описывая свои «пути и ловы», говорит, что он трудился «не блюда живота своего, ни щадя головы своея».

и града Чрънигова, отня злата стола. — Престол княжеский последовательно определяется в «Слове» и в других эпизодах термином «отънь злат стол»: в толковании сна Святослава *два сокола слѣтъста съ отня стола злата*; великого князя Всеволода автор призывает *отня злата стола поблюсти*; Ярослав Осмомысл *стреляет съ отня злата стола*; в этом термине украшающий эпитет «злат» отражает не только то, что в княжеском обиходе были действительно золоченые предметы, но и «ритуальную соотнесенность» понятий «княжеского и золотого» (Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 79). В Ипат. лет. лишь один раз встречается термин «отънь стол» под 1158 г.: «Ростовци, суждальци и володимирици вси пояша Андрея, сына Дюргева старейшаго, и посадиша и на отни столе Ростове и Суждали и Володимири». До 1146 г. Киевск. лет. еще не пользуется прочно выработанным термином: под 1113 и 1126 гг. кратко сообщается, что князь «седе на столе в Киеве», под 1141 г. — «на столе своего ему отца» в Новгороде, под 1149 г. — «на столе отца своего». Под 1146 г. появляется термин, с которым потом встречаемся до 70-х годов XII в.: Изяслав «седе на столе деда своего и отца своего». В той же форме термин повторяется под 1150, 1151, 1160, 1174 гг., иногда слегка варьируясь: под 1155 г. — «седе на столе отецъ своих и дед», под 1169 г. — «на столе Ярославли и отца своего и дед своих». Но Ипат. лет. знает разные сочетания прилагательного «отънь» с существительными: «мужи отъни» (1149 г.), «на отъни месте» (1152 г.), «без отня света» (1161 г.), «отъни смерти» (1173 г.), «отънь слуга»

(1182 г.). Иную картину дает Лавр. лет., где термин «отънь стол» появляется под 1125 г. в некрологе Владимира Мономаха: «...и поседе Кыеве на отни столе 13 лет». Под 1157 г. помещено то же сообщение, которое в Ипат. лет. записано под 1158 г.: «Ростовци и суждалци здумавше вси пояша Андрея, сына его (Гюргия) старейшаго, и посадиша и в Ростове на отни столе и Суждали». Лишь однажды еще под 1177 г. встречаем вариант этой формулы: «...посадиша и (Всеволода) на отни и на дедни столе в Володимери». Традиционная формула Киевск. лет. (1140—1170-х гг.) «стол отца своего и деда своего» в Лавр. лет. отсутствует, один раз вариант ее находим под 1201 г.: «...посла ... княжит на стол прадеда и деда своего». Обычно же вместо устойчивого термина в этой летописи помещаются констатирующие сообщения: «седе на столе», «седе Кыеве, Володимери» и т. д., «посади (посадиша)» — название города, «посла в» — название города и т. п. Термином «отънь стол» пользуется русский переводчик Амартола: «Сын его Костянтин отень стол прием» (стр. 348), Житие Афанасия Александрийского (по Успенск. сб. XII в.): «Костянтиемь отънь стол преимъшу» (стр. 10). В Житии Бориса и Глеба (по списку в том же Успенск. сб.) дружина советует Борису: «Пойди сяди Кыеве на столе отъни» (стр. 15). Таким образом, в данном случае автор «Слова» предпочел хотя и известный в его время термин «отънь стол», но не тот, который стал традиционным в южном летописании (в северо-восточном, как мы видели, устойчивой формулы не было). В годы, когда завет, прозвучавший еще в конце XI в. — пусть каждый князь «держит отчину свою» и не ищет чужих владений, часто нарушался, защитник строгого соблюдения его — автор «Слова» — именует эту отчину каждого князя «отънь злат стол», подчеркивая этим право данного князя на его княжение.

и своя милыя хоти красныя Глѣбовны — «brate мои милый Борисе» (Пов. врем. лет по Переясл. лет., 1035 г.: Срезневский, II, 139—140); «милый наю господине драгий» (Сказание о Борисе и Глебе: там же); «милый мой господине» (Кирилл Туровский: там же). — *хоти* — в примерах с XI в. Срезневского «хоть» имеет значение «наложница»: «хотюх небрегом» в Златоустре XII в. и в цитате из Толковых пророков XI в. — «не едину хоть, ни две приимъши» (III, 1389). — Наименование в «Слове» молодых княгинь только по отчеству, а не по мужу, как и девушек-невест — *красныя Глѣбовны* (ср. Ярославна), находит соответствие в летописях: идут сваты «поимати внуку Святославу Глебовны Офимьи за цесаревича» (Ипат. лет., 1194 г.); «преставися Софья Ярославна» (там же, 1158 г.). Так называли и иноземных молодых жен: «Приде Володимерь (Игоревич) ис Половецъ с Коньчаквною» (там же, 1187 г.); «приведе ... жену из Ляхов Казимерну» (там же, 1179 г.). Изредка отчество замужней княгини называется в известии о ее смерти: «Умре Андреевна за Олгом

за Святославичем» (Ипат. лет., 1167 г.); «преставися Борисковна» (Лавр. лет., 1202 г.).

свычая и обычая — это тавтологическое сочетание не имеет точных соответствий в памятниках XI—XII вв., но слово «обычай» в отношении к нраву и поведению человека встречается уже в Изборнике Святослава 1073 г. (л. 173) в библейском эпизоде, повествующем о том, что жена Иова «не помяну бывшая преее к нему любье и обычая». Не случайно и здесь, как в «Слове», речь идет о привлекательности поведения близкого человека — «обычай» назван рядом с любовью. Ср. в Ипат. лет. под 1175 г.: «... всяк обычай добронравен имаяшь». Близка к этому значению в описании нравов восточнославянских племен характеристика полян в Пов. врем. лет: «Поляне бо своих отецъ обычаи имуть кроток и тих». Слова «свычай» и «обычай» рано стали восприниматься как синонимы; выражение Пандект Никона (Срезневский, III, 669): «Оставленья чювьства и долъгыя съвычая ... Съвычай тако имать» в других списках передано с заменой «съвычая» на «обычая». Златоуст XII в., в отличие от Изборника Святослава 1073 г., сочетающего слова «любье и обычая», соединяет «любви и съвычай»: «Не съвокупятися с ними ни в дружбе, ни в любви, ни в съвычай» (Срезневский, III, 669).

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярослава; были плѣци Олговы, Ольга Святъславличя (ср.: *на седьмомъ вѣцѣ Трояни ... въ тропу Трояню... на землю Трояню*). — Свод толкований имени «Троян» дан Д. С. Лихачевым (Истор. и полит. кругозор, стр. 22—24), который предлагает видеть здесь название русского языческого божества, ссылаясь на русский список XII в. «Хождения богородицы по мукам», где Троян начинает перечень славянских богов: «Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на богы обратиша». Таким образом, *вѣчи Трояни* — тот период русской истории, который предшествовал ее христианизации и, следовательно, «летам Ярослава». Всю периодизацию, намеченную в этом отрывке «Слова», Д. С. Лихачев определяет как «не логическую, а поэтическую» (там же, стр. 24). — *вѣчи* — слово «век» в общем значении «время»: «От Адама праотца нашего до сего нашего века» (Изборник Святослава 1076 г., лл. 5—6); «да примуть мечь от бога... в весь век в будущи» (Лавр. лет., 945 г.). — *минула лѣта Ярослава* — «летом многым минувшем» (Церк. устав Владимира: Срезневский, II, 144); «многомъ с днем минувшем» (Сказание о Борисе и Глебе: там же); «аще и много время минеть» (Изборник Святослава 1076 г.: там же). Имеется в виду время «старого» Ярослава Мудрого, отмеченное междуособными войнами сыновей Владимира Святославича. — *плѣци Олговы, Ольга Святъславличя* — здесь *плѣци*, как и в заглавии, употреблено в значении — «походы, войны, битвы». Смутам времени этого Олега и его потомков XII в. «Слово» уделяет особенно много внимания, так же как и «усобицам», связанным с Всеславом Полоцким и его

родом, с одной стороны, и всем потомством Ярослава Мудрого — с другой (см.: Д. С. Лихачев. Истор. и полит. кругозор, стр. 14—22).

Тѣи бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше (при нем сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажьд-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣщи челоувѣкомь скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани гряхуть). — Дальнейшее развитие земледельческие метафоры получают в рассказе о Всеславе Полоцком. — Начальное *Тѣи бо Олегъ* (ср. *Тии бо два храбрая Святъславлича... Тѣи клюками подпрѣся... тии бо бес щитовъ*) имеет аналогию в языке Евангелия: «Тѣ бо Ирод послал», «тѣ бо Давид рече» (Галицк. ев. — цит. по кн.: Перетц. К изучению, стр. 68). Тот же прием находим в переводе Флавия: «Та бо брата отяста все к себе насилиемъ» (стр. 188); «тѣ бо, поручив ему вся» (стр. 195); «ти бо, шатание приемше, не уповають на оружие» (стр. 201); «ти бо воеводствують» (стр. 202) и т. д. Из двух названий княжеских раздоров — «крамола» и «котора» автор «Слова» предпочитает первое: он употребил его пять раз, слово «котора» бесспорно содержится в обращенном к Ярославу и «внукам Всеславим» упреке: *Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Которою бо бѣше насилие отъ земли Половецкыи!* Здесь автор явно хотел избежать повторения и поставил синоним слова «крамола». Что же касается второго случая, то в нем «котоною» — конъектура исследователей: *Тии бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста которою. Ту бяше успиль отецъ ихъ Святъслав... грозою.* В Мусин-Пушкинском и Екатерининском списках здесь стоит ... *убудиста, которую то бяше успиль....* Ведь Святослав «лжей» называет не вовремя и без согласования с другими князьями предпринятый поход против половцев и последовавший за поражением русских набег половцев на русские области. Поход молодых князей не был связан ни с какими междукняжескими ссорами — самонадеянные князья решили всю «славу» присвоить себе и не позвали никого на подмогу. Но, даже признав поправку Н. С. Тихонравова (*лжу убудиста которою. Ту бяше успиль*), все же видим явное предпочтение в «Слове» названия «крамола». Примеры на слово «крамола» идут с XI в. и в летописи и в переводной литературе; о «крамоле» Ольговичей сообщает летопись: «Крамола бысть в них немала» (Лавр. лет., 1136 г.); «град на град... крамолу имяше» (Амартол, стр. 67); «крамолу творяше» (там же, стр. 69); в летописи слово «крамола» обычно сочетается с глаголами «бысть», «преста», без метафорического оттенка, какой в «Слове» дает сочетание с «ковати». Летопись предпочитает слово «котора» (Срезневский, I, 1300—1301, 1313); употребляет «котора» Иларийон — «распря многы и которы»; в Лавр. лет. под 1073 г. «въздвиге дьявол котору в братьи». Видимо, в слове «котора» больше ощущается значение

«ссора», «раздоры», тогда как «крамола» — более широкое обозначение междоусобных споров. Самая форма этого слова придавала ему книжный оттенок и, может быть, поэтому в записи 1307 г. на псковском Апостоле вместо *въ княжихъ крамолахъ* читаем: «в князех которы». — *коваше* — метафорическое применение глагола «ковать», при прямом: «коваху оружия и стрелы» (Флавий, стр. 291); известно и в летописи: «... неведый леть, юже коваше на нь Давыд» (Ипат. лет., 1097 г.), в повести об ослеплении Василька Теребовльского, автор которой поп Василий несомненно был начитан в разных видах церковной литературы, где «ковать» в переносном смысле встречается нередко: «... хульнии ковааше на нь мысли» (Супрасльск. рук.: Срезневский, I, 791); «коваху беды» (Минея, 1097 г., ноябрь, стр. 464); «ковати ков на брата своего» (паремийное чтение о Борисе и Глебе); «кующа ков всем Иудеом» (Деяния апостолов XII в.: Перетц, стр. 202). Сочетание *крамолу ковати* стало в языке автора «Слова» почти термином, к которому он прибегал, говоря о князьях — зачинщиках ссор. Так, описав поражение русских, автор причиной его объявляет «усобицы»: *рекоста бо братъ брату: «Се мое, а то мое же». И начяша князи про малое «се великое» мльвити, а сами на себъ крамолу ковати. — стрѣлы по земли съяше* — эта метафора построена на сопоставлении с земледельческим трудом. В соответствии с этим автор уже не говорит, как в рассказе о битве с половцами, что *летятъ стрѣлы* или *итти дождю стрѣлами*: *Олег стрѣлы по земли съяше*. Здесь, очевидно, имеется в виду не одно сражение, а междоусобные войны, которые начинал Олег, — ведь он и *крамолу мечемъ коваше* (см.: Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 70). Эту земледельческую метафору автор продолжает развивать, вспоминая смуты времени Олега Гориславича: *Тогда при Олзѣ Гориславличи съяшется и растяшетъ усобицами...* Метафора переходит в описание реальной запустевшей пашни: *Тогда по Рускои земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани гряхуть, трупиа себѣ дѣляче...* Снова место битвы с половцами «поле незнаемо» предстает в метафорическом образе пашни: *Чрѣна земля подѣ копыты, костью была посѣяна, а кровию полъяна; туюю взыдоша по Рускои земли!* Еще раз автор вернется к этой земледельческой метафоре, вспоминая времена Всеслава Полоцкого, битву на Немиге 1067 г.: *На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ цепи харалужными, на тоуѣ животѣ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костью Рускихъ сыновѣ.* В первых трех эпизодах «Слова» земледельческая метафора представлена лишь образом сеяния и всхода посева. В воспоминаниях о битве на Немиге появляется образ битвы — смерти — жатвы (см. об этом ниже, стр. 162). Для литературы XI—XII вв. употребление глагола «сеять» в переносном значении было хорошо знакомо. Корни образа «сеяния» в таком понимании можно обнаружить еще в вет-

хозаветных книгах, полное развитие он получил в евангельских притчах, отсюда перешел в византийское и русское учительное и торжественное ораторство и гимнографию. Здесь широко представлены сочетания глагола «сеять» с отвлеченными понятиями. В Изборнике Святослава 1073 г. находим немало примеров применения этой метафоры: «... яко же бо и ратаи сее не на просте тьчию земли, нъ на добре, да ему плод створи, тако же лепо есть сеяти добро створение благоверьныя и духовьныя, да суштее тех доброплодьемъ мольбами получиши» (л. 90 об.); «еже бо сееть человек, то же и пожьнетъ, яко сеяи в тело свое от плъти, пожьнетъ тълую, сеяли же в дух от духа, пожьнетъ жизнь вечную» (л. 55 об.—56); «аште бы греха не въсеял, то не бы в дому его търние и вълчець въздрасл» (л. 69). В Изборнике Святослава 1076 г. также образ сеяния встречается нередко в сочетании и с положительными и с отрицательными понятиями: «Зълыя мысли выметаи, а добрыя сеи» (л. 66 об.); «не сеи на браздах неправды и не пожьнеши их седмерицею» (л. 141); «сеяи с благословлениемъ, и с благословлениемъ пожьнетъ жизнь вечную» (л. 275 об.) и т. д. Метафорический образ сеяния-жатвы вошел в торжественную стилистику похвал Владимиру I Святославичу и Ярославу Мудрому — в первой этот образ отнесен к распространению христианства на Руси, во второй — к насаждению книжной культуры. В похвале Владимиру в переносном значении истолкованы все главные виды земледельческого труда: «... истерзав лестное терние... взорав крещеньем Русскую землю... насыявы святыми книгами, от них же жнють Русьстии сынове...» (Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, стр. 16). Ярослав представлен «пожинающим» то, что его отец «насеял» (Лавр. лет., 1037 г.). Кирилл Туровский в «Слове» «на новую неделю» широко использует образы труда «ратаев». — *растяшетъ* соединяется с отвлеченным понятием в языке Флавия: иудейская ненависть «растяше всюде» (стр. 438); «страсть растяше» (Флавий, стр. 397). Наличие указанных литературных параллелей указывает, что даже в том случае, если в народной поэзии XI в. уже был создан образ битвы-жатвы, автор «Слова» был знаком с метафорическим истолкованием всего круга земледельческих работ и в литературе. Широко развивая метафоры этого типа, он не отрывался, следовательно, от общей стилистической традиции своего времени. Если в народной поэзии только поле битвы сопоставлено с «пашней», то в «Слове» *усобицами* засеяна вся Русская земля, и гибнут на этой обширной «пашне» не только сражающиеся, но и вся жизнь *Даждь-Божа внука* — имущество мирных жителей, которым и «вещи скратишась».

Ступаетъ въ златъ стремянъ въ градъ Тъмотороканъ — см. выше, стр. 74—75.

Тои же звонъ слыша давнии великыи Ярославъ — «ростовци и суждальци давнии» (Лавр. лет., 1176), «давних людий» (Дого-

ворная грамота 1301—1302 г.: Срезневский, I, 623). — *великий Ярославь*. — Здесь и далее (*Святославъ грозный великий... великий Святъславъ*) *великий* — эпитет прославляющий сочетается прямо с именем князя в отличие от эпитета этикетного «великий князь»: «Болеслав Великий» (Пов. врем. лет, 1030 г.: Словарь, I, 100), «Святослав великий Всеволодицъ» (Новг. I лет., 1180 г.: там же). В словах *звонъ слыша* автор, очевидно, имеет в виду и реальный звон оружия собирающегося в поход в Тьмуторокани Олега, и слухи об этом походе. Таким образом, стилистически этот оборот может быть сопоставлен с выражением в переводе Флавия: «И еще бо звенять прегрешения наша в ушию всех; мною же, яко и по нас будетъ се звонъ» (стр. 459). И здесь имеется в виду «звон» — слух о «прегрешениях» жителей Иерусалима, о которых напоминает им в своей речи Елеазар.

Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговъ — так лаконично пояснил автор, что Владимир Мономах не хотел верить «звону» готовившейся против Чернигова «крамолы» Олега Святославича. Параллель к выражению *уши закладаше* имеем у Флавия: Иосиф увещевает иудеев, а они «заградивше уши отчаанием» (стр. 309), воины римские «гневом затвориша уши» (стр. 417). В учительной литературе находим близкие словосочетания: «Затваряяи уши свои яко же не слышати ништааго» (Изборник Святослава 1073 г., л. 84). В той же цитате в Пандектах Антioxа XI в. употреблен синоним: «Затыкаетъ уши свои» (Срезневский, I, 954). Таким образом, *закладаше уши* в «Слове» — еще один пример синонимического выражения с тем же значением. — *по вся утра*. — Сочетание предлога «по» с винит. пад. для обозначения повторения действия в определенное время известно с XI в. — в Остром. ев.: «по вся лета», «по вся дъни», и в русских памятниках с того же времени (примеры: Срезневский, II, 982).

Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе. — Отчество Вячеславлича ср.: «Михалко Вячеславичъ» (Лавр. лет., 1129 г.), «Косту Вячеславича» (Новг. I лет., 1236 г.: Словарь, I, стр. 153). — Здесь *судъ* обозначает смерть — в Поучении Владимира Мономаха: «Братцю моему суд пришел»; там же автор добавляет: «Суд от бога ему пришел»; то же значение в переводной литературе: «последний сий судом постижен бысть», «аще же кто шед противу саму, судом падеть» (Флавий, стр. 403, 410). Автор «Слова» укоризненно замечает, что на смерть обрекла князя его *слава*, т. е. похвальба: вопреки предупреждению своего союзника Олега Святославича он пошел против четырех князей. Лавр. лет., рассказывая об этом, прямо связывает смерть Бориса с этой похвальбой — «первое убиша Бориса, сына Вячеслава, похвалившегося велми» (1078 г.). В том же значении «похвальба, хвастовство» слово «слава» употреблено в летописном рассказе 1249 г. в Галицк. лет.: «Богу же не услышавшу славы его, приде

на(нь) Данило» (речь идет о том, как «Филя» хвалился: «Русь тщиви суть на брань, да стерпим устремления их, не стерпими бо суть на долго время на сечю». «Гордый Филя» был разгромлен войском Даниила).

и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя. — Убитый Борис представлен как герой народного эпоса лежащим на траве; хотя текст «Слова» в этом месте явно испорчен перепиской, но этот образ все же проступает сквозь него. Считать ли *Канину* названием ручья, или видеть в этом слове испорченное «ковылу», ясно одно: «зелена паполома» — это трава, на которую упал убитый князь, он лег на нее как на разостланное покрывало. Сочетание *постла* с винит. пад. известно с XI в.: «Мъножайше же народи постылаша ризы своя на пути» (Остром. ев.: Срезневский, II, 1271); «сверзи ковер ли, что ли, что постылати или чим прекрвити господина нашего» (Ипат. лет., 1175 г.) — «паполома» — «простерше паполому на одре, положить и» (Новг. Кормчая 1280 г.). В Лавр. лет. под 1152 г. говорится, что Юрий Долгорукий с союзниками «пойдоша к Чернигову и перешедше Снов и стаха у Гуричева близь города, перешедше Канин». По мнению К. В. Кудряшова, с Канином «Слова» можно отождествить небольшую речку, впадающую в Десну в 2 километрах восточнее Чернигова (К. В. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1948, стр. 78); под Черниговом же находилась и Нежатина Нива — место сражения 1078 г. О названии Канина (Канин) см. также: Словарь, 2, стр. 176—178. Не вполне ясно, что разумеет здесь автор «Слова» под «обидой Олговой»: то ли, что Борис вместе с Олегом пошли против Всеволода Ярославича Черниговского за то, что он в 1077 г. вывел Олега из Владимира Волынского, или то, что Борис отклонил желание Олега помириться с дядьями («стрыема») и самовольно начал битву.

Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ полелѣя (испр. из *повелѣя*) *отца своего между Угорьскими иноходьцы ко святѣи Софии къ Киеву.* — *Каялы.* — А. И. Попов в статье «„Каяла“ и „Канина“ в „Слове о полку Игореве“» (Русская литература, 1967, стр. 217—218) убедительно предлагает в данном эпизоде читать «съ тоя же Канины» вместо «Каялы»: «Слово „Каялы“ ошибочно, оно внесено при переписке (вероятнее всего — при последней) вместо „Канины“, по-видимому вследствие плохого состояния оригинала рукописи и под добавочным влиянием повторных упоминаний Каялы в других местах памятника, тогда как „на Канину“ было принято за какое-то имя нарицательное. . . Именно поэтому в первом издании „Слова“ написано „канину“, а не Канину». Добавим, что предлагаемая А. И. Поповым замена объясняет и конструкцию второй из двух рядом стоящих фраз: «. . . на Канину зелену паполому постла. . . Съ тоя же Канины. . .». — *полелѣя* — см. выше, стр. 66. — *между Угорьскими иноходьцы.* — В Троицком сборнике XII в. в «Слове о богатом и Лазаре» находим параллель

к этому редкому слову: «Кони его тучьни иноходи» (Срезневский, III, 1042). Форма «иноходьць» относится к типу словообразования, пример которого в XI в. дает переводчик Амартола: «иноядьць» (Срезневский, I, 1107). Еще в конце XV в. в деловом языке употреблялись наравне обе формы — «иноход» и «иноходец»: «И Хозюк его встретил . . . да явил ему от великого князя жеребец иноход» (документ от 16 июля 1490 г. — Памятники дипломатических сношений с державами иностранными, т. I. Дипломатические сношения с империей Римской. СПб., 1851, стр. 25); «оного году Мергумом зовут, молодца своего, гнед иноходец в черкасском седле послал есми» (Документ от января 1493 г. — Сборник Русского исторического общества, т. XLI, Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. СПб., 1884, стр. 180). — Сообщение о том, что Изяслав был похоронен в Киевской Софии, подтверждается текстом Софийской первой летописи (наблюдение Ив. М. Кудрявцева).

Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами. — Прозвище Олега — «Гориславлич» (вместо «Святославич») имеет аналогию в летописи: в Новг. I лет. под 1229 г. «Богуслав Гориславиц», под 1232 г. «Вячеслав Гориславиц», под 1240 г. «Гаврила Гориславиц» (Словарь, 1, стр. 169). Ср. также игру словами: «Кому ти есть Переславль, а мне Гореславль» (Даниил Заточник, стр. 61). — *сѣяшется. . . растяшеть* — см. выше, стр. 101—102. — *усобицами* — слова «крамолы» и «усобицы» нередко стоят рядом в русском переводе Хроники Георгия Амартола: «Крамолы же часты и усобица по всем градом» (см. примеры: Срезневский, III, 1269).

погибашеть жизнь Даждь-Божа внука. — *жизнь* в значении «имущество» в летописи XII в. постоянно встречается, особенно в рассказах о княжеских усобицах, причем иногда и в сочетании с глаголом «погубить»: «Брата моя, се еста землю мою повоевали, и стада моя и брата моего заяли, жита пожьгли и всю жизнь погубила еста» (Ипат. лет., 1146 г. Другие примеры см.: Срезневский, I, 873; II, 1025 с глаголом «погубити»). В этом же значении слово перешло и в цитату в записи на псковском Апостоле 1307 г.: «Гыняше жизнь наша», и лишь затем грустно сообщается, что «веди скоротитася человеком», т. е. «жизнь» и здесь в значении «имущество». При наличии сочетания «погубити жизнь» закономерно и близкое к нему «жизнь погибашеть». — *Даждь-Божа внука* имеет параллель в «Слове» в обращении к певцу Бояна — *Велесовь внуке*. Само имя «Даждьбог» летописец под 1114 г. повторил в выписке из Хроники Малалы, рассказывающей о верованиях египтян: египтяне чтили сына Сварога «именем Солнце, его же наричють Даждьбог» — так пояснила глосса в тексте Хроники языческим именем бога солнца византийский

текст, явно рассчитывая, что читатели XII в. хорошо помнят это имя. «Дажьбог» назван в Пов. врем. лет в числе идолов, поставленных Владимиром I: «... и Хорьса, и Дажьбога, и Стрибога» (все три имени встречаем в «Слове»). Для автора «Слова» Дажьбог — далекий предок русского народа, так же как «Велес» — родоначальник певца Бояна. Еще в XIV в. существовало «мирское» имя «Дажбог»: в 1394 г. жалованная грамота короля Ягайла удостоверяет, что его «верный слуга Данило Дажбогович Задеревецкий землянин нашей земли Руское» получает села «на ряд» в Галицкой и Зудечевской волостях (Вол. Розов. Українські грамоти, т. I. У Києві, 1928, стр. 53—54).

въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась. — *въ княжихъ крамолахъ* — «погуби жизнь в метежих и в ратех» (Александрія, стр. 120). — *Здесь вѣци* — длительность жизни человека, а не какое-либо определенное количество лет; такое значение сохранила и запись 1307 г. на псковском Апостоле, заменившая лишь книжно-славянскую форму глагола русской: «скоротишася». Ср.: «Век бо речеться и когождо человека житѣе» (Иоанн экзарх Болгарский: Срезневский, I, 484); «уже бо мало нашего живота и века» (Кирилл Туровский: там же). В византийской части русского Хронографа XV в., которая восходит к старым источникам, также «век» употребляется в этом значении: «Долгие веки человеком отсекошася» (Барсов, I, стр. 259). — К сочетанию *вѣци... скратишась* параллель дает Изборник Святослава 1073 г.: «жизнь съкратиши» (л. 60).

Тогда (при Олеге Гориславличе) по Рускои земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть: хотять полетѣти на уедие. — Эта трагическая картина, напоминающая о том, что *ратаевѣ* уже не пашут — на их трупы слетаются птицы, создана средствами лексики, параллели к которой (кроме глагола *кикахуть*) находим в литературе XI—XII вв. — *ратаевѣ* — название пахаря известно, как и слово *рѣтко* (в значении «нечасто») в русских и в переводных памятниках с XI в. (примеры: Срезневский, III, 104, 216). — *врани граяхуть* (ср. в сне Святослава *врани възграяху*) — «вранам летящем... грающем зело», «что грають враны» (Житие Афанасия Александрийского XII в.: Словарь, I, стр. 177). К этому названию крика воронов близок глагол «грачати»: в Изборнике Святослава 1073 г. находим форму «грачюшти»; в переводе Амартола: «Что грачют вороны... вороны гласят: кра, кра» (Срезневский, I, 578). Собирательная форма *трупие* обычна в литературе XI—XII вв. — Глагол «делити» в соответствующем выражению «Слова» сочетании находим у Кирилла Туровского: «Бывает делим мои бедныи укрук с питающими мя» (примеры: Срезневский, I, 786). Птицы, поедающие трупы, — картина, имеющая аналогю в Апокалипсисе: «... и прочии убиени быша... и вся птица насытишася от плоти их» (цит. по кн.: Перетц.

К изучению, стр. 72). — Своеобразная форма *уедие* связана, с одной стороны, с глаголом «уедати», с другой — с широким распространением форм на «ие», параллельных формам на «ь». С XV в. известно слово «ѣдь» (вариант «ядь») в значениях «пища» и «трапеза». Последнее значение соответствует смыслу слова «уедие»: «Съходяшесе на ѣдь, друг друга жидете» (Апостол в списке 1220 г.), а в Патерике Синайском XI в. другая форма в том же значении: «зъваше на ядь» (Срезневский, III, 1620, 1642). Как видим, в обоих примерах название трапезы соединяется с глаголом предлогом «на». Параллельно «ѣдь» памятники дают форму «изъедь»: «... пометаше... псом на изъедь» (Лавр. лет., 1283 г.); «быти на изедь всем» (Григ. Назианзин XI в.: Срезневский, I, 1085). Параллельно ряду — «ѣдь», «ядь», «уедие» — имеем не только «обед» в значении «трапеза», но и «обедие»: «На обедье духовное събрав» (Обиход церк. XIII в.: Срезневский, II, 585). Особенно часты формы на «ие» при обычных на «ь», «ь» с приставкой «у» — в Остром. ев.: «съмърть — умъртвие», в Шестодневе: «днь — уднье», ср. «укорм — укормие», «ужас — ужасие», и т. д. (другие примеры: Срезневский, III, 1157, 1187—1188, 1222 и др.). На этом фоне форма *уедие* представляется закономерной именно для старшего периода русского литературного языка. К последней части этой картины параллель дает книга Иеремии: «Дам я врагом их и будут трупы их ядь птицам небесным и зверем земельным» (цит. по кн.: Перетц, стр. 301). — *кикахуть* (*гряхуть... говоряхуть... одсвахуть... сыпахуть*) — примеры на такие формы с «надставочным» «ть» или «ти» (см. выше, стр. 48) имеем в житии Феодосия Печерского в Успенск. сб. XII в., хотя преобладают, как и в 3-м л. ед. ч., формы без «ть»: «моляхуться богу» (стр. 53); «в ограде копахуть... творяхуть... любляхути... яко отца имяхути и» (стр. 55); «покланяхуться ему» (стр. 65); «являхути ми ся... влачахути и... творяхути ему» (стр. 66); «сице же паки... съповедахути и творяща» (стр. 68); «кыпахути святырь духьмь» (стр. 90); «видяхути» (стр. 91) и т. д.

То было въ ты рати и въ ты плъкы. — Параллель к такому обороту дает сочетание с предлогом «в»: «в рати убиеть, иже ся сърящеть с нимь в рати» (Сказание Ипполита об антихристе, см. примеры: Срезневский, III, 107). Одновременно есть и сочетание «на рати» (примеры: там же). То же сочетание с предлогом «в» слова «полк»: «Муж умрл в полку» (Поучение Владимира Мономаха); «голови имали в полку» (Грамота 1318 г.: Срезневский, II, 1749).

а сицеи рати не слышано. — Тем же оборотом Пов. врем. лет выразила необычность «зла», причиненного Русской земле нашествием саранчи: «Не бе сего слышано во днех первых в земле Руской» (Ипат. лет., 1094 г.). Слово «рать» в значении «битва» известно и в русской и в переводной литературе с XI в.

Съ зараниа до вечера, съ вечера до свѣта. — *Съ зараниа* — см. выше, стр. 81—82. — *до вечера, съ вечера до свѣта* — «с вечера до заутрѣя» (Лавр. лет., 1064 г.); «не вем, аще постигну до вечера» (Патерик Печерский: Словарь, 1, стр. 113); «и бишася наченъше с заутра и до вечера» (Ипат. лет., 1147 г.); «и бишася от полудне до вечера» (там же, 1153 г.); «аще ли до света держать» (Русская Правда: Срезневский, I, 670); «до света победиша Святопѣлка» (Новг. I лет., 1016 г.); «переправи полкы своя до света» (Ипат. лет., 1150 г.); «перешедше реку до света» (там же, 1274 г.).

летягъ стрѣлы каленя. — Сочетание *летягъ стрѣлы* находим в апокрифе о Иеремии — Варух приказывает орлу: «... не уклонися ни на десно, ни на шюе, нъ, яко же стрела права летящи», лети к Иеремии (Успенск. сб. XII в., стр. 5). — *Каленя* — см. выше, стр. 94.

grimлюгъ сабли о шеломи. — *grimлюгъ* — см. выше, стр. 94.

трещатъ копиа харалужныя. — От корня «треск» Срезневский указывает лишь в памятнике XII в. существительное «трескание» (Кирилл Иерусалимский: III, 1027). Глагол «треснути» в «Слове» в значении «загнеть» имеем в выражении — *тѣми тресну земля*. Ср. в применении к грому: «Тресну гром велми» (Псковск. I лет., 1470 г.: Срезневский, III, 1028). — *копиа харалужныя* — см. выше, стр. 94. Описания битв, перечисляющие действие разного рода оружия — стрел, копий, мечей, щитов, камней — в русской и переводной литературе XI—XIII вв., собраны в монографии В. Н. Перетца (Перетц, стр. 211—213).

въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи (среди земли Рускыи). — *въ полѣ незнаемѣ* — см. выше, стр. 76. (*земли незнаемѣ*). — *среди* — «среди града» (Толковые пророки 1047 г.: Срезневский, III, 484), «среди моря» (Житие Феодосия Печерского: там же).

Чръна земля подъ копыты, костью была посѣяна, а кровию поляна, туюю въздоша по Рускои земли. — Сказуемое *чръна* (иногда оно рассматривается как определение) относится к цвету земли (Срезневский отмечает лишь терминологические сочетания — «черная», т. е. не тягловая земля, с XV в., «чернии люди, черный бор» — III, 1562—1563). — *копыты* — в Новг. I лет., под 1092 г.: «конем копыта видети» (Срезневский, I, 1282). — *посѣяна* — Срезневский дает пример до XVI в. лишь на глагол «посевати»: «Попеломъ теличьным посеваюшти» (Григорий Назианзин XI в.: Срезневский, II, 1282). О символическом значении образа сеяния см. выше, стр. 100—101. — *кровию поляна* — «наша вселенная... бечисленными поляна неизглаголемые цеща премудрости» (Шестоднев, л. 61). — *туюю въздоша по Рускои земли.* — Старший пример на слово «туга» дает Изборник Святослава 1076 г.: «... не слави ся в время тугы» (л. 146 об.); ср. в летописном рассказе Новг. I лет. под 1128 г. о голоде: «Люте бяше... туга, беда на всех» (Срезневский, III, 1031). — *взы-*

доша — Срезневский указывает примеры на «възйти» с XI в., но с другим оттенком значения (I, 359). — по Руской земли — «дал есмь ты суды... по Русьской земли» (Церковный устав Владимира: Срезневский, II, 979).

Что ми шумить, что ми звенить давеча (м. б., далече?) рано предъ зорями? — Примеры на вопросительное местоимение что известны с XI в.: «Чьто сътвори тебе» (Остром. ев.: Срезневский, III, 1575); «что ради губиве дружину?» (Пов. врем. лет, 1022 г.). — ми — эта архаическая форма (см.: Обнорский. Очерки, стр. 157) применена в «Слове» трижды и лишь один раз в плаче Ярославны — *мнѣ*. В Изборнике Святослава 1076 г., как в «Слове», употребляются обе формы дат. пад. — «ми» и «мьне»: «Срам ми есть» (л. 31); «зело ми мързить живот их» (л. 84 об.); «се же ми помьните присно да о гресех тьчю болим» (л. 87 об.) и т. д. С. П. Обнорский (Очерки, стр. 157) отмечает, что «Слово» предпочитает употреблять личные местоимения в их «архаической» форме (ми, ти, ны), прибегая к формам «вторичного образования» (мне, тебе, нам) «в особых стилистических условиях (при сопоставлении или противопоставлении их иному объекту, при нарочитой их ударяемости во фразе, при сочетании их с предлогами и др.)». Аналогичные обороты имеем в Изборнике Святослава 1073 г.: «... да тако ми разумевай» (л. 8); «съмотри ми Далиды како своего мужа остригъши» (л. 173) и в Изборнике Святослава 1076 г.: «... тако ми чьса беды сия» (л. 213). — шумить — «глаголетъ убо дьбри горьская, яко в тех воды шюмяща» (Псалтырь толковая XI в.: Срезневский, III, 1600). — звенить — «медь звьняшти» (Пандекты Антиоха XI в.); «бысть грозен глас их... аки труба звенящи» (Псковск. I лет., 1265 г.: Срезневский, I, 963). — давеча — «даве скочил» (Патерик Печерский); «глаголють его жива от ангела даве слышавше» (Кирилл Туровский: Срезневский, I, 623). При наличии с XI в. формы «далече» (Срезневский, I, 625) возможно и образование «давеча». — рано — см. выше, стр. 88. — предъ зорями — «трясета земля пред зорями в нощи» (Радз. лет., 1107 г.); «посемь пред зорями друзи придоша жене» (Кирилл Туровский: Срезневский, I, 997); «отпешви заутреню пред зорями» (Ипат. лет., 1074 г.).

Игорь плъкы заворочаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода. — По летописному рассказу, с голя боя «побегоша» коуи, а Игорь попытался безуспешно «возворотити» их, а Всеволод в это время «толма бившеса, яко и оружья в руку его не доста». Летопись, говоря о том, что полки поворачивают в другую сторону, пользуется глаголами того же корня, что и «Слово», но с иными приставками: «оборотити», «наворотити» или «поворотити». Однако в «Слове» не случайно употреблена приставка «за»: коуи уже бежали в обратную сторону с поля битвы и их надо было снова «завернуть» туда. Этого оттенка нет в летописных выражениях: «оборотячеса полкы своими» (Ипат. лет., 1151 г.);

«наворотися дружина Данилова на бег» (там же, 1233 г.); «повороти коня своего с дружиною своею от строя своего» (Переясл. лет., 1154 г.). Потому и летописный рассказ о походе Игоря в данном эпизоде предпочел не эти формы, а глагол «возворотити». Формы с приставками «об» и «по» представлены единичными примерами из летописи. Таким образом, и не имеющую параллелей в текстах XI—XIII вв. форму *заворочаетъ* нет основания расценивать как сомнительную для памятника XII в., тем более что вообще слов, образованных в языке того времени с помощью приставки «за», отмечено очень много (см.: Срезневский, I, 894—961). — *жаль бо ему мила брата Всеволода* — параллель дает Ипат. лет. под 1148 г., где речь идет об убийстве князя Игоря Ольговича: «Жаль бо ны есть брата своего Игоря». Ср.: «Нами жаль отня стола» (Лавр. лет., 1069 г.); «жаль ми своея отцины» (Новг. I лет.: Срезневский, I, 845).

Бишася день, бишася другыи, третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы — у Флавия: «до пятого дъне бишася» (стр. 300); «бишася от утра и до вечера» (стр. 349). Ипат. лет.: «И тако бишася крепко ту дънину до вечера» (1185 г., в рассказе о походе Игоря Святославича); «и бишася 3 дъни и побезени быша наши» (Лавр. лет., 1186 г.). — *къ полудню* — «полудне» (Амфилохий, I, стр. 364). — *падоша стязи Игоревы*. — Упавший стяг — символ поражения (см. выше, стр. 82). Подробнее о символическом значении «стяга» см.: Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 71—73): «Мьстиславичи же не доехавше повергоша стяг» (Ипат. лет., 1177 г.). По определению Д. С. Лихачева, в «Слове» это выражение — «военный термин... употребленный в поэтическом контексте и... обновивший лежащий в его основе образ» (Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 72). Автор «Слова» предпочел нейтральный глагол *падоша* обычному в летописи сочетанию «повергоша стяг» (Ипат. лет., 1177 г.), которое вызывает представление о «повергшем» его противнике.

ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрои Каялы. — Глагол «разлучиться» в летописном языке иногда обозначает «разойтись на поле боя»: «Начаша сечи и разлучишася друг от друга (князья)» (Ипат. лет., 1146 г.). Вариант этого значения имеем в «Слове». В приведенных Срезневским примерах, где значение слова «разлучатися» — «отойти, отлучиться или расстаться», за глаголом всегда следует предлог «от», и только в «Слове» имеем беспредложную конструкцию. Так, в летописи говорится, что князья «разлучишася друг от друга», и житие Феодосия разъясняет: «... не имаве разлучитися от себе» (Срезневский, III, 45—46). Об отделении препозитивного *ся* см. выше, стр. 90. — *на брезѣ* — предлог «на» с местн. пад. в примерах с XI в. (Срезневский, II, 264). — *быстрои Каялы* — «струями быстрыми в дъве реце течением расходитися» (Изборник Святослава 1073 г.:

Срезневский, I, 204); «виде реку... великими струями быстру» (Флавий, стр. 443). — *Каялы* — см. выше, стр. 90, 91.

ту кроваваго вина не доста; ту пирь докончаша храбрии Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. — Образ битвы-пира, восходящий к народно-поэтической традиции, был уже в XI в. использован Новгородской летописью при создании диалога между Ярославом Владимировичем и «мужем» Святополка. Этот диалог, переданный отроком Ярослава накануне битвы со Святополком, состоит из загадок, в которых подготовка к предстоящему бою скрыта под видом приготовления к пиру. Отрок спрашивает: «„Что ты тому велиши творити? Меду мало варено, а дружины много“. И рече ему мужь ть: „Рчи тако Ярославу: даче меду мало, а дружины много, да к вечеру вьдати“. И разуме Ярослав, яко в ношь велить сецися» (Новг. I лет. под 1016 г.). Таким образом, автор «Слова» не первый ввел образ битвы-пира в исторический рассказ. Напомню, что в XIII в. повесть о Евпатии Коловрате, связанная с эпическими песнями, также содержит этот образ в ироническом ответе русских пленных Батыю: «... да не подиви, царю, не успевати наливати чашу на великую силу-рать татарьскую». Отклик этого образа «чаши» представляет замечание, что во время сечи «татарове же сташа яко пьяни» (Д. С. Лихачев. Повесть о Николе Заразском. — ТОДРА, т. VII. 1949, стр. 293, 294). Автор «Слова» по-своему разработал традиционный уже в его время образ битвы-пира. *Ту кроваваго вина не доста* — такой метафорой он передал горечь поражения, мысль о том, что у русских в бою не хватало сил. Вспомним, как деловито конкретно о том же повествует Ипат. лет.: «Всеволод же толма бившеся, яко и оружья в руку его не доста». Кровавое вино «Слова» — это тоже «оружье», им лишь попоиша, т. е. напоили, допьяна половцев, а *сами полегоша* — убиты. Вряд ли следует наименование половцев «сватами» связывать с тем, что Кончак ко времени возвращения Игоря из плена уже был его «сватом» (в плену Владимир Игоревич женился на Кончаковне). Д. С. Лихачев, перечислив ряд случаев, когда половчанки становились женами русских князей (начиная с Олега «Гориславича»), считает, что автор «Слова» имел право с горьким чувством назвать врагов Руси — половцев «сватами» (Истор. и полит. кругозор, стр. 44). В данном случае «сваты» появились как часть народно-поэтической метафоры, сближающей битву со свадебным пиром. В переводе Флавия эта метафора отозвалась в сравнении: «...аки на свадьбу течаху, а не на рать» (стр. 389). — *ту* — о конструкции с повторяющимся начальным «ту» см. выше, стр. 90. — *вина не доста* — «недоставшу вину» (Остром. ев.: Срезневский, I, 712); «пища ... не доста им», «аще ... не достанет брашна» (Флавий, стр. 437, 457). — *попоиша* — из тридцати девяти глаголов «Слова», образованных с помощью приставки «по», лишь три — «потрепати», «потруча-

тися», «попоиша» — не подтверждаются другими памятниками, причем только «потручатися» неизвестно в других однокоренных глагольных формах (но есть существительное «труск» — «треск»), «трепати» и «пойти» без приставки встречаются в других памятниках старшего периода. К слову *попоиша* близкое по смыслу образование дает Ипат. лет. под 1195 г.: «И ту попишася у него вси Чернии Кло(бу)ци, и одарив их дарми многими, и отпусти их». Срезневский переводит глагол «попитися» — «напитися», «упитися» (допьяна: Срезневский, II, 1192). Как видим, в «Слове» *попоиша* имеет то же значение — напоили допьяна. Обе формы, очевидно, возникли в живой речи с одним и тем же оттенком значения.

Следует отметить, что более или менее индивидуальные образования глаголов с приставкой «по» встречаются в памятниках старшего периода. Так, русскому переводчику Хроники Георгия Амартола эта приставка помогала, очевидно, передавать оттенки значения греческих слов его оригинала. Он употребляет, например, незнакомые по другим памятникам слова: «поголотитися», «пожизнити», «полыгати», «попахати», «попретити», «посуждатися», «похульствовати». В переводе Малалы — «поповедают» (кн. 4, стр. 9). В Ипат. лет. есть не повторяющийся нигде глагол «побадыватися копыи» (1281 г.). Здесь же ряд случаев употребления глагола «попередити» (1263, 1277, 1283 гг.). У Серапиона Владимирского читаем нигде больше не засвидетельствованный глагол «попроповедает». — *а сами полегоша за землю Рускую.* — Так и в переводе Флавия гибель римлян, врасплох застигнутых иудеями, названа тем же глаголом: «... ту быша полегли вси иссечени» (стр. 380).

Ничить трава жалощами. — Сходная концовка включает воспоминание о плаче матери утонувшего князя Ростислава: *Уныша цвѣты жалобою, и древо с тугою къ земли прѣклонилось.* — *Ничить трава.* — В отношении к склоняющемуся растению известна другая форма того же глагола — «никнути»: «Древо никнуше к земли» (Ветхий завет по списку XIV в.: Срезневский, II, 450). «Ничати» в примерах Срезневского обозначает склоняющегося человека (II, 454). — *жалощами.* — Л. А. Булаховский указал (Слово, стр. 142—143), что в языке старшего периода, как и в «Слове», формы на «-оши» употреблялись только как творит. пад. причины, что эти формы в языке XI—XIV вв. близки к наречиям, тогда как в украинском языке нового времени образования на «-оши» получили широкое развитие и употребляются во всех падежах. Закономерность для XII в. формы «жалощами» подтверждается наличием форм «радощами» в Остром. ев., у Кирилла Туровского, в переводе Флавия; «ленощами» — в Поучении Владимира Мономаха и «ревнощами» — в Палее и Измарагде. Характерно, что список XVI в. Русской Правды уже меняет «пакощами» на «пакости».

а древо с тугою къ земли преклонилось. — Образ склоненного в знак печали дерева имеет параллель в тексте библейской части русского перевода Хроники Амартола, где читаем, как в знак уважения, при виде Марии с Христом и Иосифом «на землю преклонися древо и поклонися» (стр. 455); в Изборнике Святослава 1076 г. — «ветвие преклонило ся бе до земля» (Срезневский, II, 1654). — К обороту с *тугою* предложена поправка — *тугою ся преклонило*, где выдержана параллельная предыдущей конструкция с творительным беспредложным (см. о поправках: Перетц, стр. 217).

Уже бо, братие, невеселая година вѣстала. — Слово *година* в значении «время» широко известно уже с XI в., в летописи лишь с уточняющими определениями — «последняя», «прежняя», «зимняя», а в учительной литературе с определениями качества — «гладное время» у Феодосия Печерского, «печально» (у Иоанна ексарха) и т. д. (примеры: Срезневский, I, 319—320). — *невеселая* — без отрицания «веселый» в примерах с XI в. (Срезневский, I, 246—247). — Сочетание глагола «вѣстати» с существительным отвлеченным знакомо было и по хорошо известному книжнику XI—XII вв. тексту Псалтыри, где в псалме 56-м были такие строки: «Вѣстани слава моя, встани псалтыри и гусли» (Срезневский, I, 421; так этот псалом процитировал позднее Даниил Заточник). И в Пов. врем. лет есть подобное сочетание. Владимир Мономах, рассказывая об ослеплении Василька, предостерегает князей от нарушней крестоцелования: «... больше зло встанеть в нас» (Ипат. лет., 1097 г.); «бодрота воинская вѣстаеть болма упованиемь, и словом, и повелениемь, и поменениемь дар» (Флавий, стр. 399); «в сих печали всташа и недужи ему (Всеволоду)» (Лавр. лет., 1093 г.).

Уже пустыни силу прикрыла. — Срезневский уточняет, что в данном тексте пустыней названа степь. Такое значение можно предполагать в летописном тексте: «Тюркмени, и печенези, и торци, и кумани, рекше половци, иже исходятъ от пустыне» (Лавр. лет., 1096 г.). Однако очевидно, что автор исходил из основного значения этого слова — «пустое место, необитаемая местность», в какую превращались и русские области, опустошенные войнами, набегами степняков. Примеры такого употребления слова *пустыни* находим в русской литературе с XI в. и именно в форме *пустыни*, а не «пустыня»: «Пустыни душу твою напоит разума» (Почтение митр. Илариона: Срезневский, II, 1733), «пустыни звери питаеть» (Кирилл Туровский: там же). В Пов. врем. лет так обозначена малозаселенная местность — «между Ляхы и Чехы», куда бежал Святополк Окаянный: «Гоним божьим гневом прибежа в пустыню» (1019 г.: Срезневский, II, 1733). — *силу* — уже с начала XII в. в летописном языке это слово обозначало «войско», «воинство»: «Придоша к нему послы ис половець... рекуче... коли ны велишь к собе со силою прити?»

(Ипат. лет., 1147 г.); «приде ему Ростислав и с всеми рускими силами полкы» (Ипат. лет., 1148; другие примеры см.: Срезневский, III, 350). — В значении «скрыть, закрыть» глагол «прикрыти» в «Слове» применен еще раз также по отношению к войску: во время затмения солнца Игорь *видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты*. Аналогичный оборот в библейском языке: «Вода покры... всю силу Фараонову» (Паремийник, цит. по кн.: Перетц², стр. 294).

Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука — «въста обида на смущение и розбой на братолюбие» (Пролог, цит. по кн.: А. В. Лонгинов. Историческое исследование сказания о походе северского князя Игоря Святославича на Половцев. Одесса, 1892, стр. 142, прим. 2). — *въ силахъ Дажь-Божа внука*. — Множ. ч. *въ силахъ* — «в войске» постоянно в старшем тексте Псалтыри (см.: Амфилохий, I, стр. 288; II, стр. 261 и др.), причем в списке XVII в. дан перевод — «во войске нашем» или «в полках наших» (там же, I, стр. 288). Ср.: Александр «поим вся силы своя» (Александрия, стр. 68), в летописи: «...прихаша... всеми своими силами», «придоша все силы» (Ипат. лет., 1150, 1174 гг.). — *Дажь-Божа внука* — см. выше, стр. 104.

вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону, плещучи, убуди жирня времена. — *Вступила... на* — «вступиша на лед» (Лавр. лет., 1016 г.); «вступающааго на землю брата своего» (Изборник Святослава 1073 г.: Срезневский, I, 425); «на места блаженных... не можеши вступить» (Александрия, стр. 79). — *всплескала... плещучи* — оба глагола в примерах, приведенных Срезневским (I, 414; II, 961—962), имеют с XI в. значение «радостно рукоплескать»: «радуящися плещуще» (Амартол, стр. 436). Как в «Слове», эти глаголы сочетаются с творит. пад.: «въсплещеть рукама своима» (Изборник Святослава 1076 г., л. 149 об.); «вси языци въсплещете руками» (Слово митр. Илариона: Словарь, I, стр. 135). В «Слове» лебединые крылья плещут, как руки, но плеск крыльев несет угрозу «обиды», а не радость, может быть — торжество одолевшей обиды. — *землю Трояню* — см. выше, стр. 60. — *на синѣмъ море* (ср. в плаче Ярославны: *на синѣ морѣ*) — «по синю морю гряды» (Шестоднев, л. 145 об.). — *убуди жирня времена* — убедительная поправка «упуди», т. е. прогнала времена обилия; без приставки глагол «пудити» имеет то же значение: «Падуться никим же не пудими» (Ветхий завет по списку XIV в.: Срезневский, II, 1723); «видел еси страже, како пудить враны и вороны» (Житие Андрея Юрод.: там же). С XI в. этот глагол известен и с приставкой «рас»: «Вълк... распудить овья» (Остром. ев.: Срезневский, III, 82); «стадо распудить» (Житие Феодосия: там же). — *жирня времена* — «мяккое и жировьное житие» (Пандекты Антиоха XI в.: Срезневский, I, 875). Очевидно, в «Слове» идет речь о времени, когда русский народ жил в достатке.

Дева-лебедь, Дева Обида, с лебедиными крыльями — образ, «свойственный многим старым литературам и в особенности фольклору. Так, лебединой оболочкой, крыльями или пернатыми сорочками обладали скандинавские валькирии, героини Эдды и Нибелунгов, югославянские вилы, девицы-оборотни немецких и русских сказок и былин». «Название Обида согласуется с теми собственными именами, какие приданы небесным воинственным девам в преданиях греков и германцев... Распря, Победа и пр.» (мнение Афанасьева: Поэтические воззрения славян, т. III. М., 1869, стр. 191, цит. по статье: А. С. Орлов. Дева-лебедь в Слове о полку Игореве. — ТОДРАЛ, т. III. 1963, стр. 36). О термине «обида» см. также выше, стр. 87.

Усобица княземъ на поганья погыбе. — В сочетании *усобица княземъ* имеем характерное для «Слова» употребление дат. пад. в функции принадлежности (Обнорский. Очерки, стр. 165) — ср. в Поучении Владимира Мономаха: «Стопы человеку исправятся», «и у Глебови чади пояхом дружину свою всю» (Обнорский. Очерки, стр. 57). В данном сочетании слово *усобица* применено не в обычном смысле — «междоусобие», а в значении «борьба против половцев» — она прекратилась из-за княжеских распрей. В таком значении в XI в. употреблялся глагол «погынуги», в том же сочетании — подлежащее и дополнение с предлогом «на»: «На грешники погине ярость его» (Амартол: Срезневский, II, 1029). Этот редкий оборот в более поздних, чем «Слово», памятниках не встречается. Возможность же в древнейший период такого сочетания подтверждается, видимо, выражением «рать на нечъстивых погыбель» (Григоровичев. Паремийник, цит. по кн.: Перетц, стр. 222). Во всех трех случаях подлежащее «рать, усобица, ярость» требует перед исполнением предлога «на», когда сказуемое выражено глаголами «погыбе, погине» или существительным «погыбель». — Форму *погыбе* дает Паремийник XIII в.: «... погыбе упование наше» (цит. по кн.: Перетц, стр. 222). Таким образом, отпадает необходимость исправления в этом месте текста «Слова» (перечень таких поправок см.: Перетц, стр. 222). Может быть, в старшем тексте «Слова» здесь читалось не «погыбе», а «погыне», но вся конструкция фразы в целом не вызывает сомнения.

рекоста бо братъ брату: се мое, а то мое же. — Картина раздоров из-за уделов, по мнению Д. С. Лихачева, нарисована с помощью «формулы раздела», всегда двучастной; в Ипат. лет. под 1146 г. приведен образец такой формулы: «Что же будет Игорева в то волости ... то мое, а что будетъ Святославле... то разделим на части». Можно напомнить и формулу заявки на украденную вещь в Русской Правде: среди рассказа о том, как должен вести себя обнаруживший у вора вещь, читаем такой совет: «... то не рьци „се мое“, но поиди на свод» (Е. Ф. Карский. Русская Правда по древнейшему списку. Л., 1930, стр. 34).

В «Слове» «формула», по мнению Д. С. Лихачева, «становится средством художественного воздействия» (Устные истоки, стр. 84). В языке учительной литературы вариант формулы «се мое» дает Изборник Святослава 1076 г.; проповедник обращается к богатому: «Не рѣци бо име(ни)ю своему — мое есть, нъ рѣци: поручено ми есть на мало дѣнии» (л. 16).

И начяша князи про малое «се великое» мѣвити, а сами на себѣ крамолу ковати. — Параллель к выражению *про малое «се великое» мѣвити* по содержанию представляет упрек князьям в «Слове о князях» XII в.: «Вы же до слова брату стерпети не можете, и за малу обиду вражду смертоносную въздвижете» (Х. Лопарев. Слово похвальное на перенесение Бориса и Глеба. СПб., 1894, стр. 15). — *крамолу ковати* — см. выше, стр. 100. Сопоставление понятий «малое» и «великое» встречаем и в переводной литературе. В Изборнике Святослава 1076 г.: «... доправи... мир к вьсем малым же и великим» (л. 7 об.); «о велице и о мале не разумеваи» (л. 136 об.); «не разгневах ся ни на кого же, ни мала, ни велика» (л. 109 об.); в переводе Флавия: «Да не малое не мало будеть, егда великим ся свершить» (стр. 264); «точна бо есть работа, еже о мале и о велице пещися» (Александрия: Словарь, 1, стр. 101).

а погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую (ср.: *а погании сами, побѣдами нарищуше на Рускую землю*). Во втором примере явно пропущен писцом предлог «с» — *съ побѣдами*. В обоих случаях «победа» обозначает «война», как с XI в. переводили греческое «полемон» и латинское «беллум»: в Патерике Синайском XI в. читаем: «Нача съмушатиися победою» (и в греческом и в латинском текстах соответствует «победою» — войною; Срезневский, II, 990). Этот же оттенок «повоевать, разорить» имеет глагол «победить» в Новг. I лет., где под 1063 г. читаем: «Придоша половци и победиша Русьскую землю».

О, далече заиде соколъ, птиць бѣя, — къ морю. — Картина соколиной охоты в данном контексте явно имеет метафорический смысл, перекликаясь с аналогичным эпизодом, заканчивающим рассказ о разгроме половецких «веж»: *Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! Къ выражению птиць бѣя* параллель дает речь Гзака: *почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ*. Ипат. лет. упоминает, что часть воинов Игоря, бежавших после поражения, «в море истопоша» (1185 г.) — *птиць бѣя*. — Поскольку это сочетание в данном контексте имеет метафорический смысл, глагол *бѣя* употреблен в том же значении — «убивать в битве», в каком он применяется летописью: «Татари поидоша по русских князих, бьуче до Днепра» (Новг. I лет., 1224 г.), или переводной исторической литературой: «Повеле (цесарь)... бити же болгары» (Амартол, стр. 464); «да своим копием и оружием бити начну варвары» (Александрия, стр. 46).

А Игорева храбраго плѣку не крѣсити — «уже мне мужа своего не кресити»; «уже мне сих не кресити» (Лавр. лет., 945 и 1015 г. — Ярослав об убитых варягах); «сего нама уже не кресити» (1151 г.). Д. С. Лихачев отметил, что в дофеодальный период эта формула обозначала «отказ от родовой мести», но в XII в. она стала уже употребляться «как обычное утешение, как признание невозвратимости утраты» (Устные истоки, стр. 83). Самый глагол *крѣсити* употреблялся и в переводной ораторской литературе: «Единому есть кресити» (Григорий Назианзин XI в.: Срезневский, I, 1354).

За нимъ (Игоревым войском) кликну Карна — «умре княгини Миндовговая и поча карити по неи... а поеди карить по своей сестре» (Ипат. лет., 1262 г.: Срезневский, I, 1197). — *кликну* — «кликати» в примерах с XI в., приведенных Срезневским (I, 1219—1220), имеет значение «крикнуть, закричать». В «Слове» с этим значением «кликати», «кликнути» употреблено не раз: *Дивъ кличетъ... Донъ ти, княже, кличетъ* (с оттенком «звать») ... *кликну, стукну земля*.

и Жля поскочи по Руской земли. — Этот образ связан, очевидно, с широко распространенным с XI в. словом «желю» — «скорбь, плач» (Срезневский, I, 854—855): «Заповеда всем желю людям» (Флавий, стр. 229); «желю велика есть», «с плачемь и с желею» (Паремийник, Книга пророков — цит. по кн.: Перетц, стр. 294); «наведе на ны плачь и во веселье место желю на рече Каялы» (Ипат. лет., 1185 г.); «Данил же снися с братом и тши и, и яко же... не имети желе поганьскы» (Ипат. лет., 1259 г.). — *поскочи* — см. выше, стр. 94.

смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ. — Слово «смага» в значении «жар» Срезневский подтверждает лишь примером XVI в. (III, 442). По поводу слова «смага» интересный материал приведен С. Гординским. Опираясь на данные новейших исследований археологов и антропологов, он указывает, что карпатские лемки — потомки выходцев из Северной земли (т. е. их предками были уличи и тиверцы), которые переселились в эти западные области после татаро-монгольского нашествия в XIII в. В их языке до сих пор сохранился ряд архаизмов; многие из них подтверждаются памятниками XI—XIII вв., древность которых никем не оспаривается. В числе этих архаизмов есть и слова, входящие в текст «Слова о полку Игореве»: «паполома», «комонь», «болоне», «шелом», «черлений», «текти» (в значении «идти»), «рци» (в значении «кажи», «мовляв»). В эту группу входит и слово «смага», которое, следовательно, пришло в памятник из живой речи его автора. Д. В. Айналов подробно обосновывает объяснение О. Огоновского, который сопоставил выражение *смагу мычючи въ пламяне розѣ* с «живым огнем» — пусканием огня трубами. Уже под 941 г. летопись рассказывает, что греки у Царьграда пустили на русских такой «живой огонь» со своих кораблей.

Греки и на суше применяли его: «Небольшие трубы или сифоны» воины держали в руках и бросали их из-за железных щитов в лицо неприятеля» (Д. В. Айналов. Замечания к тексту «Слова о полку Игореве». — Сборник к 40-летию ученой деятельности А. С. Орлова, М.—Л., 1934, стр. 181—184). Половцы также бросали «живой огонь» в боях на суше, как об этом сообщает летопись под 1184 г., описывая набег Кончака. — *мычючи*. — Срезневский сопоставляет данный текст «Слова» и фразу из обращения Ярославны к ветру — *Чему мычещи Хиновьская стрѣлки на своєю нетрудною крилицю на моя лады воя?* — с выражением Псалтыри толковой XII в.: «Всяцемъ бо ветромъ беша языци мычещи» (Срезневский, II, 215). В возвратной форме этого глагола известно сочетание «мльниа мыкающася» (там же). Очевидно, в «Слове» в обоих эпизодах «мыкати» имеет значение «разбрасывать». — *въ пламянѣ розѣ*. — Слово «рог» в значении «воинская труба» имеется в сборнике XII в. (Буслаев, стр. 126): «И въдасть рогы в руже всем. . . и въструблю рогомъ и вси иже со мною да въструбите и вы в рогы окрест полка. . . и въструбиша в рогы иже в руку их». — *пламянѣ*. — Это определение в примерах, приведенных Срезневским (II, 953), имеется в сочетаниях «огнь пламян» (XIV в.) и «ложь пламян» (Ипат. лет., 1226 г.). Таким образом, в «Слове» речь идет о том, что из огненных труб метали жар на «людей», — так летопись называет воинов (ср. в Ипат. лет. под 1185 г.: «оже побегнем, утечем сами, а черныя люди оставим»). Греческие писатели употребляют иногда глагол «мечут», описывая применение «живого огня» из сифонов на суше (Д. В. Айналов. Замечания, стр. 181—184).

Жены Руския въсплакашась, а ркучи (Ярославна рано плачетъ. . . а ркучи) — «въсплачетеся и въздрыдаете» (Остром. ев.: Срезневский, I, 413); в книге Пророка Иезекииля: «Дщери странскы восплачутся по нем и по всей силе его въсплачутся» (цит. по кн.: Перетц, стр. 303). — *а ркучи* — «Глеб . . . жалостно гласа спущаше к ним а рекучи» (Житие Бориса и Глеба: Словарь, 1, стр. 38); «и одариша князь русьских, а рекуче тако» (Новг. I лет., 1224 г.: там же). Примеры на сочетание с усилительным «а» Срезневский, кроме Задонщины, дает из псковских памятников XV в.: «Псковичи. . . послаша послы. . . а ркучи тако», «а ркя миру тако» (Псковск. I лет., 1465 и 1471 гг.); «ставши перед нами. . . а ркучи слово» (Псковск. судная грамота: Срезневский, III, 118).

Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати! — *ладъ*. — Слово «лада» есть во всех восточнославянских языках, южнославянских и в старом чешском языке со значениями — «муж, жена, невеста, один из супругов», отсюда Р. Якобсон заключает, что это общеславянское, следовательно древнее слово (La Geste, стр. 254). Не указывает ли на наличие

слова «ладо» имя «Ладомир» в «Жалованной грамоте князя Владислава Опольского» 1377 г.: своего «верного слугу именем рекучи Ладомир Волошин» князь «жалует» — отдать ему «Годле поле... пустыня» и «Тернаву реку» — все это жалуется «Ладомирови». В грамоте есть и архаичное слово «кметь» (Вол. Розов. Українські грамоти, т. I. У Києві, 1928, стр. 24). — *ни мыслию смислити* — «да не смыслять мыслими своими» (Библия в списке XIV в.: Срезневский, III, 755). — Параллельно сочетанию «Слова» *ни думою сдумати* в Ипат. лет. (1147 г.) находим «... а думу есми с ними думал», «думу думала». И рядом постоянно в записях летописи с XI в. применяется глагол «сдзумати»: «... на что же старейшии сдзумають» (Лавр. лет., 1176 г.); «... и сдзумаваъше князь и людье» (Новг. I лет., 1137 г.). Подобные тавтологические сочетания и в переводной и в русской литературе XI—XII в. часто при глаголе имеют творит. способа действия, орудия. Например, в Изборнике Святослава 1076 г.: «Възрадуеши ся радостію» (л. 7); «всье тело морозъмъ измързъше» (л. 42 об.); «потръпи тръпениемъ» (л. 186). В житии Феодосия Печерского по списку Успенск. сб. XII в.: «... уне есть мольбою того молити» (стр. 86); «яко ни слухъмъ хотяше того слышати» (стр. 88). — *ни очима съглядати* — в Изборнике Святослава 1073 г.: «очи глядаета» (л. 59 об.); «глядати очима» (Пандекты Антиоха XI в.: Срезневский, I, 523). Форму *съглядати* находим в древнем поучении Георгия Зарубского (Срезневский, III, 688): «Чюжих доброт не съглядаи» и в Ипат. лет. под 1167 г.: «И заутра съгляда Давыдов, оже Володарь бежал» (Срезневский, III, 689); в Изборнике Святослава 1073 г.: «Их же око не виде, ни ухо слыша, ни на сръдьце человеку възиде, яже уготова и отъкры нам бог» (л. 33 об.). Эту цитату очень близко передает Изборник Святослава 1076 г. (Вопросы Антиоха Афанасию, л. 120): «Его же око не виде, ни ухо слыша, ни на сердце человеку переже прихода Христова не възиду, еже уготовал есть и обавил нам бог». Кирил Туровский почти дословно повторил этот текст: «Еже очи не видеша, ни ухо не слышавше, ни на сердце человеку не възиде, еже бо уготова любящим его» (Кирил Туровский: Калайдович, стр. 91). — В последней фразе плача названы «злато и серебро» в значении вообще золотых и серебряных вещей или металла. В таком значении эти слова известны в памятниках XI—XII вв.: «Злато ваше и серебро издръжаве» (Пандекты Антиоха XI в.: Срезневский, I, 981); «Аще бо или серебро или злато скровно будетъ под землею, то мнози видять огонь горящъ на том месте» (Чтение о Борисе и Глебе: Срезневский, III, 479). Характерно, что в таких случаях, как и в «Слове», «злато и серебро» называются вместе, как обобщенное наименование самых дорогих ценностей. — *потрепати*. — Известен глагол «трепати», для которого Буслаев приводит пример из «Слова о пророке Симеоне» по списку XIV в.: «По ланите треплеши детища, успити и хотяши»

(Буслаев, стр. 436). Интересный комментарий к этому выражению предлагает работа С. Гординского. Исходя из украинской народной обрядовой песни, где подвесные украшения девушки называются «трепіток», их движение С. Гординский определяет глаголом «трепати», откуда и «потрепати». Вдовы на Украине уже не надевали таких украшений, поэтому выражение в «Слове» исследователь поясняет как образ вдов: жены русские уже считают, что они овдовели и что, следовательно, золотые и серебряные украшения на них уже не будут «трепетать», им больше не потрясти этими украшениями. Напомним, что «злаго и сребро» толковались как женские украшения уже в комментарии к изданию «Слова» в 1934 г. С. К. Шамбинаго и В. Ф. Ржигой (изд. Academia). Однако толкование этой жалобы «жен» как образа их вдовства в свете украинской народной поэзии предлагается С. Гординским впервые. Учитывая, что *потрепати*, таким образом, толкуется как «потрясти», можно напомнить известный по списку XIV в. ветхозаветных книг глагол «трепатися» с близким значением: «И слышах глас крил их, егда трепахуся» (Срезневский, III, 988). Изображение горя всей Русской земли, вызванного поражением войск Игоря, завершается «плачем» «жен русских», узнавших о гибели мужей. Тема этого плача — невозвратимость потери. Начальным «уже» он напоминает плач «лучших людей новгородских» по князе Мстиславе Ростиславиче (Ипат. лет., 1179 г.): «Уже не можем, господине, поехати с тобою на иную землю поганных и поработити во область Новгородскую. . . уже к тому не можем тебе узрети, уже бо солнце наше заиде ны и во обиде всим остахом».

А вѣстона бо, братие, Киевѣ туюго, а Черниговѣ напастѣми — «Акир вѣстона из глубины сердца своего» (Акир, стр. 135). Ср. в Ипат. лет. об умершем князе Владимире Глебовиче — «Украина много постана» (1187 г.). В переводе Иосифа Флавия Палестина «постона» (стр. 384). — В рассказе Ипат. лет.: «И бысть скорбь и туга люта. . . и по всей волости Черниговской». Д. С. Лихачев отмечает «точность выбора выражений» в этой «характеристике последствий поражения Игоря»: «Черниговская земля, действительно, подверглась „напастям“, реальным несчастьям, Киев же и Киевщина непосредственному разорению не подверглись; туга — тоска, печаль — за всю Русскую землю распространялись здесь как в центре Руси» (Истор. и полит. кругозор, стр. 41). В других местах автор уже прямо говорит о горе всей Русской земли: *О стонати Рускои земли, помянувшѣ прѣвую годину и прѣвѣхѣ князеи*.

Тоска разлися по Рускои земли. — тоска — с XI в. это слово известно в разных значениях: «волнение, горе, притеснение» (Срезневский, III, 1057). В «Слове», как в летописи «тѣскнути», «тоска» — «горе, печаль», ср. в Ипат. лет. по Хлебник. списку под 1287 г.: «Вѣлодимер. . . тѣскнувь немочью тела своего» — «удручен-

ный болезнью» (Срезневский, III, 1057). — разлился — «акы вода разлился» (Супрасльск. рук., л. 77); в сочетании с отвлеченным понятием, как в «Слове», известен глагол «разлити»: «Разлеи на ны твоя милости обычье» (Минейя 1095 г., сентябрь, 0117: Срезневский, III, 42). В значении «распространиться» известен глагол «разливаться»: в Палее XIV в. — «и тогда придет дух божи огонь разливаясь», ср. в значении «распространять» в Пчеле: «Велику на тварь тьму разливаеть на вся сущая» (Срезневский, III, 42).

печаль жирна тече средь земли Рускыи. — Образ текущей, разливающейся печали имеет аналогию в выражениях Жития Бориса и Глеба XI в.: «... узьреста... господина своего дряхла и печалию облияна суша»; в летописи слово *печаль* обозначает огорчения не только личные, но и причиняемые, как в «Слове», общественными несчастьями: «Се же в Кыеве княжа, быша ему печали болше паче, неже седящю ему в Переяславли... печаль бысть ему от сыновець своих, яко начаша ему служати, хотя власти» (Лавр. лет., 1093 г.; см. другие примеры: Срезневский, II, 923). — *тече* — этот глагол и в «Слове» применяется не только в прямом смысле (*Рѣкы мутно текуть... Сула не течеть... Двина болотомъ течеть*), но и в сочетании с отвлеченным понятием (*Грозы твоя по землямъ текутъ*). Аналогию к таким сочетаниям имеем в Молении Даниила Заточника, где щедрость князя сопоставлена с рекой, текущей сквозь дубравы (Даниил Заточник, стр. 20). С XI в. глагол «течи» употребляется в разных жанрах (Срезневский, III, 955—956). Однако обычно или в прямом значении или для определения быстрого движения человека или зверя.

А князя сами на себе крамолу коваху — см. выше, стр. 100.

а поганици сами, побѣдами нарищуше на Рускую землю — см. выше, стр. 115. С приставкой «на» глагол «рыскати — рискати» Срезневским не отмечен, но известен в XII в. глагол «вырыскати», значение которого также связано с войной, — в Ипат. лет. под 1174 г.: «... вырищуше из града, бяхуться крепко», в переводе Флавия: «... вырищуше пред градом» (Срезневский, I, 450). Для воинской фразеологии в XV в. служит и глагол «сърыскывати» — «сбегаться»: «Начаша людие сърыскывати с обою страну, акы на рать, в доспехех на мост великыи» (Новг. I лет., 1418 г.: Срезневский, III, 817). Здесь то же сочетание глагола с предлогом «на» и винит. пад., как при «нарыскати», «рыскати»: «Ногы бо их на злобу рищут» (Паремийник, цит. по кн.: Перетц. К изучению, стр. 60).

емляху дань по бѣлѣ отъ двора. — В языке летописи уже с известий X в. постоянно встречается сочетание «емля дань», «емлюще дань» (см. под 976 г. в Лавр. лет., под 1066 г. в Ипат. лет. и т. д.), в Александрии — «емлете дани» (стр. 25, 79); в Пов. врем. лет под 859 г. упоминается и «бела» как размер дани: хазары «имаху по беле и веверице от дыма», там же и «двор» как

облагаемая данью единица называется уже под 845 г. в рассказе о мести Ольги: «Даите ми от двора по 3 голуби и да по 3 воробьи».

Тии бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста (испр. из *убуди*), которую то (м. б., *которою*. *Ту*) бѣше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозныи великыи Киевскыи грозою. — Начальное *Тии бо два...* — см. выше, стр. 99. — О поправках к этому эпизоду см.: Перетц, стр. 230—231. Можно сохранить текст без второй поправки, считая, что молодые князья «разбудили лжу, которую усыпил Святослав». — *лжу* в значении «несогласие» имеем в летописном «въиде лжа в город» (Новг. I лет., 1288 г.); «раждизаетъ лжу сведетель неправедень» (Паремийник, цит. по кн.: Перетц. К изучению, стр. 60). — *убудиста* — «на сдравие убудиста» (Минея 1097 г., ноябрь, стр. 274 — в греческом тексте соответствует «разбудили»). — *которую* — в значении местоимения известно с XI в., встречается и в летописи: «... не ведяхуть, котории суть победили» (Лавр. лет., 1153 г.; примеры: Срезневский, I, 1302). — *то* — указательная частица: «... у кого то лежал товар», «чье то куны» (Русская Правда: Срезневский, III, 968). — *которую* — «распрею»: «распря многы и которы» (Иларион); «въздвиже дьявол котору в братьи» (Лавр. лет., 1073 г.). Об употреблении в «Слове» терминов «крамола» и «катора» см. выше, стр. 99. В. Н. Перетц (Перетц, стр. 230) предлагает палеографическое объяснение написания *которую* вместо *которою*, указывая на формы «с дружиную», «молитвую» (Ипат. лет., 1172 г.), «одежду блъгарскую» (Амартол, стр. 560). Изборник Святослава 1073 г. дает такие примеры написаний «ую» вместо «ою»: «Не прельщайтеса сытостью утробъную» (л. 157 об.); «с женоу язычноу и которивую» (л. 170). Л. А. Булаховский (Слово, стр. 149) подтверждает чтение Мусин-Пушкинской рукописи *которую* то примером из грамоты 1435 г.: «С вными городаи и землями... которыи жь то и исгара и давна ку коруне прислухали». — *успилъ* — употребление в этом эпизоде глагола *успилъ* ведет к образной речи гимнографии: в Минея 1097 г. находим: «Успив... страсти различныи», «грехов успил еси бурю» (стр. 471, 416). Ср. в учительной литературе: «Телесныи страсти и мудрование пльтьное успи» (Пандекты Антиоха XI в.: Срезневский, III, 1296). — *Святъславъ грозныи великыи Киевскыи грозою*. — Святослав в «Слове» изображен могущественным, каким он не был в действительности: он *грозныи, грозою* он бѣше *успилъ лжу*, разбуженную мсждукняжескими распрями. Гиперболизация образа Святослава наложила отпечаток особой «литературности» на его форму. *Грозою* постоянно действуют герои «Истории» Флавия: Антипатр «мятежь людскый тешаше ово грозою, ово мудрыми словесы» (стр. 184); «гроза же и слава» Ирода «явлена» была иудеям; «убоявся грозы» Касия, Антипатр собирает дань ему (стр. 186); цесарь беседует «ово с грозою, ово

с казанием» (стр. 214) и т. д. Форму множ. ч. имеем в Хронике Амартола: «Грозами прещаху ему» (стр. 431). Ипат. лет.: «грозы приходятъ» от татар (ср. в «Слове»: *грозы твоя по землямъ текутъ*). Эпитет *грозныи* связан с этим широким применением слова «гроза» в значении «строгость, властность»: «Грозный князь Александр» Невский (Новг. I лет., 1246 г.); ср. в «Слове о погибели Русской земли»: «князьми грозными» (Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1945, стр. 154).

бъшесть притрепаль (испр. из *притрепеталь*) своими сильными *плъкыи и харалужными мечи* (ср. *Изяславъ... притрепанъ Литовскими мечи*). Аналогичное сочетание с *мечи* глагола в обоих случаях делает вероятной поправку в первой фразе *притрепеталь* на *притрепаль*; Л. А. Булаховский допускает уникальное слово «притрепетати», однако замечает: «...довольно сомнительно в качестве образования от непереходного глагола (трепетати, — В. А.-П.) в значении переходном и трудно отделаться от впечатления возможной смысловой близости» к выражению «притрепанъ Литовскими мечи» (Слово о полку Игореве как памятник древнерусского языка. — Слово, стр. 153). С приставкой «при» глаголы «трепати» и «трепетати» Срезневским отмечены только в «Слове».

наступи на землю Половецкую — ср. в Лавр. лет. под 1093 г.: «Потом наступиша на Володимера, и бысть брань люта». В Изборнике Святослава 1073 г.: «...наступити на силу свою» (л. 170).

притопа хлъми и яругы, взмути рѣки и озеры, иссуши потоки и болота. — Если даже учесть упоминание о «болотах и грязивых местах», которые на Половецкой земле русские «мостили» дорогой одеждой, то все же очевидно, что автор «Слова» вспомнил псалом 63-й, восхваляющий могущество божие: «Ты разверже источники и потоки, ты исуши реки Афамля» (Амфилохий, I, стр. 520). Самое построение этого образца отразилось и на синтаксическом и на лексическом облике описания в «Слове». Параллели к отдельным словам «высокого» стиля этого описания находим также в «торжественных» жанрах. В Пандектах Антиоха XI в. есть сочетание «възмущтена вода»; Кирилл Туровский также применяет его: «...егда ю (воду) ангел възмутяше» (Срезневский, I, 363). В гимнографии есть сочетание «езеро исушил еси» (Минея 1097 г., ноябрь, стр. 394). — Слово «холм» встречается с XI в. (Срезневский, III, 1425). — *притопа*. — Без приставки глагол «топтати» встречаем в Поучении Владимира Мономаха: «...2 лоси, один ногами топтал». О формах, образованных в «Слове» приставкой «при», см. выше, стр. 73.

А поганиго Кобяка изъ луку моря, отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ, яко вихръ, выторже. — *изъ луку моря* — «суть горы зайдуче в луку моря» (Лавр. лет., 1096 г.); «в луце моря бяхуся» (Ипат. лет., 1172 г.); «пойдем по них (половцев)

(у) луку моря» (Лавр. лет., 1186 г.). — *жельзныхъ великихъ плъковъ* — значительность победы Святослава подчеркивается тем, что половецкие полки названы «железные», «великие», как ниже тем же эпитетом наделены «железные полки» могущественного галицкого князя Ярослава Осмомысла. Летопись знает слово «железный» лишь в значении металла. Новг. I лет. под 1268 г. употребляет сочетание «железный полк» для обозначения особого немецкого войска рыцарей (Срезневский, I, 852—853). Торжественная лексика гимнографии знает переносное употребление эпитета «железный» — «крепкий, храбрый»: «железное сердце». Очевидно, из этого высокого стиля эпитет «железный» и перешел в характеристику сильного войска. — *яко вихръ выторже* — «яко и вихър прахъ възъм, расея» (Житие Мефодия Моравского XII в., Словарь, 1, стр. 120); «выторг стрелу» (Флавий, стр. 379); «выторгну из себе саблю» (Лавр. лет., 1086 г.). Н. А. Мещерский, характеризуя язык перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, отмечает в нем изобилие слов с приставкой «вы-», что расценивается исследователем наряду с другими признаками как доказательство русского происхождения перевода (История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, стр. 94—95).

и падеся Кобякъ въ градъ Киевѣ. — Чаше глагол «пасться» в исторических памятниках употребляется в значении «быть убитым, сраженным в бою»: «Подобаеть воину, устремившуся на брань, или победу прияти или пасться от ратныхъ» (Ипат. лет., 1234 г.). Однако в «Слове» говорится лишь о пленении разбитого в бою Кобяка — он как пленный «пал» в Киеве, а потом, как известно, сам победил Игоря.

въ гриднищѣ Святъславли. — Лавр. лет. под 996 г. говорит о «гриднице» Владимира на его «дворе», где он устраивал пиры (см. также Ипат. лет., 1097 г.). Н. Н. Воронин (История культуры древней Руси. Домонгольский период, т. I. М.—Л., 1951, стр. 220—222) отметил, что с конца XI в. гридницы начинают использоваться как тюрьмы, сначала для знатных пленников.

Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю. — О конструкции с начальным повторяющимся *ту* см. выше, стр. 90. — «Немци» и «венѣдици» упоминаются во введении к Пов. врем. лет среди народов «Афетова колена» (Лавр. лет.); в Слове на перенесение мощей св. Николая (XI в.) названы «венедици» и «немци» (И. А. Шляпкин. Памятники древней письменности. СПб., 1881, стр. 6); *Греци* постоянно встречаются в летописи начиная с введения Пов. врем. лет; там же среди славянских народов упоминается *Морава*. Перечисление народов, прославляющих русского князя, читаем в Ипат. лет. под 1111 г., где речь идет о разнесшейся после победы Владимира Мономаха над половцами славе «ко всим странам далним, рекуще к греком, и угром, и ляхом, и чехом, дондеже и до Рима проиде». «Слово о по-

гибели Русской земли» перечисляет все страны, которые были покорены «великому князю Всеволоду, отцю его Юрью... деду его Володимеру и Мана(ма)ху» (Х. Лопарев. Слово о погибели Русской земли. 1892, стр. 21—22). В Житии Александра Невского — перечень стран, по которым «нача слыти имя Александрово» (Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, стр. 131 и 196). Таким образом, только ритмическая форма перечисления, создаваемая повторяющимся *ту*, отличает в данном случае текст «Слова», вносит новое в знаковый в XII—XIII вв. прием изображения международной славы князя.

поють славу Святъславлю (ср.: *Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ — молодымъ пѣти!*). — Эти выражения обозначают песни того характера, о котором сообщает Галицк. лет. под 1251 г., рассказывая о возвращении князя Даниила с братом из победоносного похода: встречавшие князей «песнь славну пояху има, богу помогшу има, и придоста со славою на землю свою» (Ипат. лет.). Песни Бояна князьям в «Слове» — это именно «песни славны» летописи. По мнению Д. С. Лихачева, эти устные «славы» — предшественницы былевого эпоса, народного и дружинного, — сначала исполнялись на тризнах по умершим князьям, а потом стали слагаться в честь живых (в кн.: Русское народное поэтическое творчество, т. I. М.—Л., 1953, стр. 205). Срезневский дает примеры лишь на «хвалы» божеству и святым (III, 405).

кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы Половецкия. — Были ли укоруы в адрес князя облечены в форму песни, или это был «плач» — причетъ, подобный тому, каким народ провожал умерших князей, неясно. Но употребленный автором глагол *кають* наводит на предположение, что это было нечто вроде причети, вспоминавшей, что Игорь *погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы Половецкия*, и что сам он у Каялы *высѣде изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево*. В Александрии имеется сходное выражение: Александр после убийства Нектонава «каяшется акы по своем отци» (стр. 18). То же сочетание «каяти» с винит. пад. имеем в примере из Пролога XIV в., приведенном Срезневским (I, 1202): «Бесыщагося вси кають»; ср.: при виде монастырской благочестивой жизни «окаеши свое житие» (Изборник Святослава 1076 г., л. 60). Л. А. Дмитриев подтверждает лексическим материалом предположение Е. В. Барсова (т. III, стр. 352—353), что в данном эпизоде «Слова» *кають* обозначает «жалуют», «оплакивают», и удачный перевод И. А. Новикова «осуждают, жалея» (Л. А. Дмитриев. Глагол «каяти» в Слове о полку Игореве. — ТОДРА, т. IX. 1953, стр. 30—35). — Значение слова *жиръ* — «богатство» (при обычном — «пажить», «пастбище») может быть подтверждено примером из Пандект Антиоха XI в.: «Мякъкое и жировное житие» (Срезневский, I, 875), где, конечно, «жировное» уже не имеет никакого отношения к «пажити». Быть может, это вторичное значение — «обилие, богатство» — возникло тогда,

когда «пажить» у народа-скотовода составляла главное условие достатка? Во всяком случае, пример XI в. показывает, что это вторичное значение в XII в. было уже хорошо знакомо. С XI в. в прямом и переносном значении известно и сочетание «погрузи в»: в Александрии — «лодия же его погрузите в морстей глубине» (стр. 46), у Кирилла Туровского — «Фараона в нем (море) погрузи с вой его» (М. И. Сухомлинов. Рукописи графа А. С. Уварова, т. II, вып. I. СПб., 1858, стр. 123). Метафорически применен тот же глагол в библейской цитате в Пов. врем. лет под 988 г.: «Бог... погрузить грехы наша в глубине»; ср. в Минее 1097 г. в записи писца: «... в своих гресех погружен». В Плаче пророка Иеремии: «Бысть господь акы враг, погрузи Израиля, погрузи вся сыны его» (цит. по кн.: Перетц₂, стр. 304). — «противныя погрузи въ бездъне» («Слово похвальное Кириллу и Мефодию», Успенск. сб. XII в., стр. 162); «не погрузиши в вине ума» (Изборник Святослава 1073 г., л. 60). — *Каялы* — см. выше, стр. 90. — *во днѣ Каялы* — «въводящая человека въ дъно адово» (Пандекты Антиоха XI в.: Срезневский, I, 760); «В дъно сердца въкоренятся» (Житие Феодора Студита: там же).

Рускаго злата насыпаша — «насыпавше путь и поле» (Флавий, стр. 351); «насыпа главу свою попела» (там же, стр. 289), «ров насыпая» (там же, стр. 174). — *злата* — см. выше, стр. 118.

Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощеве. — По предположению Д. С. Лихачева (Устные истоки, стр. 79), «злато седло», как и «злат стремень», было символом княжеской власти; плен князя — это смена княжеского седла на невольничье. Вся лексика этого образа знакома в XII в. и летописному и учительному языку: «... выседе ис корабля» (Лавр. лет., 1043 г.); «кони его тучни... сѣдла его позлащена» (Троицк. сб. XII в.: Срезневский, III, 323). — *кощеи* — в летописи XII в. нередкое название невольников: «Бысть вѣсть половцем от кощев от Гаврилкова от Иславича, оже идуть на не князи русьстии» (Ипат. лет., 1170 г.); «пусти на вороп седельники свое и кощее» (там же).

Уньша бо градомъ забралы, а веселие пониче. — это горестное восклицание облечено в форму, близкую к библейской символике: «Забрала Сионя да излеют, яко водотечия, слезы день и ночь» (Книга пророка Иеремии, цит. по кн.: Перетц₂, стр. 304), в Паремийнике (Перетц₁, стр. 236) читаем: «... плачите въпиюще врата градная». «Слово» вводит образ забрал, которые в феодальном быту имели такое же символическое значение, как и городские ворота. Слово «забрала» или в русской форме «заборолы» (так ниже в плаче Ярославны) постоянно в русской и переводной литературе с XI в. (примеры: Срезневский, I, 896). — *уньша* — в применении к человеческому настроению находим с XI в.: «Егда уны сердце мое» (Пандекты Антиоха XI в.: Срезневский, III, 1234). — Слово *веселие* в широком значении «радость» имеет

ряд параллелей в русской литературе XI—XII вв.: «Съзвав на едино веселие небесныа и земленыа» (Иларийон), «веселие миру неизреченно» (Кирилл Туровский: Срезневский, I, 246); «по христьяньской земли веселие бысть всюда» (Новг. I лет., 1265 г.; см. примеры: Словарь, 1, стр. 106—107).

А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ. — Перевод «тревожный» имеет опору в употреблении глагола «мутити» в значении «смущать, тревожить»: «Подобие бо видения женьскаго начьнетъ мутити сердце человеку» (Пандекты Антиоха XI в.: Срезневский, II, 196); «аште и сън ты съмутитъ» (Изборник Святослава, 1073 г., л. 130 об.). Прилагательное «мутен» встречается в значении «неясный, смутный»: «мутный ум» (Кирилл Туровский: Срезневский, II, 197), «молитву мутьну» (Амартол: там же). — *сонъ видѣ* — «видяще съны на ложи» (Толковые пророки XI в.: Срезневский, III, 779); «се сномъ вижа оно идетъ» (Бытие, список XIV в.: там же). Ирод «виде сон» (Флавий, стр. 195); «аше вижаю сон сен» (Александрия, стр. 9). Символическое значение снов широко известно по ветхозаветным книгам Библии, в частности и по тем отрывкам из них, которые входили в Паремийник. «Пророческие» сны встречаются и в Апостоле древнейших списков. «Вещие» сны древнерусский читатель встречал в Александрии, начиная со старшей ее редакции, причем, подобно тому как бояре объясняют сон князю Святославу, там царю Филиппу «разрешитель сну» раскрывает «пророческий» смысл сна (стр. 12), и дальнейшие события подтверждают это толкование. В Александрии пророческий сон видит и Александр (стр. 37). Хроника Амартола также вводит в изложение исторических событий вещие сны (например, сон Александра, предвещающий ему победу, — стр. 45; сон царя Маврикия с толкованием библейского сна пророка Даниила — стр. 280). Вещие сны нередки и в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, в повести «Девгениево деяние». Во всех этих произведениях сны — предвестие будущих событий, и этим они отличаются от сна Святослава, символически изображающего уже совершившееся — трагический исход сражения «на рѣцѣ на Каялъ». Таким образом, в «Слове» сон — литературный способ еще раз напомнить читателю о судьбе молодых князей и их «воев», в нем нет ничего «пророческого». «Знамением» — предвестием несчастья — в «Слове» остается лишь солнечное затмение.

въ Киевѣ на горахъ — так же определено место дворца киевского князя в летописи: дочь Ростислава Рюриковича «воспитана бысть в Киеве на Горах» (Ипат. лет., 1198 г.). Лавр. лет. противопоставляет в Киеве «Подолье» и «Гору», т. е. высокую часть города (1203 г.).

Си ночь съ вечера — «бог сы ночи князя поял», «сы ночи есмь поехал» (Ипат. лет., 1152 г.); «пришла ми вѣсть ночьсь» (вар.

«ночи сей», Ипат. лет., 1172 г.); «с вечера до утрия» (Переясл. лет., 1063 г.: Срезневский, III, 637).

одѣвахуть (испр. из *одѣвахѣте*) *мя*, — *рече*, — *чръною паполомою*. — С XI в. известен глагол «одевати» как в переводных, так и в русских памятниках: «...нагья одевая» (Иларий); «в худы ризы одеваему» (Пчела, стр. 141). Сочетание с творит. пад. наблюдается и при глаголе «одеватися»: «Попьстреною ризою да не одевається кѣто» (Ефрем. Кормчая XII в.: Срезневский, II, 626). — *мя* — «Слово» знает только эту «арханческую» форму винит. пад. В Изборнике Святослава 1076 г.: «...сѣзѣдавыи мя препокоил скинию мою» (л. 82); «едуштей мя и еште възаалчють» (л. 83 об.) и т. д. — «Паполома» называется в Новгород. Кормчей 1280 г.: «Простерше паполому на одре положить и» (Срезневский, II, 877). Паполому «простирают», ее можно «положить» под человека или на него, но ею не «одевают» — в сочетании с этим глаголом своеобразие «Слова». Черная одежда как символ печали известна летописи: посол князя Изяслава Мстиславича Петр Бориславич рассказывает в своей повести, что, прибыв в княжеский дворец Владимирка Галицкого, он с удивлением увидел: «Слугы княжи вся в черних мятлих», а Ярослав «на отни месте в черни мятли и клобуце» (Ипат. лет., 1152 г.). Акир Премудрый приказывает надеть слугам в знак печали «черныя ризы» (стр. 133).

на кровати тисовѣ — в Пчеле перевод изречения Плутарха: «Ни больного можетъ ицелити золотая кровать» (стр. 176). — «Тиса» как название кедра — дорогого дерева — упоминается в Шестодневе: «...ни кипариса, ни тисы, ни иного древа» (л. 173), в Паремийнике — «тису Ливанъску» (Перетц, стр. 247). Прилагательное «тисовый» находим в тексте XII в. у Кирилла Иерусалимского: «Иисусъ же възиде к востоку дѣбри тисовыя» (Срезневский, III, 960).

чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено — «черпля вино» (Кирилл Туровский: Еремин, т. XII, стр. 348). — *синее* как эпитет «вина» в других памятниках не встречается, самое же слово известно с XI в. (Срезневский, III, 356). — *съ трудомъ*. — Кирилл Туровский в «Похвале святых отец 300» характеризует Арию цитатой из псалма 9-го (Амфилохий, I, стр. 47): «Ему же уста его клятвы полна суть, горести и лъсти, под языком его труд и болезнь» (М. И. Сухомлинов. Рукописи графа А. С. Уварова, т. II, вып. I. СПб., 1858, стр. 59). В применении к еретичу Арию слово «труд» в этой цитате может значить «вредное, ядовитое». Срезневский дает примеры XI в., где слову «труд» соответствуют в греческих оригиналах «скорбь, горе» (III, 1008); «труд» в значении «болезнь» находим в Галицком ев. 1144 г.: «Человек некый имея водный труд» (цит. по кн.: Перетц, стр. 248). — *смѣшено* — в сочетании с творит. пад. и предлогом «съ»: «Дашя ему пити оцѣт с зълчью смешен» (Галицкое ев. 1144 г., цит. по кн.: Перетц, стр. 248).

сыпахуть ми тѣщи ми тулы поганыхъ тльковинъ великыи женчюгъ на лоно. — «Тѣгда повелеста ... злато с сребрѣмъ сыпати» (Златоструй XII в.: Срезневский, III, 875); «еже сыпати крещаемым в уста соль» (Послание митр. Никифора к Владимиру Мономаху: там же). — «тѣщи» — «пустой»: «Съсуд тѣщъ», «сусек тѣщъ» (Житие Феодосия Печерского); «гроб тѣщъ» (Кирилл Туровский). — *тулы* — «уготоваша стрелы в туле» (псалом 10-й: Срезневский, III, 1036). — *тльковинъ* — «Тиверци иже суть толковины» (Радз. лет., 906 г.: Срезневский, III, 1045). — *великыи женчюгъ* — церковь украшена «жемчугом великим» (Ипат. лет., 1175 г., то же: Лавр. лет., 1185 г.). О символическом значении жемчуг-слезы см.: Перетци, стр. 249. Сравнение слез с жемчугом — князь Ростислав Мстиславич, умирая, плакал: «И бе видити слезы его лежачи на скранью его, яко женчюжная зерна» (Ипат. лет., 1168 г.). — *на лоно* — «несену быти ангелы на лоно Авраамле» (Остром. ев.: Срезневский, II, 46). Летописец Переяславля Суздальского включает в рассказ о мести княгини Ольги древлянам описание «вещего» сна князя Мала, пославшего к Ольге сватов: «Князю же веселие творящу к браку и сон часто зряше Мал князь: се бо пришед Ольга дааше ему прѣты многоцѣнны червены вси жемчугом иссаждены и одеяла чрѣны с зелеными узоры и лоди, в них же несены быти, смолны» (Летописец Переяславля Суздальского, изд. М. Оболенским. М., 1851, стр. 11). В этом сне Мала, как и в сне Святослава, есть жемчуг, предвещающий слезы, и «одеяла чрѣны», соответствующие черной паполоме «Слова», и «лоди смолны», т. е. также черные, как предсказание несчастья.

и нѣгуютъ мя — «утешаеть и негуеть своимъ человеколюбиемъ» (Пандекты Никона XI в.: Срезневский, II, 483); «Днесь негуеми, утро онуде осуждаеми» (Златоструй XII в.: там же); в Паисиевском сб. XIV в., как в «Слове», с дополнением в винит. пад.: «Он... растить ны и всяческий негует ны» (Срезневский, II, 483).

Уже дѣскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златоврѣсѣмъ. — *дѣскы.* — Слово «дѣска» по русским и переводным памятникам известно с XI в. (Срезневский, I, 761). — *безъ кнѣса.* — Этимология слова «кнес» неясна, но предмет, им названный, — «князек» или «конек» — гребень, ребро на стыке двух скатов кровли. С ним были связаны приметы, поверья, которые позднее, когда под кровлей стали делать потолок, были перенесены на «матицу», скреплявшую доски потолка. В этих приметах отражены дохристианские верования. Перед смертью, чтобы облегчить ее, поднимали конек крыши у избы, т. е. конек, а позднее — матицу. М. П. Алексеев полагает, что с гребнем крыши связано представление о гибели, «смерти». П. А. Ровинский приводит примету: «Видеть во сне, что конек перерублен кем-либо или переломался сам собою, значит, что смерть или какое-нибудь великое несчастье должно постигнуть главу того дома». С этого рода поверьями М. П. Алек-

сеев связывает и данный эпизод «сна Святослава»: *дъскы безъ кнѣса* предвещают ему гибель, смерть (К «Сну Святослава» в «Слове о полку Игореве». — Слово1, стр. 226—248). — *в моемъ теремѣ златовръсѣмъ* — «бе бо ту терем камен» (Лавр. лет., 945 г.); «погоре... зборная церкви святая Богородица Златоверхая» (Лавр. лет., 1185 г.: Срезневский, III, 950—951); «заложена бысть церкви Михаила великого Златовръхого» (Переясл. лет., 1110 г.: Срезневский, I, 981); «положиша и... у святыя Богородици Златоверхое» (Лавр. лет., 1175 г.; там же); в Житии Александра Невского: «шатер златоверхий» (Новг. IV лет. 1240 г.).

Всю ношь съ вечера бусови (испр. из *бусуви*) *врани възграяху*. — *бусови* — о толкованиях этого определения см.: Словарь, 1, стр. 78—79. В. А. Гордлевский предпочитает чтение 1-го издания — *бусуви* и сопоставляет это слово с тюркским *boz* — серый (в статье: «Что такое «босый волк?» — Изв. ОЛЯ, т. VI, вып. 4, 1947, стр. 320). Н. В. Шарлемань поясняет, что в «Слове» имеются в виду серые вороны, которые в отличие от черных собираются стаями в местах своих кочевок и издают там неприятное карканье (*възграяху*) (см. статью: Из реального комментария к Слову о полку Игореве. — ТОДРА, т. VI. 1946, стр. 114, 116). В древнерусских памятниках слово «бусов» не встречается. — *възграяху* — см. выше, стр. 105. О том, что карканье ворона предвещает кому-то несчастье, рассказывает Хроника Амартола: св. Афанасий объяснил эллинам, что «враны гласять: кра, кра... темь утро узрите божию помощь, нашу славу» (стр. 349), — и на утро узнали о смерти гонителя христиан Иулиана. Ипат. лет. под 1249 г. поясняет, что появление «над полком» орлов и воронов — «се знамение не на добро бысть».

У Плѣсньска на болони — сходно с летописными выражениями «ста на болоньи», «на болоньи бѣяхуться», «на болоньи возле Вислы», «на болоньи от Днепра» (Ипат. лет., 1149, 1151, 1161, 1169, 1261 гг.). В Киевск. лет. под 1188 г. по спискам Погодинскому и Хлебниковскому есть географическое название: «Плесньск», «Плеснескъ», «Пленск».

бѣша дѣбрь Кисаню и несошася (испр. из *не сошлю*) *къ синему морю*. — Этот испорченный текст исправляют различно, см. свод толкований: Перетц1, стр. 255—259.

И ркоша бояре князю: Уже, княже, туга умь полонила. — *бояре* — начиная с Пов. врем. лет и Русской Правды обычное название крупных феодалов в княжеском окружении. В договоре Олега с греками 912 г. русские послы говорят от имени «великого князя рускаго» и его «великих бояр». — *полонила* — см. выше, стр. 71. Перфект здесь «по общим нормам старшей поры» (С. П. Обнорский. Очерки, стр. 160) употреблен без связки в 3-м л. единств. ч. В Поучении Владимира Мономаха имеем 15 примеров такого употребления (там же, стр. 49).

Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата — «с небесных лук Гаврил сълетев» (Трефолой 1260 г.: Срезневский, III, 731). — два сокола — метафорический образ князей Святославичей, см. выше, стр. 61. — съ отня стола злата — см. выше, стр. 96—97.

поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону. — Термином *поискати* летопись обозначала добывание князьями своего удела: «Хочу искати Новагорода» (Ипат. лет., 1160 г.); «поискати отець своих и дед своих пути и своей чести» (Ипат. лет., 1170 г.); «поищем своей отцины» (Новг. I лет., 1214 г.: Срезневский, II, 1097). В том же значении и с тем же родит. пад. употребляется глагол «искати» в таких примерах: «искати царства» (Новг. I лет., 1204 г.); «имуть искати татарове которых волостии» (Духовная Ивана Калиты 1327—1328 г.: Срезневский, I, 1114). Объясняя сон Святослава, бояре говорят, что Игорь с братом хотели *поискати града Тьмутороканя*. Следовательно, автор помнил, что в 1078 г., т. е. более ста лет тому назад, дед Игоря Олег Святославич, поссорившись после смерти отца со своими дядьями из-за удела, бежал в Тьмуторокань и оттуда с братом «красным Романом» пошел с половцами против князей, затем после поражения на Нежатиной Ниве снова в 1083 г. «из Грек приде» в Тьмуторокань, а в 1094 г. оттуда пошел на Чернигов и занял его. Поэтому автор «Слова» и связывает с судьбой Олега военную мечту его внука Игоря — *поискати града Тьмутороканя*. — В «Слове» сочетания *испити... Дочу... искусити Дону Великаго... позримъ синего Дону... поискати града Тьмутороканя* — дают сочетание глаголов с родит. пад., характерное именно для древнерусского языка. Примеры из Новг. I лет. приведены в исследовании Е. Истриной (Синтаксические явления Синод. списка Новг. I лет. — ИОРЯС, т. XIX, кн. 2, 1919 г., Пгр. 1923, стр. 159): «зряху перезора», «поискати Галиция», «добывъше полона» и т. д. — *испити шеломомь Дону* — см. выше, стр. 72.

Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самую опугаша въ путины желѣзны. — Изборник Святослава 1076 г. дает такое применение образа «опешенной» птицы к человеку: «Аште хочеси врага си немощьна сътворити, то грехы си умалии, и опешен от крылу акы птиця играем и смеху будеть тобою» (лл. 78 об. — 79). Так и в «Слове» плененные князья-соколы стали «немощни», подобно птице. Чуткий к оттенкам значения, которые создаются с помощью приставок, автор «Слова» заменил приставку «о», дающую представление о законченном действии, приставкой «при», снимающей эту законченность: у плененных князей-соколов *крильца* только частью лишены своей силы. Уменьшительная форма *крильца* Срезневским не отмечена. Св. Гордицкий уточняет смысл этого образа: соколы-князья были «летающими» соколами, когда они *слѣтѣста съ отня стола злата*, а теперь, в плену, они стали «пешими» — как домашняя птица, которая уже не может летать. Ср. украинскую пословицу в записи конца

XVII—начала XVIII в.: «Пишого сокола и ворони б'ють» и народное определение: «Це летюча птиця, а це піша» (Гординський, стр. 28—29). О том, что пленных князей половцы держали в оковах, свидетельствуют оба летописных рассказа о походе Игоря: «Держим бяху твердо и строгоми и потвержаеми многими железы и казньми» (Лавр. лет., 1186 г.); Игорь сам говорит: «Связня преда мя (господь) в руки безаконным» (Ипат. лет., 1185 г.). Ср. в Ипат. лет. под 1160 г. сообщение о том, что Рогволод освободил «Брячислава из желез». Вторая часть метафорического образа пленных князей содержит обычное сочетание: *путины желѣзны* (Л. А. Булаховский объясняет влиянием старинной формы «путина» звук «т» в слове «паутина», вместо «паучина» от «паук». См. его статью «К лексике Слова о полку Игореве»: ТОДРЛ, т. XIV. 1958, стр. 34—35). Это сочетание имеет соответствие в переводных памятниках, где находим: «...оковаша и путы железными»; «оковав путем железным»; «почто не свяжеша ея путы железы» (Срезневский, II, 1735). Иногда определение «железны» относится к «узы» (вар. «ужи»): «...вязааху и ужи железны и путы» — так в Остром. ев. (там же). Но слово «путы» в приведенных Срезневским примерах сочетается с глаголами «вязати», «связаши», «оковати», тогда как в «Слове» мы имеем тавтологическое сочетание сказуемого с однокоренным существительным в винит. пад. с предлогом «въ» — *опуташа въ путины*. В форме «пудо», «пуда» слово известно с XI в., причем иногда встречается оно и в сочетании с определением «железны» (примеры: Срезневский, II, 1735). Однако в «Слове» выражение *опуташа въ путины желѣзны* входит в метафору, представляющую князей в образе соколов, которым *крыльца припѣшали поганыхъ саблями*. В данном случае в параллель к слову *путины* следует поставить выражение из терминологии, относящейся к охоте с птицей — соколом или кречетом. В одном из списков Моления Даниила Заточника (стр. 102, 103) читаем: «...яко кречат бел, во опутех седея», «а кречату егда пута разрешатся, тогда он напушается на стада лебединые». Глагол «Слова» *опуташа* явно перекликается в этом примере с существительным «во опутех». Определением *желѣзны* автор «Слова» напоминает, что соколы — князья, которых *опуташа* не теми путами, какими вяжут птицу. Параллель к тавтологическому сочетанию *опуташа въ путины* дает летописное выражение «оковаше и в двои оковы» (Лавр. лет., 1097 г.). В записанной в районе Пинеги былине «Дунай» читаем: «И путайте добра молотца путыты шелковыма» (А. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. I. М., 1904, стр. 157). Есть в былинном языке и редкая форма «путины»; в былине «Данила Игнатьевич и Михайла Данильевич» читаем: «Связали Михайлы ручки белыя во путыны шелковыя» и «как расправил Михайла ручки белыя, поразлопали путыны шелковыя» (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. III. Петрозаводск, 1864, стр. 110—111; запись сделана

в Повенецком уезде). Но в тех же былинных текстах, где «путы» или «путины» «шелковые», героя еще «куют» в «железа немецкие, ручны, ножны и заплечныя» (А. Григорьев. Архангельские былины, т. I, стр. 158); «сковали ему ножки резвыя во железа булатныя» (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. III, 110). Очевидно, что даже и в устойчивом былинном языке слово «путина» утратило то значение, какое оно имеет в «Слове», — это уже не железные оковы, а скорее «шелковые веревки». Но след тавтологического сочетания сохранился в виде «путайте путы». Таким образом, есть основание думать, что в «Слове» мы имеем древнейший пример этого сочетания, в котором значение слова *путины* аналогично смыслу обычной в литературе XI—XII вв. формы «пута», поэтому также сочеталось с определением *желѣзны*. Наличие в языке этого времени не только выражения «оковаша путы железны», но и сочетаний с глаголом «вязати», «связази» показывает, что «путы» не были обычными оковами, которыми только «куют», а представляли пусть «железные», но все же гнущиеся, типа проволоки «узы». Следовательно, не случайно в «Слове» не «оковаша», а *опуташа* ими. Со временем в народной традиции из этого образа возникли «путины шелковые», которыми «связывают».

Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркаста, оба багряная стлѣпа погасоста. — Метафорическая картина начинается образным противопоставлением «тьмы» «свету» — «... тоски», «печали», «туги» Русской земли, вызванной поражением, тому времени, когда пели «славу» Святославу, пленившему «поганого Кобяка». Теперь Кобяк повел в «свои вежи» самого Игоря. Этим противопоставлением автор пользуется не раз: *На рѣцѣ на Каляѣ тьма свѣтъ покрыла*, так разъясняют бояре, почему *темно бо бѣ въ 3 день*. С таким пониманием «света», как лучшего, желаемого и «тьмы» как печального или враждебного связано и представление о тьме как о всяком несчастье — в жизни государства и человека, об опасности, враге. Потому и Даниил Заточник, лишенный милостей князя, говорит о себе: «Аз хожю во тме, отлучен день и ночь света очию твою» (стр. 54). Затмению светил уподобляются в византийской исторической литературе бедствия государства. — К сочетанию *два солнца помѣркаста* параллель дает Ипат. лет. под 1187 г.: «Солнцю померькшю», «и померкнет солнце всходя» (Паремийник Григоровича, цит. по кн.: Перетц, стр. 160). Д. В. Айналов сопоставляя образ *два солнца помѣркаста, оба багряная стлѣпа погасоста* с описаниями и иллюстрациями Радзив. лет. Так, перед походом Игоря было «знаменьє в солнци и мрачно бысть вельми... в солнци учинися я(ко) мѣсяць, из рог его яко уголь жарав исхожаше и страшно бе видети човекомъ знаменьє божье». Когда хоронили переяславского князя Андрея Владимировича, «быша 3 солнца сияюща межи собою, а столпи 3 от земля до небесе». «Столп огнен» стал над гробом Феодосия

Печерского (Д. В. Айналов. К истории древнерусской литературы. — ТОДРЛ, т. III. 1936, стр. 22—23). *багряная* — «в ризу багряню облекоша и» (Остром. ев.: Срезневский, I, 39). — *погасоста* — «июдейство... яко вечерняя заря погасе» (Слово о законе и благодати: Срезневский, II, 1013).

и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святѣславъ, тѣмою ся поволокоста. — Малолетнему сыну Игорю Олегу было в год похода неполных десять лет. Может быть, он ошибочно назван рядом со Святославом Ольговичем Рыльским вместо старшего сына Игоря — Владимира, тоже попавшего в плен? Именно этих князей называет Ипат. лет., перечисляя уведенных в «вежи» пленников. К редкому выражению *тѣмою ся поволокоста* соответствие дает Физиолог (по списку XV в.) в рассказе о ящерице: «Ослепнут ей очи и поволочетася и не видети... солнца» (Физиолог. Исследование А. Карнеева, СПб., 1890, стр. 177). — *ся поволокоста* — препозитивное «ся», стоящее непосредственно перед глаголом, часто в памятниках XI—XII вв. См. выше, стр. 90.

по Рускои земли прострошася Половци, акы пардуже гнѣздо. — *прострошася* — Срезневский отмечает глагол «испростретися» (I, 1137). Описывая драгоценный светильник, Флавий пишет, что на нем «прострашася 7 столпещь златыхъ» (стр. 447). — *акы пардуже гнѣздо* — сравнение с пардусом известно с XI в.: Святослав «легъко ходя акы пардусъ» (Лавр. лет., 964 г.); «скочи акы пардус с многою силоу» (Амартол, стр. 47). Традиция сопоставления половцев с пардусами отражена в апокрифе «От скольких частей создан был Адам»: «Куманин пардос естъ, угрин рысь естъ» (Н. С. Тихонравов. Памятники отреченной литературы, т. II. М., 1863, стр. 447). Как разъясняет Н. В. Шарлемань (Из реального комментария к Слову о полку Игореве. — ТОДРЛ, т. VI. 1948, стр. 119—121), пардусы-гепарды выходят на охоту выводком — «гнездом». Этот термин в языке охотников сохраняется до сих пор (в таком значении его употребляет, например, И. А. Бунин).

великое буиство подасть Хинови. — Примеры на *буиство* в значении «смелость» Срезневский дает только из «Слова», но прилагательное «буи» в значении «смелый», «сильный» представлено примерами с XI в. (I, 191—192). В «Слове» — это эпитет князей: *буи Рюриче и Давыде... буюго Святѣславличя* (Игоря)... *Буи Туръ Всеволодь.* — *буиство подасть* — к этому сочетанию с дат. пад. *Хинови* по конструкции ближе всего пример из Толковых пророков XI в.: «Сълучающася беды Египтови и в Мюре мятежь подадять» (Срезневский переводит здесь «подадут — возбудят», II, 1031). — *великое буиство* — «взяша гордость велику» (Ипат. лет., 1185 г.). — *Хинови* — толкования этого имени см.: Перетц, стр. 262.

Уже снесся хула на хвалу. — «Остави таковааго дела, хулу бо наносиши на род свои» (Житие Феодосия Печерского: Срезнев-

ский, III, 1420); «Хулу и укор прия на ся» (Ипат. лет., 1136 г.: там же). При наличии сочетаний «наносити хулу», «възнесение хвалы» (Толковые пророки XI в.: Срезневский, III, 1363) оборот «Слова» представляется вполне закономерным для языка XII в. По смыслу близко к «Слову» выражение из книги пророка Осии: «По множеству их тако съгресишиа мне, славу их в бещьствие положу» (Перетц, стр. 263); ср.: «Сетование твое обрати на радость» (Успенск. сб. XII в., стр. 3).

уже тресну нужда на волю. — Глагол «треснути» и производные от него относятся к удару грома; в Ипат. лет. под 1249 г. находим: «От грома тресновение бысть», но «тресновение» и без упоминания грома обозначает тот же удар, поражение молнией. Очевидно, *нужда* — насилие половцев в представлении автора «Слова», *тресну*, т. е. ударила на свободу русских князей с такой же силой, с какой поражает молния (Срезневский, III, 1028). — *на болю* — «предажь тело свое на наготу, волю на попрыание» (Изборник Святослава 1076 г., л. 35); «и вда им (новгородцам) волю всю и уставы старых князь» (Новг. I лет., 1209 г.: Срезневский, I, 298).

уже врѣжеса Дивь на землю. — О конструкции с начальным *уже* — см. выше, стр. 78—79. — *врѣжеса... на* — «врѣжеса на тело блаженааго» (Житие Бориса и Глеба: Словарь, I, 104), но есть и сочетание с предлогом «с»: «Вержеса с высоты» (Флавий, стр. 231—232). — *Дивь* — см. выше, стр. 76. — *на землю* — «съпадъше на землю с горы» (Григорий Назианзин, XI в.: Срезневский, I, 972).

Се бо Готския красныя дѣвы възпѣша на брезѣ синему морю, звоня Рускымъ златомъ. — В. В. Мавродин дает такое объяснение этого эпизода: «... крымские готы или готы-тетракситы» жили в XII в. «на Тамани и южнее ее по берегу Черного моря. Следовательно, готы-тетракситы жили и в Тмутаракани... поход Игоря Святославича угрожал не только половцам, но и готам. Поход был предпринят не в Крым, а на Дон, Лукоморье, на Тмутаракань. Поэтому напрашивается вывод о готах-тетракситах, столь радостно встретивших весть о Каяле» (Очерки истории левобережной Украины. Л., 1940, стр. 267). Форме *Готския* соответствуют: «Гѣцк берег» (Грамота 1189—1199 г.: Словарь, I, стр. 175), «Гочкого берега» (Грамота 1229 г.: там же). — *на брезѣ синему морю* — С. П. Обнорский выделяет как «постпозитивное употребление дательного принадлежности» (Очерки, стр. 165). — *синему морю* — см. выше, стр. 113. — *красныя дѣвы* — см. выше, стр. 83. «изидоша девы ликоствующе на сретение Давидови... с радостию и гусльми» (книга Пророчеств, цит. по кн.: Перетц, стр. 294). — *возпѣша* — см. выше, стр. 62. — *звоня* — «яко звоня» (житие Андрея Юродивого: Срезневский, I, 964). — *златомъ* — см. выше, стр. 118.

поють время Бусово — «пети» с винит. пад. в значении «прославлять, воспевать» — «достойно и праведно тя пети» (Служебник Варлама XII в.: Срезневский, II, 1790). — время Бусово — предполагается, что это время антского князя IV в. Бооза (Боса, Боуса, Буса) (см.: Д. С. Лихачев. Истор. и полит. кругозор, стр. 27).

лелѣють мечь Шароканю. — лелѣють — см. выше, стр. 66. — мечь Шароканю — о первой победе русских над Шаруканом Комиссионный список Новг. I лет. рассказывает под 1068 г., когда у Снови «одоле Святослав... а князь их яша Шарокана в 1 день ноября». Еще раз в Ипат. лет. под 1106 г. сообщается о нападении на Русь половцев: «Том же лете прииде Боняк и Шарукань старьи». В той же летописи под 1185 г. воспроизведены слова хана Кончака к хану Гзе, сказанные после поражения русских: «Пондем на Киевскую сторону, где суть избита братиа (наша) и великий князь нашъ Боняк». Отсюда Д. С. Лихачев делает вывод: «Мысль о мести за хана Шарукана могла еще жить в надеждах половцев в 1185 г.» (Истор. и полит. кругозор, стр. 27). — слово мечь известно с XI в. (примеры: Срезневский, II, 235).

А мы уже, дружина, жадни веселия. — В значении «желать напрасно, жаждать, нуждаться» глагол «жадати» и производное «жадный» есть уже у митр. Илариона: «Щедроты, яже... к сиротам и... к жадным»; у Кирилла Туровского в разных сочетаниях с родит. пад.: «Овчая купели жадаеши»; «жадаяи бог нашего спасения»; в Новгородской Триоди до 1226 г. — «жадаю исцеления» (все примеры: Срезневский, I, 839). В «Слове о Лазаревом воскресении»: «А того есми, дружино, много дни жадали». — веселия — «Чяшю принося к устом помяни давъшаго на веселие» (Изборник Святослава 1076 г., л. 263 об.); «мед в веселие дано бысть богъмь» (там же, л. 268 об.).

Тогда великии Святъславъ изрони злато слово слезами смъшено и рече. — К сочетанию изрони... слово дает параллель повесть об Акире: «Напрасно человек в воборзе изронить слово и после каеться» (стр. 37). — Для сочетания злато слово имеем ряд аналогий в русском тексте Минен 1097 г. под 13 ноября в службе Иоанну Златоусту: «Златыми словесы украсил еси божию церковь» (стр. 364); «озлатим Иоана вся злащъшаго златыми словесы» (стр. 366). Отсюда и эпитеты Иоанна, сложенные из этих двух слов: «Златослове» (стр. 363 и 369), «златословесъна» (стр. 366). Ср. у Иоанна «златообразъный языкъ» (стр. 365), его «книгы златописаны» (стр. 363), он «вся позлатив словесы своими» (там же). Учитывая авторитет, каким пользовался Иоанн Златоуст как автор широко известных в XI—XII вв. слов и поучений, следует думать, что церковную службу этому святому книжные люди этого времени помнили хорошо. Как в «Слове», так и в летописной повести о походе Игоря в Ипат. лет., Святослав, узнав о поражении молодых князей, «утер слез своих». Эта

черта чувствительности не была в конце XII в. новинкой в изображении князей. В летописи они в течение всего изложения событий XII в. не только «со слезами» молятся в ответственные моменты, «плачем» провожают умерших родных, но иногда проливают слезы и произнося речи о каких-либо огорчивших их событиях. Так, Владимир Мономах, узнав об ослеплении Василька Тербовальского, «ужасая и всплакася вельми и рече: Сего не было есть у Русьской земли» (Ипат. лет., 1097 г.), Святослав Всеволодич, узнав о пленении Игоря Олеговича «прослезивъся рече, послав к Юргви у Суждаль братама: „Всеволода бог поял, а Игоря Изяслав ял“» (1146 г.); «прослезився» и Изяслав при вести об убийстве Игоря «и рече: аще бых ведал оже сяко сему быти, то аче бы ми и далече того блюсти отслати» (1147 г.). В воинском стиле «Истории» Иосифа Флавия также встречаются речи, произносимые со слезами. Так, например, Иосиф «глагола с рыданиемъ и со слезами» в римском лагере Иоанну (стр. 405) и даже окончил речь «с хлипанием»; «исполнив очи слезы», произносит речь Иоанн (стр. 330). Таким образом, *злато слово слезами смѣшено*, произносимое Святославом, — образ, находящийся опору в историческом стиле XII в.

О, моя сыновчя. — Примеры на слово «сыновець» — «племянник» в летописи встречаются с известия 986 г., в переводной литературе — с XI в. (Срезневский, III, 71). В «Слове» *сыновчя* — младшие князья по отношению к старшему, по родству же Игорь и Всеволод — двоюродные братья Святослава.

Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. — *Рано* — «чадо, рано тебе о ловех звериных мыслити» (М. Сперанский. Девгениево деяние. Пгр., 1922, стр. 159). — *цвѣлити* — «ать иная детии не цвелить», так завещает умирая жена мужу, на ком ему следует жениться (Ипат. лет., 1262 г.). С этим значением «обижать» связаны и глаголы «росцвелити», «росквелити» — «причинить горе»: «росцвели нас» в «Лестнице» Иоанна Синайского XII в. соответствует греческому «огорчать»; «Аз есмь, его же вы розквелисте, и господь утешимя» (Палей: Срезневский, III, 166, 174). Опираясь на значение в украинском языке слова «цвѣлити» — «стегать, хлестать», Св. Гординский предлагает именно этим значением переводить выражение «Слова» *мечи цвѣлити* (стр. 336). — *славы искати* — см. выше, стр. 68.

Нѣ нечестно одолѣсте — «Максим... хотя мучительнаго и нечѣстнаго изврещися» (Амартол, стр. 375). — *одолѣсте* — «к вечеру одоле Ярослав» (Лавр. лет., 1015 г.; примеры с XI в.: Срезневский, II, 621).

нечестно бо кровь поганую пролиясте. — Сочетание «кровь проляти» постоянно в летописном языке XI—XIII вв. и в переводе «Истории» Иосифа Флавия: «Прольялася кровь на кровь»; «пролею по части свою кровь» и т. д. (стр. 172, 173 и др.); в языке

Псалтыри: «Проляша кровь их, аки воду» (Амфилохий, II, стр. 36 и др.).

Ваю храбрая сердца в жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. — Вместо притяжательного местоимения «ваша» «Слово» применяет характерный именно для древнерусского языка родит.-местный пад. двойственного числа личного местоимения — *ваю... сердца*: «не познах жены другыя, разве матере ваю... да и ваю бог ублажить» (Изборник Святослава 1076 г., л. 110—110 об.); Ипат. лет. под 1149 г.: «Се стрый наю пришел», «где узрим стягы ваю, ту мы готовы ваю есмы» (Л. А. Булаховский: Слово, стр. 134). — *сердца* — в значении «душа»: «Разум приемъши в истину в срьдьци своем» (Минея 1096 г., октябрь, стр. 55); «подаи же разум срьдьцю моему (Житие Феодосия Печерского: Срезневский, III, 882). — *въ жестоцемъ харалузѣ* — в значении «твердый», «крепкий»: «Скрижали жестоки и камяны» (Григорий Назианзин XI в.: Срезневский, I, 863); «тепло и студено, мякько же и жестоко» (Шестоднев: там же). — *харалузѣ* — см. выше, стр. 94. — *скована* — «верижице сребреникы сковав» (Амартол, стр. 362); «повеле ему железно съчепито съковати» (Житие Феодосия Печерского: Срезневский, III, 718). — *въ буести* — в устах Святослава «буестъ» имеет положительный смысл — «храбрость», как в переводе Григория Назианзина, XI в., где этому слову соответствует в греческом «отвага, смелость»; и в переводе Флавия: «Римляне... буестью совращающе безумие на мужество» (стр. 234); но то же слово и в переводных памятниках может обозначать «дерзость» с отрицательным оттенком: «Крепе секыися буестию победу изгуби» (Григорий Назианзин, XI в.: Срезневский, I, 190); «царствова... со мноюю гордынею и буестью» (Амартол, стр. 205). Так и в летописи «буестъ» — «запальчивость»: малолетний Даниил Галицкий во время битвы «младенства ради и буести не чюаше раны» (Ипат. лет., 1224 г.). — *закалена* — см. выше, стр. 94.

Се ли створисте мои сребрени сѣдинѣ! — «Олег же и Борис... земле Русьскеи много зла створше» (Лавр. лет., 1078 г.); «много зла створи волости Полотьскои» (Ипат. лет., 1159 г.: Срезневский, III, 841). В летописи и деловом языке то же сочетание глагола с дат. пад. — *сребрени сѣдинѣ* как символ старости Святослава в «Слове» соответствует в гимнографии образ «седин чьстных» святого (Минея 1096 г., октябрь, стр. 170); то же в учительной литературе: «От юности... и до седин» (Изборник Святослава 1073 г., л. 200 об.); «до седины обряштеши мудрост» (Изборник Святослава 1076 г., л. 138 об.); в Лавр. лет. под 1261 г.: «В старости глубоце и в честней добродетелней седине». — Слово «сребренный» в значении «серебристый» Срезневским не отмечено; седые — «белые» волосы: «Седина бо не белии власи, нъ душевѣная благость» (Пчела); «помилуй седины моя» (Пандекты Антиоха XI в.: Срезневский, III, 888).

А уже не вижду власти сильного, и богатого, и многовои брата моего Ярослава. — не вижду — с родит пад.: «Аще не вижду на руку его язвы» (Остром. ев.: Срезневский, I, 381); «не бо вижду вльн» (Златоструй: Срезневский, I, 380). — Старший пример слова «власть» в данном значении имеем в Изборнике Святослава 1076 г.: «Примъшеи бо власть и емение от князя своего» (л. 47). Святополк, убив братьев, рассчитывает, что «сам примъть един вьюю власть» (Житие Бориса и Глеба: Успенск. сб. XII в., стр. 15). В летописных известиях конца XI в. то же употребление слова «власть»: «... желая большее власти» (Лавр. лет., 1073 г.); «приятн власть стола моего» (там же, 1093 г.); «хотя власти» (там же). Эпитет «сильный» в значении «могущественный», примененный к князю, встречаем в летописи XII в.: «Коли силенъ будешн, а мы с тобою» (Ипат. лет., 1150 г.: Срезневский, III, 353). — *богатого* — «богата мужа сын есмь» (Изборник Святослава 1076 г., лл. 30 об. — 31); «богат мужъ везде знаемъ естъ» (Даниил Заточник, стр. 11). — *многовои* не встречается в других памятниках, однако в литературном языке XI—XIII вв. есть значительная группа слов, образованных путем соединения «много» с существительными, прилагательными, наречиями и среди них немало представленных единичными примерами (Срезневский, II, 204—211).

съ Черниговскими былями. — Слово «быль» употребляется в переводной литературе: «Не боися были, се бо уже измърутъ» (Супрасльск. рук., л. 168); «видиши ли быля чьсти вашя» (там же); «веды буди быля» (там же, л. 170: Срезневский, I, 203); «Кир скоро посла быля своя» (Амартол, стр. 38). Судя по греческому оригиналу, так назывались вельможи — в Чернигове местная знать.

съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчаки, и съ Ревугы, и съ Ольберы. — Судя по этим названиям черниговских «былей», «это знать тюркского происхождения, что было характерно для Чернигова» (Д. С. Лихачев. Истор. и полит. кругозор, стр. 15). — *Могуты* — имеет параллель в переводной литературе: «Прилежаще зълымъ могутемъ» (Григорий Назианзин XI в.: Срезневский, I, 1153); «предстояху могутии и все боярство» (Житие Николы); яко не подобно естъ ны с могутомо тиштатися» (Псалтырь XII в.; оба примера: Перетц, стр. 268). В оригиналах слову «могут» соответствует «дюнастес», «доминус», т. е. так же, как «быля», — имя знати.

Тии бо бес щитовъ съ засапожники кликомъ плъкы побъждають. — *засапожники* — неизвестно по памятникам, но слово «сапогы» встречается в текстах XI—XII вв. Летопись XII в. свидетельствует, что русские в бою применяли и ножи: «Козляне же ножи резахуся с ними» (Ипат. лет., 1238 г.). Аналогичный способ подчеркнуть храбрость воинов, довольствующихся в бою одним оружием, находим в Александрии: «Крепци велми готови

суще на брань без копий и без стрел, но копием биахуса с вои» (стр. 76).

— *звонячи въ прадѣдную славу.* — *звонячи* — «повеле звонити» (Ипат. лет., 1148 г.). Р. О. Якобсон предложил сопоставить выражение *звонячи въ славу* с древнерусским именем «Звенислава», сославшись на текст жития Евфросинии Полоцкой (La Geste, стр. 244). Это житие в XVI в. обработало материал местных преданий, восходящих еще ко времени жизни княжны Полоцкой (ум. в 1250 г.). До крещения ей было дано имя Предслава, сестру ее звали Городислава, а в Полоцке при ней жила «княжна Борисовна именем Звенислава». Видимо, эти имена дшли через такие предания. Сам обычай давать, кроме христианского имени, еще и особое, до крещения, ко времени литературной обработки местных преданий уже не соблюдался (см. текст жития, изданный по списку XVI в.: Памятники старинной русской литературы, изд. Г. Кушелевым-Безбородко, вып. IV, СПб., 1862, стр. 173, 175). — *прадѣдную*: «прадедьне имение» (Изборник Святослава 1073 г.; Срезневский, II, 1363 — другие сочетания: сокровища, вера, храмы).

Нъ рекосте: Мужаимѣся сами, преднюю славу сами похитимъ а заднюю ся сами подѣлимъ. — Форма *мужаимѣся* известна с XI в.: «И ресте: „Мужаимѣся“» (Григорий Назианзин XI в.: Срезневский, II, 188); в Ипат. лет. под 1068 г.: «И тако не обратистеся ко мне, но ресте: Мужаимѣся» (в Лавр. лет. под тем же годом: «мужаемѣся»). — *преднюю* ... *заднюю* — «задняя убо забывая, а на предняя простираяся» (Пандекты Антиоха XI в.: Срезневский, I, 910); «аще бых не ведал предняя и задняя» (Флавий, стр. 237). Д. С. Лихачев показал, что «слово „передняя“ в древнерусском языке относилось к прошлому, когда речь шла о времени, точнее к началу какого-то определенного промежутка времени, „задняя“ же — к недавно случившемуся, ко времени последних событий, к завершению какой-то цепи событий, иногда к будущему». Поэтому текст Ипат. лет. под 1254 г. — «Хронографу же нужна есть писати все и вся бывшая, овогда же писати в передняя, овогда же воступати в задняя» — Д. С. Лихачев толкует так: «Хронографу следует описывать все случившееся, то возвращаясь к старине, то описывая последние события». Исходя из этих значений, Д. С. Лихачев так толкует слова Святослава о похвалбе молодых князей: «Игорь и Всеволод своим походом на половцев собирались „похитить“ славу прежних чужих походов на половцев и поделить между собою славу своего нового совместного, последнего похода на половцев». Слово «похитить», как замечает Д. С. Лихачев, «уместнее к прошлому («преднюю»), чем к будущему («заднюю»)»; это слово можно сопоставить, по мнению исследователя, с глаголами в сходных по смыслу выражениях: *притрепа славу дѣду своему Всеславу ... уже бо выскочисте из дѣднеи славѣ ... разшибе славу Ярославу.* — Во всех этих выра-

жениях речь идет о славе, добытой предками, т. е. о славе прошлого. В данном случае, заключает Д. С. Лихачев, мы имеем в «Слове» один из «пережитков архаичного, по сравнению с современным, мышления» (Д. С. Лихачев. Из наблюдений над лексикой «Слова о полку Игореве». — Изв. АН СССР, ОЛЯ, т. VIII, вып. 6, 1949, стр. 552—554). Однако глагол «похытити» в древнерусском языке имел не только значение «завладеть», «схватить и похитить», отмеченное Срезневским (II, 1322—1323), но и «подхватить, поддержать». Это значение Н. А. Мещерский обнаружил в переведенной на Руси в начале XII в. повести «История Иудейской войны». Он пишет: «Один из римских воинов, оставшийся на крыше подожженной иудеями башни, обращается к своему другу, находящемуся внизу под башней, с такими словами: „Стани, да скочю к тебе и похытиши мя“». Очевидно, слово «похытиши» уже звучало в XV в. как архаизм, хотя и понятный, и переписчик повести (Чудовский список XV в.) заменил его глаголом «подхватиши». Таким образом, по мнению Н. А. Мещерского, комментируемый текст «Слова» следует понимать так: «подхватим», «поддержим» падшую «преднюю», «прадедную» славу. Это выражение Н. А. Мещерский исторически разъясняет следующим образом: «Речь идет, по всей видимости, о распространении власти черниговских и северских князей на Придонуе и побережье Черного и Азовского морей, которые до захвата их половцами входили в состав державы Мстислава Тмутороканского, а впоследствии — Святослава Ярославича Черниговского и поэтому представляли собою „предел желаний“ князей из „Ольгова храброго гнезда“» (К толкованию лексики «Слова о полку Игореве». — Ученые записки ЛГУ, Серия филологич. наук, вып. 24, 1956, стр. 7). Об этой мечте и вспоминают бояре, говоря Святославу: «*Два сокола полетели поискати града Тьмутороканя, а любо испити шелоомь Дону*». В Лавр. лет. под 1186 г. иными словами выражена та же похвальба Игоря и Всеволода: «Сами поидоша о собе рекуще: Мы есмы ци не князи же? Поидем, такы же собе хвалы добудем».

А чи диво ся, братие, стару помолодити? — В переводе Флавия обороту *а чи* соответствуют «ци», «ци ли»: «Ци кончины братнее забых?», «ци не неведах иудейска закона?», «ци римляном даемся?», «ци порабочаем митрополию?», «ци ли оружия строить? Ци по помощники посылают?» и т. д. (стр. 237, 310, 334, 340 и др.). В Ипат. лет. оборот «а чи», «ци» в XII в. встречаем нередко: «Святополк про волость чи не уби Бориса и Глеба, а сам чи долго поживе» (1140 г.); «ци сего еси дозрел» (1150 г.); «а чи что замыслить лихое» (1164 г., см. также 1170 г. и т. д.). — *а чи диво* — «дивно ли оже муж умерл» (Почтение Владимира Мономаха); «да не дивно есть разумеючи, братья, умерети» (Ипат. лет., 1185 г.). — *стару* — в значении «достигший преклонного возраста» слово известно с XI в. (примеры: Срезнев-

ский, III, 498). — *помолодиту(ся)* — этот глагол в старославянской форме известен с XI в.: «Христа ради нас ради помладивъшуся» (Миняя 1097 г., ноябрь, стр. 414).

Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду. — *коли* — в значении «когда»: «Отец ваю добр был, коли княжил у нас» (Лавр. лет., 1175 г.); «на обеде, коли игумен обедает» (Грамота 1130 г.: Срезневский, I, 1250). Начинаящее фразу *коли* находим в старшей редакции Моления Даниила Заточника: «Коли пожреть синиця орла, коли камение въсплавет по воде и коли иметь свиниа на белку лаяти» (Словарь, 2, стр. 199—200). — *въ мытехъ* — старший из известных примеров определения линьки птицы относится к XV в. Так, в списке «Слова в неделю сыропустную» читаем такое сравнение людей: «Мытыся яко ястреби и понавляются яко орли» (цит. по кн.: Перетц, стр. 270). Чтобы термин «мытиться» попал в такой далекий от природоведения жанр, как церковное поучение, он должен был в быту быть широко распространенным, иначе самое сравнение, рассчитанное на приближение религиозной темы к слушателю-читателю, осталось бы непонятным. Итак, выражения «мытиться» или «в мытех быть» — «линять» стали терминами задолго до того, как их употребил составитель или переписчик церковного поучения. В XVII в., когда в высших кругах феодального общества интерес к соколиной охоте усилился (возможно, в связи с тем, что ею увлекался царь Алексей Михайлович), когда был напечатан «Урядник сокольничьего пути», в поздних списках Повести об Акире появляются вставки в старый текст, упоминающие о линьке сокола. В списке конца XVII в. читаем: когда Акир после трехлетнего заключения в темнице отдохнул дома пять месяцев, он «готов бысть на царскую службу, аки трех мытей ясен сокол у ласкова сокольника». В другом списке находится такая фраза: «Егда бо сокол трех мытей бывает, он не даст ся с гнезда своего взяти» (Памятники старинной русской литературы, изд. Г. Кушелевым-Безбородко, вып. II, СПб., 1860, стр. 368). — *бываетъ въ...* с творит. пад.: «Человек... в укоризне бывает» (Акир, стр. 37). — Выражение *высоко птицъ възбиваетъ* имеет аналогию в летописном тексте: «Стрелци... възбиша ратьныя от города» (Ипат. лет., 1149 г.); в переводе Флавия: «Възби вся к пропасти» (стр. 364); «ни полку противныа възбивающе» (Иоанн Дамаскин в переводе Иоанна экзарха Болгарского: Срезневский, I, 1250); ср.: «... орел, высоко летая» (Даниил Заточник, стр. 103). Точность описания в «Слове» поведения охотничьего сокола имеет аналогию в арабской «Книге назиданий», составленной современником автора «Слова» (сирийским эмиром Усамом ибн Мункызом, умершим в 1188 г.). Здесь описывается, как сокол, «сменивший перья» (ср. *коли соколъ въ мытехъ бываетъ*), «поднялся вверх с птицами, ударил некоторых из них и спустился... Когда цапля замечала сокола, она начинала кружиться и подниматься выше,

а сокол кружил с другой стороны, потом взмывал над цаплей...» (ср. *высоко птицъ възбиваетъ*) (В. Ф. Ржига. Из очерков по Слову о полку Игореве. — МГУ, Доклады и сообщения Филологич. факультета, вып. 3, 1947, стр. 74). — *не дастъ гнѣзда своего въ обиду* — см. выше, стр. 87 (*Ольово хороброе гнѣздо ... не было онъ обидѣ порождено*). — К сочетанию *не дастъ ... въ обиду* параллель имеем в Лавр. лет. под 1074 г.: «Се поручаю игуменьство Стефану, не дай его в обиду»; «да еще бог не дастъ в обиду человека проста, еда начнуть его обидети» (Лавр. лет., 1169 г. — о победе Михалка над половцами).

Нъ се зло — княже ми не пособие. — К обороту *нъ се зло* параллель дает «Слово св. отецъ о посте», вошедшее в старшую редакцию Измарагда: «Не се ли зло, еже такову честь творять бесомъ» (цит. Р. Якобсон: *La Geste*, стр. 244, прим. 12). — *княже ми не пособие* — аналогичное сочетание с притяж. прилаг. встречаем в Псковск. I лет. под 1368 г.: «По грехом нашим бысть непособье божие» (другие примеры: Срезневский, II, 410). — *княже* — краткая форма притяж. прилаг. «княжь» известна с XI в. (Срезневский, I, 1399). Без отрицания слово «пособие» находим в XI в. в ораторской речи: «Ваю пособиемь... князи наши... побежаютъ» (Жития Бориса и Глеба, стр. 49).

наниче ся години обратиша. — *ниче* псковская форма слова «ниче» с той же заменой «ц» щипящим, какую имеем в Мусин-Пушкинском списке «Слова» в формах «вѣчи» — «вѣци», «лучи» — «лучи».оборот «на нице» (*наниче*) соответствует известному по Златострую XII в. сочетанию «наниче», в значении «наизнанку, неправильно» (у переводчиков «Слова» — «на худшее», «худо»): «Человеци, видевше некого на нице в ризу ся облъкша, то плещуть рукама, ругающесе ему... а еже на нице живем душами, то же тому не зазираем» (Срезневский, II, 453). Из предыдущего текста «Слова» видно, что «години наниче ся обратиша» потому, что князья перестали помогать друг другу, — итак, раньше было хорошо, теперь же наоборот, т. е. худо. В примере из текста XV в., приведенном Срезневым (II, 304), словом «наниче» переведено греческое, обозначающее «иным образом, иначе». — Глагол «обратиться» в значении «превратиться» Срезневский иллюстрирует одним примером XV в.: «И людие фараоновы обратися рыбами» (Хождение Геннадия и Познякова: Срезневский, II, 544). Ближкое к «Слову» значение имеем, однако, и в примере из Остром. ев.: «Аще не обратитесе и не будете яко дети, не имате вѣнити в царьстве небесьное» (Срезневский, II, 544), где «обратитесе», как в «Слове», «станете иными», в данном случае — «исправитесь, станете лучшими», тогда как в «Слове» времена тоже «стали иными — худшими».

Се у Римъ кричатъ подъ саблями Половецкыми, а Володимиръ подъ ранами. — *саблями* — см. выше, стр. 94 (примеры с XI в.: Срезневский, III, 238). — *ранами* — в прямом значении

«поранение», слово известно с XI в., в единств. и во множ. ч. (Срезневский, III, 68—70); в значении «беда, несчастье» встречается в Изборнике Святослава 1073 г.: «Да тех ранами Израиль накажется» (л. 97); в Изборнике Святослава 1076 г.: «Не отыметься от дому его (клянущегося) рана» (л. 172). — Редкое сочетание *кричатъ . . . подъ ранами* находит соответствие в Изборнике Святослава 1076 г.: в «Вопросах Антиоха и ответах Афанасия» разъясняется, что семь «мест есть разньств молитвньных, от сих три под страхъмь суть и под мучениемъ. . . Третий образ разньство имы паче дъвою, егда яко раб молить ся владыце, обаче и раб под страхъмь и ранами есть» (л. 224—224 об.). Сочетания молитва «под страхъмь. . . и под мучениемъ» и «молить ся . . . под страхъмь и ранами» аналогичны выражению «Слова» *кричатъ . . . подъ ранами*. В сочетании *кричатъ подъ саблями Половцукыми* (ср.: *Двина болотомъ течеть. . . подъ кликомъ поганныхъ*) предлог *подъ* указывает на подчинение кому-либо, как обычно в памятниках с XI в.: «Аз человек есмь под владыкою» (Остром. ев.: Срезневский, I, 267); «под властью греческою» (Лавр. лет., 971 г.). Ипат. лет. под 1185 г. сообщает, что после поражения «на Каяле» половцы «вземше город Римов и ополонившася полона», а под Переяславлем князь Владимир Глебович «бъшетъ ран(ен) велми язвами смертными», но города половцы взять не успели. На читателя-современника, знающего эти факты, рассчитано лаконичное горестное восклицание «Слова», точно оттененное разницей между судьбой Римова и Переяславля. — *Кричатъ подъ саблями* — вариант более обычного образа побежденных, который в «Слове» отнесен к половцам: они *главы своя подклониша подъ тыи мечи харалужныи*. В обоих выражениях побежденные — под оружием победителя. Но Переяславль не был взят: половцы отступили от него, узнав, что сюда направляются на помощь Святослав и Рюрик с дружинами. Однако переяславский князь Владимир Глебович, схватившийся с половцами за пределами городских укреплений, был тяжело ранен, и его спасли подоспевшие из города на помощь переяславцы. Немало дружины переяславской полегло во время сражения, длившегося целый день, с осадившим город войском Кончака. Вот почему Владимир — обобщенный образ всех пострадавших в бою переяславцев, кричить не подъ оружием врага, а лишь *подъ ранами*. Но почувствовать за этими лаконичными словами трагедию двух городов, пострадавших от половцев, могли только читатели (или слушатели), знавшие более подробно о набеге половцев на «Посуль».

Туга и тоска сыну Глббову! — Вариант известных с XI в. в переводной и русской литературе синонимических сочетаний: «туга и печаль», «туга и скорбь» (примеры: Срезневский, III, 1031—1032). В «Слове» *туга и тоска* — всегда «печаль, горе». См. еще: *А вѣстона бо, братие, Киевѣ тугою. . . Тугою въздышоа по Рускои земли*. Этот оттенок значения подтверждается летопис-

ными примерами: «Люте бяше... туга, беда на всех» (в рассказе Новг. I лет., 1128 г. о голоде); «на улици скърбь... дома тъска» (там же, 1230 г.; другие примеры: Срезневский, III, 1031—1032 и 1057).

*Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти изда-
леча, огня злата стола поблюсти?* — Хотя автор именует Всево-
лода тем титулом, который он принял в своем княжестве, — *великий княже*, но *отънь златъ столъ* для него — Киев, и «поблюсти» его он зовет князя. Этот термин принят в XII в. и летописью: «Блюсти Чернигова и все волости своее» (Ипат. лет., 1180 г.). Ср.: «Игоря поблюдут сторожеве» (Лавр. лет., 1147 г.). Титул «великий князь» Пов. врем. лет применяет к киевскому князю Игорю в договоре с греками 945 г. — Метафорическое сопоставление мысли и настроений человека с крыльями — *не мыслию ти прелетѣти* — находим в гимнографии и в Пчеле: «Страстное усъпи многовълнное море и бестрастными прелете пречистымима крилома» (Миняя 1097 г., ноябрь, л. 134). В Пчеле: «Того ради крила дана суть птицам, да прелетять (сетъ), а того ради мысль человеком, да убежат греха» (Срезневский, II, 1659). Близкую параллель к сочетанию *мыслию прелетѣти* дает Шестоднев: «Мыслию възлетети» (л. 19 об.). Ср. в «Слове» Боян воспевае князей, *летая умомъ подъ облакы. — ти* — эту архангелскую форму дат. пад. «Слово» применяет четыре раза и лишь дважды *тебѣ*, ср. в Изборнике Святослава 1076 г. также преобладает употребление «ти» (тебе, тебе — 13 раз): «Послушаи отця своего, съветуюштааго ти спасная» (л. 159); «да накаплютъ ти словеса слажъша меду» (л. 160) и т. д.

Ты бо можещи Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. — веслы раскропити. — Слово «весло» по памятникам известно с XI в. — *раскропити* — Срезневский дает примеры на глаголы «крапяти», «кропити» (I, 1315, 1330) и «въскропити» воду (I, 406). В летописи в библейской цитате последний глагол сочетается также с винит. пад.: «Въскроплю на вы воду чисту» (Лавр. лет., 988 г.). Гиперболический образ «Слова» напоминал об успешных походах Всеволода против волжских болгар 1183 и 1186 гг. и был понятен современникам этих событий, несмотря на лаконизм. Призыв выступить так же успешно и на южной границе, где потерпел поражение Игорь, выражен аналогичным гиперболическим образом: *Донъ шеломы выльяти*. Лексические параллели к этому образу дают памятники XI—XIII вв.: «ляяти» (Флавий, стр. 305), «разляял» (Пчела, стр. 250), «ни моря уполовником выляяти» (Даниил Заточник, стр. 92).

Аже бы ты былъ то была бы чага по ногатѣ, а кощеи по резанѣ. — Конструкция с начальным *аже* (или с синонимичным «аще»): «Аще бы zde был, не бы умерл брат наю Лазарь» (Слово о Лазаревом воскресении); «аще бы жив был, то умирал бы римскую рать» (Флавий, стр. 337). — *по ногатѣ... по резанѣ* —

в Духовной Климента (не позднее 1270 г.) употреблены также оба эти названия: «...взяти Климяте на Борьке 13 ногате... а у Микифорця 40 резан» (Памятники русского права феодально-раздробленной Руси XII—XV вв., вып. 2. М., 1953, стр. 109). Старшие примеры, где встречаются термины «ногата» и «резана», известны по древнейшей редакции Русской Правды. — Чага в перечне военной добычи упоминается в Ипат. лет. под 1170 г.: «Взяша полона... чагами и детми их» (Срезневский, III, 1467). В параллель к *цене* — *чага по ногатѣ* — можно привести сообщения Псковск. I лет. под 1169 г. о том, что после победы новгородцев над суздальцами «продаяху суздальца (очевидно, пленного) по две ногате». О дешевизне пленников после большой победы пишет Флавий: «Продаша с женами и с чяды на мале цене, по 10 златник, зане умножишася продающеи, а купецъ умалися» (стр. 428).

Ты бо можешу посуху живыми шереширь стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы. — В Ипат. лет. под 1184 г. речь идет о «живом огне», которым пользовалось войско Кончака: «Бяше бо обрел мужа такового бесурменина, иже стреляше живым огньмъ». Здесь глагол «стрѣляти» уже утратил свое первоначальное значение (стрелять стрелами), точнее расширил его. — *по суху* — Минея 1096 г.: «...к пристанищу... по суху преплула еста» (октябрь, стр. 45); «пучину по суху преидосте» (там же, стр. 203). — *удалыми сыны Глѣбовы* — «Всеволод... во Олговичех всех удале рожаемъ и воспитаемъ и возрастомъ» (Ипат. лет., 1196 г.: Срезневский, III, 1145). Речь идет о сыновьях Глеба Рязанского, «которых Всеволод держал в своей власти» (Д. С. Лихачев. Истор. и полит. кругозор, стр. 46) — снова намек, понятный лишь современникам. — *Глѣбовы* — «повар же Глебов» (Успенск. сб. XII в., стр. 22); «зять Глебов» (Ипат. лет., 1178 г.); «посли Глебови» (Лавр. лет., 1176 г.: Словарь, 1, стр. 158).

Ты, буи Рюриче и Давыде! Не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? — *Ты, буи Рюриче и Давыде!* — При двух подлежащих местоимение в единств. ч. находим в Изборнике Святослава 1073 г.: «Аз Петр и Павел повелеваеве» (л. 197). — Исследователи предлагают исправить эту фразу, добавив «вои» (см. об этой поправке: Перетц, стр. 275); пропуск этого слова объясняют тем, что перед ним стоит сходное по написанию *ваю*. Если принять эту поправку, то чтение *не ваю ли вои* вместе со следующей фразой — *не ваю ли храбрая дружина* — составит два вопроса, одинаково относящиеся к дружинникам, причем окажется, что *злачеными шеломы* наделены *вои*. Между тем в «Слове» обычно золотыми называются лишь княжеские вещи (стол, стремя, седло). Может быть, приемлее другая поправка: *не ваю ли злаченные шеломы по крови плаваша?* Тогда храбрость самих князей будет представлена в образе их упавших среди боя злаченых шеломов, плавающих в крови убитых, а вторая фраза

уже даст образ храброй дружины. Ошибка при переписке могла возникнуть под воздействием следующего слова с окончанием «-мы». К форме *злачеными* дает параллель *Хождение игумена Даниила*, где не раз отмечается, что церковь или врата покрыты «чешюями позлащенными» или «медю позлащенною» (Даниил игумен, стр. 18, 30, 32). Ср. в Минее 1097 г. «позлачене криле» (ноябрь, стр. 320). — *по крови плаваша* — сочетание «плавати по» с дат. пад. имеем в «Слове о законе и благодати» Илариона: «... исходящей в море и плавающей по нему» (Иларион, стр. 63).

Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемъ? — К сочетанию *рыкають акы тури* имеем параллели с XI в.: «Акы лев ходитъ, рикая, ишта ксго пожъреть» (Изборник Святослава 1073 г.: Срезневский, III, 122); «они послании... рикающе акы зверие дивии» (Житие Бориса и Глеба: там же). Как в «Слове», глагол «рыкати» с XI в. встречается в сравнении с дикими зверями. Ср. в Псалтыри: «... яко лев рикая» или без сравнения: «... рыках от въздыханія сердца мсего» (Амфилохий, I, стр. 121, 244). — *на полѣ незнаемъ* — см. выше, стр. 76.

Вступита, господина, въ злата стремянь за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буге Святславлича! — *Вступита... въ злата стремянь* — см. выше, стр. 74—75. — Обращение «господине» (ср. то же в плаче Ярославны) имеем в плаче владимирцев по Андрее Боголюбском: «Ужели Киеву поеха, господине, в ту церковь...» (Ипат. лет., 1175 г.). Это обращение начало употребляться по отношению к князю на северо-востоке с середины 70-х годов XII в. До этого так называли владельца холспов, хозяина закупов (Русская Правда). На юге термин «господин» привился в Галичине, где также шла борьба за сильную княжескую власть. Владимир Галицкий так обращается к Всеволоду Суздальскому: «Отче господине» (Ипат. лет., 1190 г.). Уже в XIV—XV вв. термин «господин» вытесняется новым — «государь» (Д. С. Лихачев. Общественно-политические идеи «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. VIII, 1951, стр. 25—26). — *за обиду сего времени, за землю Русскую* — см. выше, стр. 87. — *за землю Русскую* — этот призыв постоянно звучит в летописи XI—XII вв. в рассказах о борьбе с внешними врагами. — *за раны Игоревы*. — В этом контексте слово «рана» имеет значение «поражение» (Срезневский, III, 69), например: «Прогнаша их, давши им рану немалу» (Новг. I лет., 1298 г.).

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ. — *Галичкы* — «и бысть к Ярославу Галичкому вестъ» (Ипат. лет., 1153 г.); «преставися Галичкий князь Ярослав» (там же, 1187 г.: Словарь, 1, стр. 154). Свод толкований эпитета «Осмомысл» дан В. Н. Перетцем (Перетц, стр. 276—277). Ф. И. Покровский предложил объяснить этот эпитет как обобщение «восьми наиболее важных забот, которые за-

нимали кн. Ярослава в его государственной деятельности» и которые перечислены в «Слове»: «Подпер горы Угорскыи... заступив королеви путь... затворив Дунаю ворота... меча бремены... суды рядя... грозы твоя по землям текут... стреляеши с отня злата стола салтани за землями» (Ярослав «Осмомысл». — Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского, СОРЯС, т. 101, № 3, стр. 199—202). — *высоко сѣдиши... на столѣ.* — У Флавия римский цесарь «седе на висоце престоле» (стр. 295); «сѣтворену ему бывъшо високу престолу» (стр. 434); и сам этот престол «златой» (стр. 243, 245); «на столе седить отчи» (Чтение о Борисе и Глебе: Срезневский, III, 891); «седе на столе Кыеве» (Новг. I лет., 1113 г.). С такими же определениями «высок» и «злат» «стол» — «престол» встречается и в учительной и житийной литературе: «Князи на висоце столе седяше» (Златоуструй XII в.); «сед... на столе злате» (Деяния апостолов: Срезневский, III, 517). — *златокованнѣмъ* — «златосѣкованую трубу» (Минея 1097 г., ноябрь, стр. 363), «златокованныя трубы» (Моление Даниила Заточника: Срезневский, III, 1004); «50 поясов златокованных» (Девгениево деяние, стр. 153). В сборнике поучений XV в. — «златокованна престола» (цит. по кн.: Перетц, стр. 277). Этот пышный образ имел опору в действительности: «Кремль Галича, где находилась и резиденция Ярослава Осмомысла, был расположен на высоком холме, а эпитет «златокованный» вместо обычного «злат» подчеркивает не только политическое значение Галицкого княжества в XII в., но и его богатство по сравнению с другими княжествами. Сила и могущество Ярослава отмечены его посмертной характеристикой в Ипат. лет. (1187 г.): «Честен в землях и славен полкы: где бо бѣшетъ ему обида, сам не ходяшетъ полкы своими... бе бо ростроил землю свою». Так расшифровывается историческая достоверность образной характеристики Ярослава в «Слове» (Д. С. Лихачев. Истор. и полит. кругозор, стр. 47).

подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плѣки. — *горы Угорскыи* — «горы великия уже прозвашася горы Угорьскыи» (Радз. лет., 898 г.). — *подперъ* — «повеле распяти его и подпрети руке ему и нозе» (Житие Кондратия XI в.: Срезневский, II, 1067). — *желѣзными плѣки* — см. выше, стр. 123.

заступивъ королеви путь — в Пов. врем. лет (Лавр. лет., 971 г.): «Се печенизи заступиша пороги», и еще ближе сочетание в переводе Флавия: «Заступи им вся пути» (стр. 356). Ср. выше в рассказе «Слова» о солнечном затмении: *Солнце ему тѣмоу путь заступаше.* — *королеви* — Галицкая летопись называет так венгерского короля: «Посла... во Угры... реки королеви», «просиша у короля Угорьского» (Ипат. лет., 1203 и 1208 гг.); «пришьдѣшо же на страны Дунаискыя королю Угърьскому» (Успенск. сб. XII в., стр. 157).

затворивъ Дунаю ворота. — Сочетание глагола «затворити» с винит. пад. имеем в переводе Флавия: «...затвориша врата граду» (стр. 170). «Затворить ворота» в языке XI—XII вв. обозначало всегда оказать сопротивление врагу. Обычно речь идет о городских воротах. В «Слове» это выражение приобретает всегда более широкий смысл: Ярослав «затворил ворота своей земли от Дуная... от стран, находящихся по Дунаю, в первую очередь от Византии, с которой Ярослав на Дунае имел смежные границы» (Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 82). В таком же смысле дат. пад. при «затворити» употреблен ниже в выражении *загородите полю ворота* — от поля, т. е. от половецв. — *Дунаю ворота* — дат. пад. принадлежности (ср. *полю ворота*) — в Поучении Владимира Мономаха: «То бо есть начаток всякому добру», «языку удержанье, уму смиренье, телу порабощенье, гневу погубленье» (Обнорский. Очерки, стр. 57, 165). В Успенск. сб. XII в.: «от съложения миру» (стр. 43); «пред двьрьми храму» (стр. 87) и т. д.

меча бремены чрезъ облаки — здесь бремены поправка, предложенная в переводе в первом издании «Слова» вместо *времены*, как читается в списках. — *Бремены* во множ. ч. употребляется в XI—XII вв. и в прямом и в переносном значении: «Отъя от бремени хръбет их» (Амфилохий, II, стр. 53); «греховными... бремены» (Миней 1096, октябрь, стр. 216); «господь... связя я (идолопоклонников) ужи неразрешимы, отяжьтениемь бремене» (Амартол, стр. 294); «воевода... ввержен в бременех в море» (Малала, кн. XIV: Словарь, 1, стр. 72); «бремены тяжькы» (Житие Феодосия Печерского: Срезневский, I, 186); «меча камень на птици, отгонит их» (Пчела, стр. 54); «меташа бо каменемь» (Ипат. лет., 1234 г.); «суличами мечюще и головнями» (Ипат. лет., 1251 г.).

суды рядя до Дуная. — Этот оттенок значения глагола «рядити» в соединении в понятие «суд» — чинить суд, судить — подтверждается примерами, где вместо «суд» стоит «тяжа» — тяжба, т. е. тоже судебное разбирательство: «По воле епископле тяжу да рядить» (Пандекты Никона в списке XIII в.: Срезневский, III, 229); «а кому с кым тяжа, суд дати» (Грамота 1264 г.: Срезневский, III, 1100). В Ипат. лет. под 1154 г. имеем тавтологическое сочетание: «А рядов всех не могу рядити».

Грозы твоя по землямъ текутъ — см. комментарий к описанию «грозы» Святослава, стр. 121—122. — Глаголы типа «течь», «лечь», «литься» с приставками в «Слове» нередко сочетаются с отвлеченными понятиями: *Боян растъкашется мыслию... тоска разлися по Руской земли... печаль жирна тече средь земли Рускыи*. В ряду этих сочетаний находит свое место и образ «текущей грозы» Ярослава. Летопись не дает примеров на такое употребление глагола «течь», но в памятниках известно применение этого глагола (и его вариантов с приставками) в общем значении «дви-

гаться», «итти»: «текущим кораблем», «духомъ горети и тещи» (Пролог XIV в.: Срезневский, III, 956).

отворяеши Киеву врата — здесь, как и в рассказе о Всеславе Полоцком, который *отвори врата Нову-граду*, сочетание применено не в обычном значении — город отворяет свои ворота, т. е. сдается, а обозначает, что завоеватель сам открывает их. Ярослав Галицкий и Всеслав Полоцкий временно захватывали Киев, о чем и напомнило «Слово» одним и тем же образом открытых ими киевских ворот. Значение «открыть ворота» — «завоевать город» имеется в Ипат. лет. в рассказе 1151 г. о нападении Боняка на Киев. Летопись сообщает, что здесь убили «Севенча Боняковича дикаго половщина», который грозился: «Хоощю сечи в Золотая ворота, яко же и отець мой». «Сечь ворота» — разбить их, т. е. захватить город. Дат. пад. *Киеву* (ср. *Дунаю ворота ... полю ворота*) имеет соответствие в языке Галицк. ев. 1144 г.: «... приближися ко вратом граду» (цит. по кн.: Перетц. К изучению, стр. 65).

стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями. — *стрѣляеши... за землями* — здесь предлог *за* обозначает «место по ту сторону чего-либо»: «...се даю... за рекою тетеревник» (Грамота 1150 г.); «томъ же лете рубоша новгородць за моремъ» (Новг. I лет., 1134 г.: Словарь, 2, стр. 93). Глагол «стреляти» без добавления «стрелами» известен с XI в.: «ни стреляти заяць» (Григорий Назианзин XI в.: Срезневский, III, 571); «печенежи... стреляюще его» (Пов. врем. лет, 968 г.: там же). Это беспредложное сочетание с винит. пад. предшествовало выражению «стрелять в кого». — *салтани* — старший пример содержится в эпизоде переяславской редакции начала XIII в. Моления Даниила Заточника, который Н. Н. Воронин определяет как заимствование «из какого-то западного или юго-западного источника, наличного в библиотеке переяславского князя»: «И те имеют честь у поганых салтанов» (Н. Н. Воронин. Даниил Заточник. — Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967, стр. 99—101). — Исследователи предполагают, что автор «Слова» слышал о начавшейся около 1185 г. подготовке к третьему крестовому походу против султана Саладина, о намерениях Ярослава Галицкого включиться в войска крестоносцев и поэтому внес в рассказ об «Осомысле» такую деталь, как указание, что он стреляет «салтани за землями», т. е. далеко (А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М.—Л., 1938, стр. 125—126).

Стрѣляи, господине, Кончака, поганого кощя, за землю Рускую, за раны Игоревы, буго Святславлича — см. выше, стр. 146.

А ты, буи Романе и Мстиславе! — О местоимении в единств. ч. при двух подлежащих см. выше, стр. 145. — *буи Романе* — «Слово» наделяет этим эпитетом именно Романа Мстиславича, которого летописец отметил следующей посмертной характеристикой: «Устремил бо ся баше на поганыя яко и лев, сердит же быст яко

и рысь, и губяше яко и коркодил, и прехожаше землю их яко и орел, храбор бо бе яко и тур» (Ипат. лет., 1201 г.). — Слово *буи* в значении «сильный, отважный» известно с XI в.: «нъ буии и крепъи он» (Григорий Назианзин: Словарь, 1, стр. 75).

храбрая мысль носитъ ваю (испр. из *васъ*) *умъ на дѣло*. — Примеры, в которых *мысль* обозначает «размышление, суждение», встречаются с XI в. (Срезневский, II, 217). Однако среди приведенных Срезневским материалов нет ни сочетания *мысль носитъ*, ни эпитета *храбрая* в применении к мысли. Но если *мысль* может «летать» (в «Слове» такой образ встречается неоднократно), то она может и «нести» *умъ на дѣло*. Аналогичные сочетания, в которых «мысль» представляется как бы вне человека, выше его, имеем и в переводной и в русской литературе: «Мысль твоя вне парит» (Златоструй XII в.: Срезневский, II, 216—217); «бых мыслию паря, яко орел паряи по воздуху» (Даниил Заточник: там же); «вознесшеся умом» (Даниил игумен). К сочетанию *носитъ... на дѣло*: «Потъснетеся на все дела добрая» (Почтение Владимира Мономаха); «тосняшетъся на великая дела» (Ипат. лет., 1198 г.).

Высоко плаваеши на дѣло въ буети, яко соколъ на вѣтрехъ ширяся. — *Высоко* — «не мыслите высоко» (Изборник Святослава 1073 г.: Срезневский, I, 451). — *плаваеши* — этот глагол употреблялся и для выражения движения мысли: «нечистый он дух и зъл, иже из человека излезша и плававшю» (Григорий Назианзин XI в.: Срезневский, II, 949). Как видим, оба слова — *высоко плаваеши* — применялись и к движению мысли, ума (ср. выше: *храбрая мысль носитъ ваю умъ на дѣло*). — *въ буети* — см. выше, стр. 137. — *на вѣтрехъ ширяся* — «ширяся по пространу веселом сердцем» (Житие Андрея Юродивого: Срезневский, III, 1596). Н. В. Шарлемань толкует весь этот метафорический образ, исходя из наблюдений над полетом сокола, который может «ширяться», т. е. парить, не двигая крыльями, когда есть течение воздуха. Термин «ширяться» сохранился в украинском языке (Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к Слову о полку Игореве. — ТОДРА, т. VI, 1948, стр. 112).

хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. — В примерах Срезневского ближе всего к сочетанию *хотя одолѣти* — «хоще тя погубити» (Чтение о Борисе и Глебе: Срезневский, III, 1390); «хотети от(ь)яти» (Грамота 1130 г.: там же); «хотя пленити» (Псковск. I лет., 1272 г.: там же). — *одолѣти* в значении «победить» постоянно в летописи XII в.; см. выше, стр. 136. — *буйствѣ* — в тексте Минеи XII в. «буйства низложи» (Минея 1096 г., октябрь, стр. 235). К оборотам *плаваеши... въ буети, въ буйствѣ одолѣти* параллели имеем в выражениях: «пребывающю же ему в хуле» (Успенск. сб. XII в., стр. 117); «служивъшю ему... в кротости» (Новг. I лет., 1188 г.: Словарь, 1, стр. 90).

Суть бо у ваю желѣзньи паворзи (испр. из *папорзи?*) *подъ шеломи Латинскими*. — Предложено немало поправок слова *па-*

порзи. Из них последней по времени является гипотеза, выдвинутая Ю. М. Лотманом, который предложил читать «паворози», как назывались завязки из ремня у латинских шлемов, причем эти завязки укреплялись железными пластинками (Ю. М. Лотман. О слове «папорзи» в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XIV. 1958, стр. 37—40). Однако при таком понимании слова *папорзи* становится непонятно, к кому относится в следующей фразе *тѣми тресну земля...* Поэтому остается более вероятной гипотеза А. С. Орлова, предложившего читать «паропци» от древнерусского «паробок» — «паробци»: в Поучении Владимира Мономаха — «научиша бо и паропци», в рассказе о смерти Андрея Боголюбского — «о паробъче» (Ипат. лет., 1175 г.; А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М.—Л., 1938, стр. 126—127). — Эпитет *жельзныи* здесь применен в том же значении, как в сочетании *жельзныи плѣкы*, — см. выше, стр. 123.

и многи страны — *Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци*. — «Из Романов, современников автора, только Роман Мстиславич Галицкий ходил на все эти народы. Именно для его войска было характерно и латинское вооружение» (т. е. шлемы латинские) (Д. С. Лихачев. Истор. и полит. кругозор, стр. 48).

сулицу своя поврѣгоша, а главы своя подклониша подѣ тыи мечи харалужныи. — «Поверзете оружие» — предложение сдаться в переводе Флавия (стр. 386); «повергшим оружие и предавшимся вам отдам живот» (там же, стр. 425). — В летописи и переводных памятниках часты упоминания *сулицу* среди оружия (примеры см.: Перетц, стр. 281). С XI в. известен и другой образ покорения, подчинения победителю: «Подъклонил есть выю свою под иго избъравъшаго и» (Пандекты Антиоха XI в.: Срезневский, II, 1058).оборот «подклонити под» имеем и в переводе Амартола: «Египетскую власть под римляны подклони» (стр. 565). В книге пророка Исаии: «Крепции ваши под мечем падут» (цит. по кн.: Перетц, стр. 292).

Нѣ уже, княже, Игорю утрѣпѣ солнцю свѣтъ. — *Игорю* — такую форму дат. пад. знает Пов. врем. лет.: «Царь посла к Игорю» (Лавр. лет., 944 г.); ср. в «Слове»: князю Игорю не быть ... слава Игорю, а рядом — с новой флексией: *Игореву князю богъ путь кажетъ*. — *утрѣпѣ* — примеры у Срезневского дают значение «ослабеть» только для состояния человека: «... утрѣпоста ми руде» (Златоуструй XII в.: Срезневский, III, 1323). — *солнцю свѣтъ* дает сочетание с дат. пад. принадлежности: «ветрѣмъ веяние» (Изборник Святослава 1073 г., л. 149 об.); «оставление греху» (там же, л. 176, но рядом: «своих грехов приобретает оставление», л. 176 об.); «помявание зѣлу» (Изборник Святослава 1076 г., л. 188 об.) и т. д. В русских памятниках такое сочетание с дат. пад. принадлежности находим с XI в.: «Отцу единосущен яко же солнцу свет» (Иларий, стр. 64).

а древо не бологомъ листвие срони. — В Паренесисе Ефрема Сирина образ опавших листьев как символ несчастья: «Буду яко сад отметнувшя своя листвия» (Барсов, III, стр. 439). — *срони* с винит. пад.: «Конь... шелом с него срони» (Переяславск. лет., 1151 г.: Срезневский, III, 815). — *бологомъ* — см. ниже, стр. 164.

По Роси и по Сули гради подѣлиша. — В «Слове» *подѣлиша* имеет то же значение, что «разделить»: половцы именно разделили между собой *гради*, а не «наделяли» ими друг друга. — Летопись употребляет термины *по Роси*, *по Сули*, сообщая о набегах половцев: «Начаша половци пакость творити по Рьси», «воева Кончак по Рси» (Ипат. лет., 1174, 1187 гг.); «взяша все города по Суле» (Лавр. лет., 1186 г.).

А Игорева храбраго плѣку не крѣсити — см. выше, стр. 116. Здесь этот возглас подкрепляет призыв выступить, напоминая о невозвратимой потере: Игоревы войска уже не будут сражаться, но жизнь продолжается — надо действовать. Таков смысл этого выражения и в летописи: «Уже мне сих не кресити» (Ярослав об убитых варягах в Лавр. лет. под 1015 г.); под 1151 г. в Ипат. лет.: «Сего нама уже не кресити» (об убитом Игоре Ольговиче).

Донъ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на побѣду. — *зоветъ... на* — «зовущим... ты на помощь» (Миняя 1096 г., октябрь, 162); «било зовыи на збор» (Пандекты Никона: Срезневский, I, 963). — *кличетъ... побѣду* — см. выше, стр. 115, 116.

Олговичи, храбрыи князи, dospѣли на брань. *Олговичи* — «послаша Олговичи», «выгнаша новгородци Олговича», «такое уведеше Олговичи» (Лавр. лет., 1138 г.). — Слово *dospѣли* встречается с 992 г.: печенеги, вызывая русского воина на поединок, говорят: «Не ли мужа? Се наш dospѣл» (Лавр. лет.). Летописи XII—XIII вв. постоянно пользуются словами «dospѣвать», «dospѣть» в этом значении: «Всеволод нача dospѣвати», «dospѣвайте вси доколе реки ся установять», «Изяслав ти уже dospѣвает» (Ипат. лет., 1146, 1147, 1149 гг. и т. д., ср.: Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 63). Глагол «dospѣвати» может сочетаться с предлогом «на»: «Изяслав... нача dospѣвати на Ярослава» (Ипат. лет., 1153 г.: Срезневский, I, 710). — *на брань* — «устремился на брань» (Александрия, стр. 48); «веля ему ни излазити на брань» (Лавр. лет., 980 г.); «гнав и укрепле е на брань» (Ипат. лет., 1151 г.). В построении обращения к «буй-Роману» — Роману Мстиславичу Галицкому, который действительно совершал походы на перечисленные в «Слове» народы, и к его союзнику Мстиславу (по мнению Д. С. Лихачева, Ярославичу Пересопницкому или Всеволодичу Городенскому: Истор. и полит. кругозор, стр. 48), есть одна синтаксическая особенность. Автор ведет изложение то в единственном, то во множественном числе. По-видимому, главным организатором победоносных походов на соседей был Роман Мстиславич Галицкий, и потому автор, забывая иногда о его союзнике, ведет рассказ в единственном числе. Исходя из этой черты построения

всего обращения к этим князьям, можно предположить, что дальнейший призыв адресуется не Игорю, а именно Роману и что знаки препинания должны быть расставлены следующим образом: *Нъ уже, княже (Роман), Игорю утрѣпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвие срони: по Роси и по Сули гради подѣлиша. А Игорева храбраго плѣку не крѣсити. Донъ ти, княже (Роман), кличетъ и зоветъ князи на побѣду.* Если бы автор обращался к Игорю — *нъ уже, княже Игорю... Донъ ти, княже (Игорю), кличетъ*, он должен был бы сказать между этими двумя обращениями — *а твоего храбраго плѣку не крѣсити.* Таким образом, предполагая, что вся вторая часть обращения напоминает Роману о судьбе Игоря и его войска, о набеге половцев — *Игорю утрѣпѣ свет солнца, его полк уже не воскресить, и Донъ вместе с вторым зовет князи*, т. е. уже обоих союзников — Романа и Мстислава, *на побѣду.*

Инъгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславици не худа гнѣзда шестокрилиц! — Соответствие этих имен истории Волини разъясняет Д. С. Лихачев (Истор. и полит. кругозор, стр. 48—49). Литературную параллель к слову *шестокрилиц* дает Изборник Святослава 1076 г. (л. 260 об.): «Шестокрильцьмъ лица закрываюштем». В переводной учительной литературе XI—XIII вв. близкие слова «шестокрилат», «шестокрильнии» — обычные определения «серафимов» (там же, 1561). Но есть и реальная основа для появления слова «шестокрильци» как эпитета храбрых князей, причем эта основа напоминаетсѧ добавлением разъясняющих слов — *не худа гнѣзда.* В «Слове» обычно сопоставление князя с соколом — охотничьей птицей. Род волинских князей — их гнездо, ср.: *Ольгово хороброе гнѣздо*, а в речи Святослава сокол *не дасть гнѣзда своего въ обиду.* Н. В. Шарлемань пояснил, что «весь летательный аппарат сокола состоит как бы из шести частей» (Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к Слову о полку Игореве. — ТОДРЛ, т. VI. 1948, стр. 113). Возможно, что тем же путем в «юнацких» песнях болгар и сербов возник эпитет «шестокрилец», прилагаемый к имени богатыря Рельо (см.: Н. М. Дылевский. Лексические и грамматические свидетельства подлинности Слова о полку Игореве. — Слово2, стр. 191). В 1948 г. Марк Шефтель (La Geste, стр. 133) указал, что в демотическом греческом языке, как и в новогреческом, слились названия рипид, изображающих шестикрылых серафимов, с именем сокола. В переносном смысле такой сокол обозначает человека, отличающегося быстрыми движениями и большой энергией. А. В. Соловьев добавляет (Восемь заметок к Слову о полку Игореве. — ТОДРЛ, т. XX. 1964, стр. 371), что слова «шестокрил», «шестокрильць» обозначали в древнерусском, как и в новогреческом (а вероятно, и в болгарском и сербском), одинаково библейского серафима, быстрого сокола и, наконец, быстрого удалого витязя. А. В. Соловьев сопоставляет с таким толкованием выражение «Повести о разорении

Рязани»: «Сии бо люди крылатии и не имеющие смерти». За древность слова *шестокрилци*, по указанию А. В. Соловьева, говорит самая его форма: в XVIII и XIX вв. в таком сложном слове «гласная при основе на *-ть* непременно будет *и* или *е*» (отсюда «шестикрылый серафим» у Пушкина), «между тем в тексте „Слова“ стоит древняя форма, типичная для церковнославянского языка», — *шестокрилци*. Справка Н. В. Шарлеманя о шести крыльях сокола объясняет, почему автор «Слова» — отличный знаток соколиной охоты — воспользовался книжным образом, обозначающим и церковного серафима, а в живом греческом языке его времени и сокола — отважного витязя. — *Худа* в применении к понятию «род» (в данном случае *гнѣздо* — род) встречаем в переводных памятниках старшего периода: «... не худ еси в тысушах Июдовах» (Кирилл Иерусалимский по списку XIII в.: Срезневский, III, 1418); Пчела противопоставляет «славных граждан» «худым» (там же); «род отьца моего худ есть» (Флавий, стр. 220). Но и в прямом смысле, в применении к птицам, определение «худой» известно, например, по Поучению Владимира Мономаха: птицы «и сильныя и худыя идут по всем землям».

Не побѣдными жребии собѣ власти расхытисте! — Эта фраза вызывала сомнения у исследователей: в том виде, в каком она читается в первом издании, она обозначает, что князья волынские получили власть законным путем, а не войной — «победой». Но глагол *расхытисте* имеет оттенок значения тот же, что глагол «въсхытити» — «похитить, захватить». Возможно, поэтому предлагают внести поправку и восстановить будто бы пропущенное при переписке «ли»: *Не побѣдными ли жребии*, т. е. не войной ли. Опыту для такой поправки могут дать известия о том, что волынские князья не раз получали военную помощь от «ляхов» в своей борьбе с киевскими и галицкими князьями (Д. С. Лихачев. Истор. и полит. кругозор, стр. 48—49). Очевидно, нужны специальные исследования истории княжения названных в «Слове» волынских князей, чтобы решить вопрос о том, есть ли необходимость вносить поправку в данном тексте первого издания. — «Непобѣдный» в значении «не военный» находим в языке гимнографии — Минея 1095 г.: «Непобѣдными оружиими приобряжься, верою и надежею», «своя душа спасл... непобѣдно» (сентябрь, стр. 061, 0165 — в обоих случаях образ составляет часть обычной в гимнографии метафоры святой — воин Христов). — Сочетание *власти расхытисте* имеет аналогию у Кирилла Туровского: он упрекает монахов, «бес страха божия живущих», «земныя части и власти о собе въсхитающа» (Еремин, т. XII, стр. 356). — «Власть» в значении «область»: «Ти же на 4 власти разделиша Июдею» (Амартол, стр. 197), «и истреби вся власти ты» (там же, стр. 344); «многи же церкви созда по власти своей» (Лавр. лет., 1212 г.); «начаша ему стужати, хотяще власти ов сея, ова же другие, сеи же смиряя их, раздавая власти им» (Радз. лет., 1093 г.).

Кое ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкии и щиты? — Вопросительное кое имеем в переводных памятниках: «Кое суть ваши бози?» (Супрасльск. рук. XI в.: Перетц, стр. 284); в Палее по списку XV в.: «Разбери, кое отроки и кое девици» (там же). В летописи: «Олег... рече: Кое есть конь мый?» (Радзив. лет., 912 г.); «братья вси со мною суть. А кое есть Андреевичь Володимир и Ярослав и Давыд?» (Ипат. лет., 1169 г.). В вопросе «Слова» обращает на себя внимание определение сулиц — «ляцкии». По мнению Д. С. Лихачева, здесь автор, имея в виду польское происхождение волинских Мстиславичей (по матери они были внуками польского короля Болеслава Кривоустого), намекает одновременно и на ту военную помощь, которую получали волинские князья из Польши (Истор. и полит. кругозор, стр. 48—49). — *Сулицы* — упоминаются в русской и переводной литературе с XI в. В Житии Бориса и Глеба Нестора убийцы вооружены сулицами (примеры: Срезневский, III, 616—617).

Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русскую, за раны Игоревы, буго Святъславлича! — Исходным для создания поэтического образа-метафоры *загородите полю ворота* явился военный термин «затворити ворота», т. е. решить не пустить в город осаждающего его противника. Термин этот был настолько привычным, что часто летописцы ограничивались одним глаголом: «затворися в городе» (Ипат. лет., 1175 г.) или «затвори все кыяны» (там же, 1174 г., см. примеры: Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 80). Противоположный смысл имело выражение «отворити ворота», т. е. сдать врагу. На почве этого термина создалось расширенное значение слова «ворота» — вход, который может быть открыт и закрыт, хотя бы настоящие ворота его не охраняли. Такое расширенное значение мы встречаем в рассказе Ипат. лет. о походе Игоря. Узнав о разгроме русского войска, Святослав горестно упрекает князей: «Не воздержавше уности, отвориша ворота на Русскую землю», т. е. открыли путь половцам, которые теперь, как пишет автор «Слова», *по Руской земли прострошася акы пардуже гнѣздо*. В начале рассказа автор применяет глагол того же корня, но с другой приставкой, изображая, как русские войска закрыли собой путь на Русскую землю: *Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша*, и дальше еще раз повторяется тот же образ: *дети бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии Русичи преградиша чрълеными щиты*. Таким образом, замена глагола в призыве к защите границы со степью не была в художественном языке «Слова» случайной: взывая о помощи к князьям, он мысленно представлял себе реальную картину — великие поля, перегороженные чрълеными щитами храбрых русичей.

Уже бо Сула не течеть сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. — «Сребренный» в данном случае (как

и в сочетаниях на *сребренныхъ брезвхъ* Донца, *сребрении съдинѣ* (Святослава) дает не отмеченное Срезневским значение этого слова, сопоставляющее с серебром разные предметы (речные струи, берега, волосы) лишь по цвету, — «серебристый» (Срезневский, III, 337, 481). — оборот *Двина болотомъ течеть* имеет параллель в Троицком сборнике XII в., где находим: «Болото иже не течет» (Срезневский, I, 146). Русская форма болото известна в XII в. летописи: «Бяху болота пришли» (Ипат. лет., 1144 г.); в «Слове о погибели Русской земли»: «Литва из болота на свет не выныкиваху» (Словарь, 1, стр. 60). Этот эпизод дает исторически точное описание обстановки, сложившейся после поражения войск Игоря: на границе с «полем» — *по Роси и по Сули половцы гради подѣлиша*, войска Кончака кинулись прежде всего к Переяславлю, и на литовской границе Двина предвещает бедствия Полоцкому княжеству. Символическая картина лаконично напоминала современникам о тяжелых последствиях битвы на Каяле. оборот *течеть... подѣ кликомъ поганыхъ* — см. выше, стр. 143.

Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломи Литовскыя. — Отчество *Васильковъ* в летописи известно с XI в.: «Василкову волость», «брат Василков», «Василковы вои» (Лавр. лет., 1097 г.). С приставкой «по» глагол «звонити» отмечен Срезневским (II, 1086) лишь в значении «звонить в колокол». В переводе Флавия мы находим близкий глагол в таком же сочетании: «позвене оружие его», однако смысл этого выражения иной, чем в «Слове»: Изяслав звоном своих мечей о шеломи Литовскыя *притрепа славу дѣду своему Всеславу*, тогда как в рассказе Флавия неосторожным движением вызванный звук оружия вернул бежавших было противников (стр. 403). Образ битвы, созданный в «Слове» представлением о звоне мечей о вражеские шеломи, напоминает одну из деталей описания битвы Игоря с половцами: *Ту ся саблямъ потручяти о шеломи Половецкыя* и особенно близок к изображению боевой удали Ярѣ-Тура Всеволода, гремящего *о шеломи мечи харалужными* (ср. выше символическое предвещание битвы: *Быти грому великому*). В последнем выражении та же синтаксическая конструкция: глагол с творит. пад. орудия, связанный предлогом «о» с дополнением-предметом, на который направлено действие. Исследователи «Слова» не раз отмечали, как много в нем образов звучания, — в их ряду занимает место и звон мечей, переданный глаголом с одной из часто встречающихся в этом памятнике приставок «по» (см. стр. 110). «Звон» автор «Слова» использует и в переносном значении: *звонячи въ прадѣдную славу.* — *острыми мечи* — «острый мецю» (Ипат. лет., 1217 г.).

притрепа славу дѣду своему Всеславу (ср.: *разшибе славу Ярославу... Ищучи себе чти. а князю славѣ*). — Имеется в виду воинская слава, почет, как в летописных сообщениях: под

1178 г. — «примше от бога на поганья победу славою и честию великою»; под 1251 г. — после победы князя «придоста со славою на землю свою» (Ипат. лет.). О сочетании «искати славы» см. выше, стр. 67. — Глагол *притрепа* в данном случае Л. А. Булаховский предлагал переводить с положительным оттенком значения: «Изяслав поддержал своей борьбой славу своего предка, но погиб, сражаясь, и образно, с горькой иронией, поэт говорит о нем как „приледеянном“, — уложенном с женой на кровать литовскими мечами» (Слово₁, стр. 153). Однако позднее исследователь отказался от такого толкования эпизода и вернулся к предложенному в «Материалах» Срезневского переводу «притрепати» как «разбить», «сразить» (К лексике «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XIV, 1958, стр. 35).

а самъ подѣ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанѣ Литовскими мечи, И схоти ю (с хотию?) на кровать, и рекъ. — Предложен ряд поправок к этому явно испорченному месту (см.: Перетц₁, стр. 286—287). — *чрълеными щиты* — см. выше, стр. 79. — *на кровавѣ травѣ.* — Примеры на слово «трава» идут с XI в. (Срезневский, III, 984). — *кровавѣ* — с XI в. в разных сочетаниях: «десницу крѣваву», «крѣвав муж» (Срезневский, I, 1338). — Сочетание *притрепанѣ Литовскими мечи* сближается с описанием разгрома половцев Святославом, который их *притрепаль* (исправлено из *притрепеталь*) своими сильными плѣкы и харалужными мечи.

Дружину твою, княже, птиць крылы приодѣ, а звѣри кровь полизаша. — В библейской части русского перевода Хроники Амартола есть близкая параллель. После коварного убийства Науфея пророк Илия предсказывает Ахаву: «Зане убил еси и наследил землю, идеже полизаша пси кровь Науфееву, ту полижють пси кровь твою» (стр. 178). Но автор «Слова», сохранив самый оборот речи, изменил его смысл: вместо унижения, поругания трупа «псами» в библейской цитате, в «Слове» птицы и звери как бы охраняют убитую дружину, поэтому-то вместо «псов» и названы *звѣри*. — *птиць крылы приодѣ*: — «гребцы стояху яко мглоу преодеани» (Мансикка. Житие Александра Невского. СПб., 1913, стр. 113); «многим правдивием приодена» (Амартол: Срезневский, II, 1442).

Не бысть ту брата Брячеслава, ни другаго — Всеволода, единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра гѣла чресъ злато ожерелие. — Оборот *не бысть ту* имеется в евангельских текстах XI—XII вв.: «Исуса не бысть ту» (цит. по кн.: Перетц₁, стр. 287). — *изрони* — см. выше, стр. 135. — *жемчюжну душу.* — Душа уподобляется жемчугу в тексте Хроники Амартола, однако русский переводчик перевел греческое «маргарон» более привычным ему названием жемчуга — «бисер»: «Свое же естество душевное видя яко бисер блестящесе» (стр. 440). «Таким образом, выражение *изрони жемчюжну душу* не только книжного происхождения, но

навеяно средневековыми представлениями о душе, как чистой, блестящей жемчужине» (Д. В. Айналов. Замечания к тексту «Слова о полку Игореве». — Сборник к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. М.—Л., 1934, стр. 177—178). — *Злато ожерелье* — сочетание, встречающееся в русском переводе Хроники Амартола: здесь упоминаются вельможи, «злата ожерелья на выи носяще» (стр. 425). А. В. Арциховский определяет *злато ожерелье* как оплечье одежды русских князей (А. В. Арциховский. Одежда. — В кн.: История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1951, стр. 247). Таким образом, нет надобности переводить слово «ожерелье» в тексте «Слова» — «ворот, прорез для горла в одежде» (Срезневский, II, 630).

Унылы голоси, пониче веселие. — Глагол «уныти», известный с XI в. (примеры: Срезневский, III, 1234), употреблен здесь в форме перфекта без связки, часто встречающейся в «Слове» (Обнорский. Очерки, стр. 160). Если рассматривать *унылы* как прилагательное, нарушается синтаксическая стройность сочетания двух рядом стоящих предложений. — *пониче* — «долу поничя» (Изборник Святослава 1076 г., л. 61).

трубы трубятъ Городеньскыи. — *трубы трубятъ* — см. выше, стр. 63. — *Городеньскыи* — «с Всеволодом Городеньским» (Ипат. лет., 1132 г.); «Городеньский князь» (там же, 1151 г.: Словарь, 1, стр. 171). — Звук труб здесь предупреждает о приближении врагов, как в книге пророка Иезекииля: «Стражъ ти узрит мечъ грядущий на землю, ти въструбит трубою» (цит. по кн.: Перетц, стр. 306).

Ярославе и вси внуце Всеслави! Уже понизите (испр. из *понизить*) *стязи свои.* — Поникший или поверженный стяг — символ поражения (Д. С. Лихачев, Устные истоки, стр. 72). Глагол *понизите* имеет параллель в выражении: «Буди понижен главою, высок же умъмъ» (Изборник Святослава 1076 г., л. 8).

вонзите (испр. из *вонзить*) *свои мечи верезени* — знак прекращения военных действий (Д. С. Лихачев, Устные истоки, стр. 66); «вънзи ножъ в ножъница» (Евангелие XII в., цит. по кн.: Перетц, К изучению, стр. 65). — *мечи верезени* — «и руде и нозе свои вередих» (Поучение Владимира Мономаха); «аже не зельмъ вережають, нету за то опитемьско» (Вопросы Саввы, Ильи, 1130—1156 гг.: Памятники древнерусского канонического права, ч. I. Изд. 2-е, СПб., 1908, стлб. 58).

уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ. — *выскочисте* — в данном контексте слово имеет переносное значение; примеры XI—XII вв. дают прямое значение: «выскочи из амбона» (Амартол, стр. 533); «выскочи из града» (Флавий, стр. 290). — *дѣдней* — «хлеб едучи дедень» (Поучение Владимира Мономаха). — *славѣ* — см. выше, стр. 67.

Вы бо своими крамолами начясте наводити поганья на землю Рускую, на жизнь Всеславию. — *крамолами* — см. выше, стр.

99—100. — *наводити*. . . на — сочетание «навести на», «наводити на» с винит. пад. известно с XI в.: «Не наведу руки моя на памазаника господня» (Пандекты: Антиоха XI в.: Срезневский, II, 268); «знаменья. . . бывають. . . на ню же страну владыка что хошеть навести» (Ипат. лет., 1187 г.); «наводитъ бог по гневу своему иноплеменьники на землю» (Новг. I лет., 1258 г.). — *на жизнь* — см. выше, стр. 104 (*жизнь Даждь-Божа внука*).

Которою бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи! — *кото-рою* — см. выше, стр. 99—100. — Примеры на слово *насиліе* начинаются с договора Олега 911 г., известны не только в летописном языке, но и в учительных памятниках (Срезневский, II, 330). Обычно *насиліе* сочетается с глаголами «творити», «деяти», «чинити». В «Слове» безличный оборот, поэтому глаголы, требующие назвать прямого виновника, не подходили — виноваты ведь княжеские которы. Однако, как в летописном языке, *насиліе* идет от половцев — ср.: «Пришьа есмь к вам, слышав насилье от князь» (Новг. I лет., 1210 г.).

На седьмомъ вѣцѣ Трояни врѣже Всеславъ жребии о дѣвицю себѣ любу. — О толкованиях выражения *на седьмомъ вѣцѣ Трояни* см.: Перетц, стр. 290. В Шестодневе содержится целое рассуждение на тему о том, что такое «седьмой век»: он подобен седьмому дню после сотворения мира, который Моисей «отлучи на покой и чѣсть». За ним начинается новый, «осмый век», подобный первому дню творения мира. Таким образом, седьмой, по Шестодневу, — «последний» (л. 224). «Семь» рассматривают и как эпическое число, известное и в библейских сказаниях, и в народном эпосе. — *врѣже. . . жребии*. — Этот оборот встречаем и в деловом языке XII в.: «вергутъ жеребье» — выражение, примененное в Договоре Новгорода с Готским берегом и с немецкими городами 1189—1199 г. (Срезневский, I, 861), и в литературных памятниках — «верзите жребии» (Ипат. лет., 1115 г.), «вергоша жребия» (Девгениево деяние, стр. 162), однако в книжном языке чаще встречаем «метати жребий» (примеры: Срезневский, I, 882; II, 129). Сочетание *дѣвицю себѣ любу* имеет параллель в следующем тексте перевода Флавия: «Видевше же дщерь Христофора царя именем Мариа и повелику люба има бяше» (стр. 561). Ср. в Пов. врем. лет: «Люба ми естъ речь ваша (Лавр. лет., 945 г.); то же сочетание «люба речь» под 971 и 987 гг.; «аще ли кому не люба грамотица си» (Поучение Владимира Мономаха); «Оже ти собе не любо, то того и другу не твори» (Изборник Святослава 1073 г.: Срезневский, III, 318). Ряд исследователей «Слова» убедительно предполагает, что в образе «дѣвици любви» автор представил киевский «стол», которым рискнул овладеть в 1068 г. Всеслав, освобожденный киевлянами из «поруба» и возглавивший восстание против князя Изяслава. Словами *врѣже жребии* автор подчеркивает, что не сила, не право, а случайная удача (жребий) могла добыть Всеславу *дѣвицю. . . любу* — Киев.

Тъи клюками подпрѣся о кони — у Срезневского (II, 1067) есть лишь пример на «подъпрети»: «Поведе распяти его и подъпрети руде ему и ноze» (Житие Кондратия XI в.; ср. «подъпор» — «укрепление», «подпора» в сборнике XV в.: Срезневский, II, 1066). Сочетанию *подпрѣся о* соответствует «уповаите к имени господню и опретеса о бог» (Толковые пророки XI в.: Срезневский, II, 698). — Слово «клюка» в значении «хитрость» известно с XI в. (Срезневский, I, 1230). — *о кони*. — Предположение Д. С. Лихачева, что «подпорой» для Всеслава послужили те «кони», которых для похода требовали у Изяслава киевляне и которых он им не дал («Дай... княже оружие и кони»), дает возможность не искать поправок к этому месту текста (Истор. и полит. кругозор, стр. 18—19). Всеслав дал требуемых коней и этой хитростью хоть на короткое время удержался на киевском столе. О других толкованиях *о кони* см.: Перетц, стр. 292.

и скочи къ граду Києву. — Д. С. Лихачев предполагает, что глагол «скочити» имеет здесь особый оттенок значения — указывает на незаконность захвата Киева, подобно тому как Ипат. лет. под 1223 г. рассказывает, что «пискуп Асаф» «скочи на стол митрополичь, и за то свержен бысть стола своего», — речь идет именно о наказании за захват (Истор. и полит. кругозор, стр. 18).

и дотчеся стружиемъ злата стола Киевскаго — «дасть князю пити, доткнувсь палчем в чашю» (Новг. I лет., по Комисс. списку, 1066 г.); Срезневский приводит лишь пример из «Слова» (I, 718). Обычно в значении «завладеть чем-либо, приобрести» в XI—XII вв. употреблялся глагол «добыти», в том числе и в сочетании со словом «копье»: «Тъ же град Исус Наввин сын... добы копиемъ» (Флавий, стр. 345; примеры: Срезневский, I, 684). Но Всеслав лишь ненадолго захватил Киевский «злат стол», поэтому автор и пользуется образом, который подчеркивает, что он лишь дотронулся своим *стружиемъ*, т. е., по мнению Д. С. Лихачева, древком своего копья (Устные истоки, стр. 76). Д. В. Айналов предполагал, что в данном случае «стружие» обозначает «скипетр», изображение которого есть «на русских великокняжеских золотых и серебряных монетах Владимира, Ярослава: длинный жезл с крестом поверх него, который держит великий князь у правого плеча опущенным к подножию трона своим нижним концом». О таком скипетре говорит служба Борису и Глебу XI—XII в., сообщая, что братья имели «крест в скипетра место». Скипетр — знак великокняжеской власти, но Всеслав, княживший в Киеве 7 месяцев, успел лишь «доткнуться» — дотронуться стружием-скипетром до «стола» (ТОДРА, т. II, 1935, стр. 86—87). Однако «стружие» в значении «копье» употребил в начале XII в. игумен Даниил, описывая место распятия Христа: высоту камня, на котором стоял крест, он определяет длиной «стружия» (см. подробнее выше, стр. 85—86). В летописи взятие города военной силой выражается символом — «взяти копьем»: уже под 971 г. со-

общается, что Святослав «взя город копием», «взяста копием град Всеволож» (Лавр. лет., 971 и 1097 гг.); «взяша град Рязань копьем» (Ипат. лет., 1237 г.). Но Всеслав лишь дотронулся копьем до киевского «злата стола», а не «взял» его прочно. Как и другой южанин — игумен Даниил, автор «Слова» назвал «копье» народным словом «стружие».

Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плѣночи изъ Бѣлаграда — (Александр Македонский) «скочи акы пардус с многуо силоу на вѣсточныя страны и грады» (Александрия, стр. 42); «тогда скочить хромыи яко елень» (Иларион: Срезневский, III, 389). Сравнение быстрых движений человека с прыжками диких животных, как видим, было известно в литературе с XI в. — Сочетание «лютый зверь» известно в русской и переводной литературе с XI в.: «Лютый зверь скочи мне на бедра» (Поучение Владимира Мономаха). Другие примеры см.: Словарь, 2, стр. 117—118. Лавр. лет. под 1069 г. так сообщает о ночном бегстве Всеслава: «Бывъши нощи, утаивъся кыян, бежа изъ Бѣлагорода». — *въ плѣночи изъ Бѣлаграда* — то же сочетание с предлогом «в»: «В полунощи бысть гром» (Ипат. лет., 1167 г.). Но рядом «Слово» знает и беспредложный оборот (*крычатъ тѣлѣгы полунощы. . . прысну море полунощи*). — *изъ Бѣлаграда* — «Борис Гюргевич выбеже изъ Бѣлагорода» (Лавр. лет., 1150 г.).

обѣсися синѣ мѣглѣ. — Обычное значение глагола «обеситися» — «повиснуть, обнять»: «обешюся твоеи выи» (Златоустрой до 1200 г.: Срезневский, II, 587); «обесися ей на распутии» (Мучение Феклы: там же). Но приведенные примеры дают один смысл слова — «обнять (человека)». В «Слове» очевиден другой оттенок значения — «повиснуть», но сохраняется то же сочетание с дат. пад., что А. В. Соловьев объясняет влиянием соответствующего выражения в греческих оригиналах и переводит текст «Слова» — «повис на синем облаке», предлагая в данном случае для слова «мѣгла» значение «облако» (со ссылкой на объяснение Срезневского — II, 223; А. В. Соловьев. Восемь заметок к Слову о полку Игореве. — ТОДРЛ, т. XX, стр. 374).

утрѣже вазни с три кусы — критический пересмотр всех поправок к этому испорченному чтению «Слова» дан в статье Н. М. Дылевского «„Утрѣ же возни стрикусы отвори врата Нову-граду“ в „Слове о полку Игореве“ в свете данных лексики и грамматики древнерусского языка» (ТОДРЛ, т. XVI, 1960, стр. 60—69). Автор статьи присоединяется к предложенному Р. О. Якобсоном чтению: *утрѣже вазни с три кусы* (La Geste, стр. 241—242). По мнению Р. О. Якобсона: *утрѣже* — аорист от «трѣгнути» — «урвать»; слово *вазнь* — «удача, счастье» известно с XI в. Позднее Д. С. Лихачев предложил «читать это место так: „Утрѣже вазни, съ три кусы отвори врата Нову-граду“. Перевод этого места следующий: „Урвал (захватил) счастье (удачу), в три попытки (или «с трех попыток»), отворил врата Новгороду (т. е.

заял город)“. Значение слова „кус“ — „покушение“, „попытка“ подтверждается многими языками (см.: А. Г. Преображенский. *Этимологический словарь русского языка*. М., 1958, стр. 419, 420). Однокоренной глагол „кушати“ имеет, по И. И. Срезневскому, единственное значение „пытаться“ (Д. С. Лихачев. «Возни стрикусы» в «Слове о полку Игореве». — ТОДРА, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 587).

отвори врата Нову-граду — как и в обращении к Ярославу Осмомыслу *отворяши Киеву врата* (см. комментарий, стр. 149), имеет значение «временно захватил Новгород». Об этом событии вспоминает Новг. I лет.: «Приде Всеслав и възя Новъгород, с женами и с детми... О, велика бяше беда в час тый» (1066 г.).

разшибе славу Ярославу. — С переносным значением глагола «расшибить» мы встречаемся в Минее 1096 г.: «Глас ти (святого) вещания... безбожьныя умы ращибе словъмь благодати» (октябрь, стр. 20). Летопись знает лишь прямое значение слов этого корня: «Прииде ко Пскову... пороками шибав» (Псковск. II лет., 1065 г.; см. другие примеры: Срезневский, III, 98, 1592, Перетц, стр. 294).

скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ. — *скочи* — см. выше, стр. 161. — Сопоставление с волком — см. стр. 67. Объяснения названия «Дудутки» см.: Перетц, стр. 294—295; Словарь, 2, стр. 54—55.

На Немизѣ снопы стелють головами, молотять цепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣють душу отъ гѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускихъ сыновѣ. — Эту битву Пов. врем. лет описала обычным своим воинским стилем: «И совокупишася обои на Немизе, месяца марта в 3 день. И бяше снег велик, и поидоша противу себе. И бысть сеча зла, и мнози падоша, и одолеша Изяслав, Святослав, Всеволод, Всеслав же бежа» (Лавр. лет., 1067 г.). Сопоставление битвы и убийства с жатвой, хотя и в ином, чем в «Слове», стилистическом выражении, известно воинскому стилю с XI в. в русских и переводных памятниках разных жанров. В переводной литературе изображение смерти как жатвы или как сбора винограда связано с библейской традицией. Так, в книге пророка Иоиля призыв к войне переходит в такой образ: «Спустите сръпы, яко предстоитъ имание винограду, внидете и перете, яко испльнь теск изливаются подстави». Толкование поясняет, что «виноградным иманием» здесь названа «сечь» — битва (Н. Л. Туницкий. *Книги XII малых пророков с толкованиями в древнеславянском переводе*, вып. I. Сергиев посад, 1918, стр. 41—42). В Апокалипсисе по рукописи XII—XIII в. образ жатвы—смерти развернут в картине «страшного суда», причем орудие убийства — серп: ангел взывает к «седающему на облаце» богу — «посли серп свои и пожни, яко приде час пожати, яко ише

жатва земьская», «... и пожата земля бысть». Далее является ангел «имуща сьрп остр». Толкование поясняет: «Сьрп явление есть коньцнее, и сам бо господь жатву мира сего наричаеть» (цит. по кн.: Перетц, стр. 295). Таким образом, при создании метафорической картины битвы на Немиге автор мог опираться на прочную традицию воинского стиля XI—XII вв. Лексика этой картины «Слова» также издавна известна в памятниках. С XI в. встречаем слово «сноп» в описании жатвы в прямом значении, но и переносное его употребление в воинских эпизодах нередко: «И бысть видети падающа жида, акы снопы, с забрал» (Флавий, стр. 304); «падаху с мостка в ров, акы сноповья» (Ипат. лет., 1261 г.). В Александрии есть другой образ жатвы на поле битвы: «Дарий пожинаше многы народы пръскыя, яко же на ниве класы» (стр. 65). В «Сказании» о Борисе и Глебе с жатвой сопоставлено убийство: «... не пожьнете мне от жития несъзрела, не пожьнете класа не уже съзревъша» (Жития Бориса и Глеба, стр. 41). — *Молотятъ* — «на семя рожь молотить» (Грамота митр. Киприана 1392 г.: Срезневский, III, 894). — *молотятъ чели* — это выражение в метафорическом применении находим в похвале Епифания Премудрого Стефану Пермскому, где развернута метафорическая картина земледельческих работ — от пахоты до обмолота. Стефан «яко терние востерзал еси — идолослужение от земля Перьмска, яко плугом проповедию взорал еси, яко семенем учением словес книжных насеял еси в браздах сердечных, отнюду же възрастають класы добродетели, их же яко серпом веры сынове перьмстии жнут радостныя рукояти, вяжуще снопы душеполезныя, и яко сушилом воздержания сушаще, и яко цепы терпения млатяще» (Житие св. Стефана епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Изд. Археограф. комиссии, СПб., 1897, стр. 90). Эпитетом-определением *харалужными* автор «Слова» сам сблизил земледельческое орудие с «мечами харалужными», подсказав читателю смысл метафорической картины жатвы на Немиге. — *на тоуѣ животѣ кладутъ*. — Слово «ток» как название места молотьбы встречаем в переводной литературе старшего периода: «Жатели ток съготовають» (Златоструй XII в.: Срезневский, III, 973). В «Слове» «ток» — поле битвы, где не снопы молотят, а *животѣ кладутъ*: «живот» — в значении «жизнь» см. выше, стр. 96. В летописи этому выражению соответствует сочетание «голову положити»: «Но хочу голову свою положити во отчине своеи» (Ипат. лет., 1189 г.); в учительной литературе преобладает в этом значении евангельский образ: «... кѣто душу свою положить за другы своя» (Остром. ев.: Срезневский, II, 1133). — *вѣють душу отъ тѣла*. — глагол «вѣяти» в значении «отделять» (зерно от мякины — как термин, связанный с уборкой хлеба) находим в одной из берестяных грамот, датируемой концом XIV—началом XV в.: «Виял (новгородская замена «ять» через «и») 5 кадец пшеницы» (А. В. Арциховский. Новгородские гра-

моты на бересте. Из раскопок 1952 г., М., 1954, стр. 23). В старших примерах с приставкой: «... с ячменем извеяхом» (Толковые пророки в списке XV в. — копии списка 1047 г.: Срезневский, I, 1051); в переносном значении: «Богатство неправдыне събираемо, извееться» (Изборник Святослава 1073 г.: Срезневский, там же). — Смерть в бою в этой метафорической картине представлена как отделение души от тела. Параллель к этому дает ряд выражений в переводе Флавия, которые относятся к представлению о всякой смерти, в том числе и о смерти на войне: «разлучаем душу от тела» (стр. 308), «разлучивше душа от телес» (стр. 392), «душа их железом от тела разрешается» (стр. 400), «душа от тела разлуча(е)тся» (стр. 461). В «Слове» этот привычный образ включен в метафорическую картину.

Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посъяни, посъяни костьми Рускихъ сыновъ (ср.: *Чръна земля подѣ копыты, костьми была посъяна*). — *Немизѣ кровави брезѣ*. — Форму *Немизѣ С. П. Обнорский* определяет как дат. пад. принадлежности (Очерки, стр. 165; см. выше, стр. 148). Окончание именит. пад. *брезѣ* свидетельствует о новгородской мене «ять» — «и» (Очерки, стр. 144). Потоки крови — один из постоянных мотивов боевых картин в русской и переводной литературе с XI в. В паремийном чтении о Борисе и Глебе: «... яко крови их по удолиям течаше» (Жития Бориса и Глеба, стр. 120); та же битва 1019 г. в летописи описана с помощью этого образа: «... яко по удолием крови теши». Иногда кровь течет рекой: «Реки крѣвави текутъ отъвсюду» (слово Иоанна Златоуста. См. другие примеры: А. С. Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей. — ЧОИДР, 1902, кн. 4, стр. 21—22). — *не бологомъ* — форма «болого» (ср. книжная «благо»); «... занеже ему болого де(я)л» (Е. Ф. Карский. Русская Правда по древнейшему списку. Л., 1930, стр. 40). — *не бологомъ... посъяни* напоминает библейские образы сеющего «правду» или «неправду» человека (Притчи Соломона). Ср. аналогичное сочетание с творит. пад. орудия: «...видех мъртвъць износим добръмъ покрѣвена» (Патерик Синайский XI в.: Срезневский, I, 674). — *Рускихъ сыновъ* — это название русского народа читается в Хождении игумена Даниила: «Вся дружина моя, Русьсьти сынове» (стр. 136); «сию (Ольгу) бо хвалят Рустие сынове» (Лавр. лет., 969 г.).

Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше. — Такое сближение глаголов «судити» и «рядити» имеем во вкладной конца XIV в.: «Судити и рядити игумену» (Срезневский, III, 230). В летописи «рядити» может стоять непосредственно вместе с сообщением о распределении городов: «А и-Суждальскон ти земле Новагорода не рядити, ни волостии ти не роздавати» (Договор Новгорода с Ярославом 1264—1265 г.: Срезневский, III, 229). Обращает на себя внимание сочетание глаголов «судити» и «рядити» с дат. пад. «судити кому». Точную параллель к сочета-

нию «Слова» *людемъ судяше* дает формула, которой в русском переводе Хроники Амартола начинаются три главки из короткого пересказа библейской «Книги судей»: Иуда и Илий «сужаше людемъ», Самоил «суди людемъ» (Амартол, стр. 113, 121, 125). В деловом языке уже в конце XIII в. отмечен глагол «судити» с род.-вин. пад. — судить кого: «Ни холопа, ни робы. . . не судити» (Договорная грамота Новгорода с Михаилом Ярославичем 1307 г.: Срезневский, III, 597); «судил есмь Биреля с Армановичем» (Грамота около 1284 г.: там же, III, 598); известен также оборот «судити межи собою», «между ими» (примеры: Срезневский, III, 598). Но в литературном языке в XI в. встречаем сочетание с дат. пад.: Владимир Мономах в Поучении советует: «. . . судите сироте»; у Кирилла Туровского: «. . . придетъ судить мирови», «суди земли». Так и в переводной литературе — в Остром. ев.: «. . . сужду миру» (Срезневский, III, 599); в слове Григория Назианзина XI в.: «Не суди судящимъ» (см. другие примеры: Срезневский, III, 598—599). Каковы бы ни были оттенки значения глагола «судити» в приведенных примерах, их сближает сочетание его с дат. пад. со «Словом», которое усвоило синтаксический оборот литературного, а не делового языка, где, как в современном языке, предпочитался родит. пад. — судить кого. — *людемъ* в данном контексте обозначает «народ», противопоставленный княземъ. В таком значении «люди», «людие» находим в переводной литературе с XI в. (Остром. ев.), в летописи начиная с договоров с греками: «Да запретити князь людемъ своимъ приходящимъ Руси», «от Игоря великаго князя. . . и от всякоя княжья и от всьех людии Руския земля» (договоры 907 и 945 гг.: Срезневский, II, 92); «моляшесь (Ольга) за сына и за люди» (Лавр. лет., 955 г.); «седше думати с дружиною или люди оправливати» (Поучение Владимира Мономаха; см. другие примеры XI—XII вв.: Срезневский, II, 91—92). — «Рядити» в «Слове» сочетается, как в литературном и летописном языке XI—XII вв., с вин. пад.: «Идольская капища святителем. . . рядити» (Амартол: Срезневский, III, 229); «нача рядити полк отца своего» (Лавр. лет., 1151 г.: там же).

а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше. — Примеры на глагол «рыскати» идут с XI в.: «Скоро риштуштааго остра о течении глаголетъ» (Изборник Святослава 1073 г.: Срезневский, III, 123); «яко человеци рищуше беси» (Лавр. лет., 1092 г.); «ногы бо их на злобу ришутъ» (Паремийник Григоровича: Перетц, 298). — *влъкомъ* — см. выше, стр. 88 (*Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ*).

изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя. — Определение времени по пению «кура» постоянно и в церковной литературе по примеру евангельского выражения: «. . . прежде даже кур не възгласитъ три краты» (Остром. ев.: Срезневский, III, 1379); ср. в Изборнике Святослава 1073 г.: «. . . до куряго възгласения. . .

с вечера доже и до петия курья бѣдѣште» (л. 195 об.); в Житии Иоанна Златоуста: «... даже и до кур» (цит. по кн.: Перетц, стр. 298); в Ипат. лет.: «... бысть убо к куром» (1152 г.). Определение времени с помощью предлога «до» находим в Поучении Владимира Мономаха: «... днем есмь переездил до вечерни». — *дорискаше* — примеры сохранились на глагол «рыскати» без приставок, см. выше, стр. 165.

великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше. — В Пов. врем. лет сообщается под 980 г.: «... постави... Перуна древяна... Хърса, Дажьбога и Стрибога» (Лавр. лет.). «Хорс» упоминается в числе восточнославянских богов в «Памяти и похвале Владимиру» и в русском списке XII в. Хождения богородицы по мукам (Срезневский, III, 1426). О различных толкованиях этого имени см. статью В. Ф. Ржиги «Слово о полку Игореве и древнерусское язычество» (Slavia, г. XII, 1933—1934, s. 3—4 Pгаһа, 1933—1934, стр. 431, прим. 2). Всеслав *въ ночь влъкомъ рыскаше* — и здесь автор «Слова» употребляет не глаголы «перебегати, пребрещи», а тот же глагол «рыскати», но с приставкой, уточняющей смысл. Срезневский приводит примеры разных сочетаний слова «путь» с глаголами, но среди них нет ни одного близкого по значению «прерыскати»: «путьмь поидоша, отидоша, указать путь, путь заступать, отнять» (II, 1735—1736).

Тому въ Полотскѣ позвониша заутреню рано у святыхъ Софеи въ колоколы, а онъ въ Киевѣ звонъ слыша. — *заутреню* — это название утренней службы известно с XI в., но среди примеров у Срезневского (I, 956) нет содержащего сочетания «позвонити заутреню». В Сказании Антония Новг.: «В колокола латыни звонят» (Срезневский, I, 1257). Беспредложному сочетанию *позвониша заутреню* соответствует в Новг. I лет. под 1418 г.: «Начаша звонити на Ярославле дворе вече» (Срезневский, I, 964). Примеров, где *звонъ* обозначал бы именно колокольный звук, Срезневский не дает, самое же слово отмечено в Житии Андрея Юродивого (I, 964).

Аще и вѣща душа въ дрѣзѣ (испр. из *друзѣ*) *тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше.* — *вѣща душа* (ср. *вѣщици Бояне ... вѣщици прѣсты*) — прозвище Олега «вещий» (Радз. лет., 907 г.); в библейском языке: «Очи твои вѣща голубине» (Песнь песней: Срезневский, I, 503). — *дрѣзѣ* — «дрѣзых не съпалил еси» (Миня 1096 г., октябрь, 78). В Лавр. лет. (По Академ. сп.) под 1216 г.: «Новгородци и смоляне дерзи к боеви»; в Ипат. лет. под 1172 г.: «перяславѣци же дерззи суще»; «душа ваша дрѣзы сътвори» (Александрия, стр. 80). — *бѣды страдаше* — «бедне стража» (Остром. ев.: Срезневский, I, 216); «ничьсо же бедовѣна пострадавѣше» (Пандекты Антиоха XI в.: Срезневский, I, 215). — *бѣды* во множ. ч. часто в литературе XI—XII вв. Близкие к «Слову» сочетания находим в Хронике Манассии: «... пострадавшу беды тѣшкия», «беду пострадает» (Богдан, стр. 64, 124). Очевидно, это

выражение входило в фразеологию древнеболгарского литературного языка и использовалось при переводе с греческого языка. — Конструкция всего этого эпизода — *Аще и . . . нъ* — находит соответствие и в переводной и в русской литературе XII в.: «Аще и преставися от нас пастырю добрыи, нъ не отъступи от нас духомъ» (Стихирарь XII в.: Словарь, 1, стр. 40). Ближко повторяется эта цитата в житии Феодосия Печерского: «Аще и тельмъ отхожу от вас, но духомъ присно буду с вами» (Успенск. сб. XII в., стр. 92); «аще и поляне звахуся, но словеньскаа речъ бе» (Радз. лет., 898 г.).

Тому вѣщеи Боянъ и прѣвое припѣвку, смыслении, рече. — Определение *смыслении* известно с XI в. в разных жанрах: во введении к Пов. врем. лет находим «мужи мудри и смыслени»; в списке XI в. Толковых пророчеств: «Съмыслении людие съмыслять много», а в Изборнике Святослава 1073 г.: «притѣча съмыслыныя» (обе цитаты: Срезневский, III, 757—758). — *прѣвое* в значении «прежде» встречаем во введении к Пов. врем. лет: «Погибоша еюптяне от Моисея, а первое быша работающе им». В Договоре Игоря с греками 945 г.: «. . . яко же есть установлено первое» (Срезневский, II, 1762). — Слово «припевка» имеет в старшем периоде соответствие в глаголе «припевати» и существительном «припение», которые встречаются в переводе Амартола (Срезневский, II, 1450).

Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути. — Полную параллель к этой «припевке» Бояна дает поздний список Моления Даниила Заточника, на который ссылался Ф. И. Буслаев (Очерки народной словесности и искусства, I, СПб., 1861, стр. 37): «Не процвете часть моя. Поведяху ми, яко той ести суд божий над мною, и суда де божия ни хитру уму, ни горазду не минути». В собрании рукописей Буслаева этот список отсутствует. Но есть ли этот эпизод Моления свидетельство знакомства его редактора-переписчика со «Словом»? В. И. Даль среди пословиц раздела «Бог — вера» помещает очень близкий вариант «припевки» Бояна: «Ни хитру, ни горазду, ни убогу, ни богату суда божьего не миновать» (Пословицы русского народа. М., 1957, стр. 38). Многочисленные примеры на слово «хытра» в значении «разумный, искусный» встречаются в разных жанрах с XI в. (Срезневский, III, 1430—1431). — В том же значении «искусный, умелый» встречаем и слово «горазд»: «певецъ гораздый» (Ипат. лет., 1137 г.); «горазд бысть вълшвеным прельщениемъ» (Амартол: Срезневский, I, 553). — «Судъ божий» как обозначение высшего, неотвратимого суда над человеком, — выражение, в XII в. встречающееся в летописи: «Убоявся суда божия», «мы идем на суд божии» (Ипат. лет., 1137, 1151 гг. и даже «божиим судом летеста две городници» 1185 г.); «суда божия не убежу» (Житие Бориса и Глеба; Словарь, 1, 56). В переводе Амартола — «божии суд на нем бысть» (Срезневский, III, 606).

Часто прибегает к этому обороту переводчик Флавия: «Лукавство не может убежати от божиа суда» (стр. 437), но он нередко пропускает определение «божия»: «Не възможно человеком суда убежати», «судом постижен бысть, его же никто же не может убежати, смертен сый» (стр. 422, 403). Так со «Словом» совпадает мысль о неизбежности «суда» — «суда божия»: «како ты избежиши ли суда божия» (Апостол, цит. по кн.: «Перетц», стр. 295). — *минути*: «Да не минеши его» (Исход по сп. XIV в.: Срезневский, II, 144); «ти и 12-те месяцема 12-те зодии минеть» (Иоанн, экзарх болгарский: там же); «и человека не минете, не привечавше» (Поучение Владимира Мономаха).

О, стонати Рускои земли, помянуше пръвую годину и пръвыхъ князеи! — «Стонущая» страна — образ, знакомый в литературе XII в.: «постона» Палестина в переводе Флавия (стр. 384); «о нем же Украина много постона» (Ипат. лет., 1187 г.). — *помянуше* — с вин. пад. с XI в.: «Помяну мя, господи» (Остром. ев.: Срезневский, II, 1175); «да помянешь мене» (Лавр. лет., 1097 г.: там же). — «Первый» в значении «прежний» употребляется уже в Пов. врем. лет, как и в «Слове», в отношении минувшего времени: «Не бе сего слышано в днех первых в земле Русьсте» (Лавр. лет., 1094 г.), а также в отношении к прежде бывшим правителям: «По пьрвых царев уряженью» (Церковный устав Владимира; другие примеры см.: Срезневский, II, 1766—1767). — *годину* — «се приближися година», «година мину уже» (Галицк. ев. XII в., цит. по кн.: Перетц. К изучению, стр. 66).

Того старого Владимира нельзѣ бѣ привоздити къ горамъ Киевскимъ. — Определение князя-предка словом «старый» известно еще от XI в.: в «Слове о законе и благодати» митр. Илариона Владимир Святославич назван внуком «старого Игоря». Ср. в Новг. I лет. под 1209 г.: «Вда им волю всю и уставы старых князь» (в «Слове» тот же эпитет во вступлении: *почнемъ. . . повѣсть сию отъ старого Владимира*). Большинство исследователей относят это упоминание к Владимиру I Святославичу и его многочисленным походам. — Оборот *нельзѣ бѣ* встречается в летописном и деловом языке XI—XII вв.: «Не бе лзе из града вылести», «не бе лзе внити в Киев», «не бе лзе проити порог» (Лавр. лет., 968, 971 гг. и т. д.). В Киевск. лет.: «Тем не лзе бе Изяславу поити», «не лзе на конь к тебе всести» (Ипат. лет., 1149, 1150 гг. и т. д.). В переводе Флавия часта и отрицательная и утвердительная форма этого оборота: «Не бы лзе разумети», «не преити лзе бе», «на чисто солнце не лзе възрети», «иже бе лзе не боятися» (стр. 407, 448, 371, 449 и др.; примеры из Русской Правды, Церковного устава Владимира и других памятников: Срезневский, II, 66). — *Привоздити* с вин. пад. встречаем в Житии Феодосия Печерского: «Того пути, братие, держимся, на том пригвоздим плесне и степы»; с предлогом *къ*: «к дольным при-

гвожден», «пригвождени к суетьным» (Пандекты Никона XI в.: Срезневский, II, 1390).

Сего бо нынѣ стаща стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы; нѣ розно ся имѣ хоботы пашутѣ. — Слово *хоботы* в значении «бунчуки» Срезневским не отмечено, но лежащее в основе этого значения первоначальное «хвост» подтверждается примером XII в.: «Всь бо корабль морьскыи кожа единая хобота его подъяти не можааше» (Кирилл Иерусалимский: Срезневский, III, 1377). — *ся... пашутѣ* — в значении «развезаются» в Шестодневе: «Многажди бо или ветрьникомъ или поневою пашуце, а тиху сушу въздуху, поженем, и ти вѣставивъше, створим ветры от пахания» (Срезневский, II, 891). Бунчуки у стягов, развезающиеся врозь, — символ враждебных действий, или действий, направленных в разные стороны, которые и в летописном языке выражаются словами «розно», «разно»: «Твои щит и мои не розно еста» (Ипат. лет., 1150 г.); печенеги «побегоша розно от града» (Ипат. лет., 968 г.); «половци землю нашу несутъ розно» (там же, 1097 г.). В переводе Флавия: «Начаша розно воевати» (стр. 291); «разъно сътворити» (стр. 444) и т. п. — Слова *сего бо нынѣ* подчеркивают, что их написал автор вскоре после события, представленного в этом образе врозь развезающихся знамен: в 1185 г. Давид отказался выступить со своим войском вместе с дружинами Рюрика в общий поход против половцев. Современникам такого намека было достаточно, чтобы понять, насколько важно было напомнить о тяжелых для Русской земли последствиях княжеских распрей. Потому-то и вспомнил об этой розни автор сразу после горестного восклицания: *О, стонати Рускои земли, помянувшѣ прѣвую годину и прѣвыхъ князѣи!* Это самый близкий и непосредственно связанный с неудачей похода Игоря факт из цепи княжеских «крамол» и «усобиц». Голос современника прозвучал в этом *нынѣ*. Именно потому, что совсем свежим в памяти автора был отказ Давида пойти вместе с братом против половцев, он и вспомнил Ростиславичей дважды: первый раз, похвалив их храбрую дружину, он призвал их: *вступита въ златѣ стремянѣ за обиду сего времени*, второй раз укорил за несогласие, помешавшее борьбе с половцами.

Копѣя поютѣ! — Толкования этой фразы см.: Перетц, стр. 303.

На Дунаи Ярославнынѣ гласѣ (м. б., ся) слышитѣ, зегзицею незнаемъ рано кычеть. — К параллелям из народных причитаний и песен (см.: Перетц, стр. 304—307) можно добавить из псалма 54-го книжный образ огорченного человека-птицы: «Сердце мое смятѣся в мене, и страх смерти нападе на мя, боязнь и трепет приде на мя, и покры мя тьма. И рех: кто даст ми криле яко голуби, полечю и почию». (Амфилохий, I, стр. 359—360). — *гласѣ (ся) слышитѣ* — «не суть речи, ни словеса, их же не слышатся гласи их» (Амфилохий, I, стр. 103); «яко же гласу слы-

шану быти от земли до небесе» (Изборник Святослава 1076 г., л. 270). — *Ярославнынъ* — см. выше, стр. 97. — *зегзицею* — «уподоблюся зогзице» (Даниил Заточник, стр. 107); «зогзуля в чюжи гнезда яйця своя мечеть» (Мерило праведное по списку XIV в. См. примеры на близкие слова: Словарь, 2, 121). — *незнаемъ* — «никому же незнаему священи быти» (Ефрем. Кормч. XI в.); в переводе Флавия «незнаем» встречаем в разных сочетаниях, есть и в применении к человеку: «от неизвестных некто» (стр. 168), «из иных градов приходят чюжи и неизвестии» (стр. 252). — *рано* — примеры имеются с XI в.: «Жены... бывша рано у гроба» (Остром. ев.: Срезневский, III, 70). — *кычьеть* — в апокрифических книгах есть приметы: «жаба кычьеть» (Б. Д. Греков. Киевская Русь. 3-е изд., М.—Л., 1944, стр. 325 — рукопись не указана). Слово «кычьеть» имеется в восточно- и южнославянских языках.

Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви. — *Полечю* — волхв, гадающий по полету птиц, объясняет: «Аще не движеться пта, пребыти на том месте всем; аще ли вьставши напред полетить, то всем ити, аще ли назад полетить, вьскоре вьзвратитися» (Амартол, стр. 46). — *по Дунаеви* — предлог *по* в значении «вдоль по»: «Сели суть Словени по Дунаеви» (введение к Пов. врем. лет); «по Волзе вьзяша б городък» (Новг. I лет., 1148 г.: Срезневский, II, 979). — *Форму Дунаеви* С. П. Обнорский (Очерки, стр. 150) определяет как возникшую в старшем периоде под воздействием основ на «у» и называет флексию «-ови, -еви» — «живой русской флексией» (стр. 44). В Поучении Владимира Мономаха находим такие примеры дат. пад.: «богови», «Глебови» (Обнорский. Очерки, стр. 44).

омочю бибрянъ рукавъ въ Каялъ. — К выражению *омочю* ... *въ* дает параллель уже Остром. ев.: «Посъли Лазара, да омочить коньць прьста своего в воде» (Срезневский, II, 668) или в метафорическом образе: «Не омочив языка в уме, много съгресишь в слове» (Пчела: там же). Вместо обычного перевода *бибрянъ* — обшитый мехом «бобъра» (бобра), Н. А. Мещерский (К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XIV. 1958, стр. 43—44) предложил иное значение — «шелковый», основываясь на переводных памятниках: «в ризах бибрянях» (Флавий, стр. 445) и в повести об Акире «одех и бебром и брачином», «одевша а в бебер и в бранину», чему соответствуют в сирийской, армянской и арабской версиях выражения: «Одевал его в тонкое полотно и пурпур», «одел его в виссон и пурпур», «одевал его в шлак и пурпур», «одев их в шелк и пурпур» (Акир, стр. 10—11, 132—133). Самая форма *бибрянъ*, кроме «Слова», отмечена только в переводе Флавия (примеры на «бобровый»: Срезневский, I, 124—125). — *рукавъ* встречаем в Патерике Киево-Печерском: «Свите же завязав рукава»; «рукав нижьша перст» —

признак богатой одежды в Златоусте (обе цитаты: Срезневский, III, 192).

утру князю кровавыя его раны на жестоуѣмъ его тѣлѣ — Ярослав «утре слез» (Сказание о Борисе и Глебе: Срезневский, III, 1320), «утер пота» (Лавр. лет., 1019 г.: там же). — *кровавыя... раны* — «за кровавую рану тридцать бел» (Двинская уставная грамота 1397 г.: Срезневский, III, 68). Определение *кровавыя* уточняет значение слова *раны*, так как в древнерусском языке слово «рана» обозначало и телесное повреждение вообще: «Оже ударять мужа... то 6 гривен за рану старые» (Грамота Новг. 1199 г.: Срезневский, III, 68). — *на жестоуѣмъ его тѣлѣ*. — С XI в. известно слово «тело» в русских и переводных памятниках (Срезневский, III, 1091—1092), но в сочетании с определением «жестокый» — «крепкий, сильный» Срезневым не указано; ср.: «... кѣто тако дрѣз душею или жесток» (Григорий Назианзин XI в.: Срезневский, I, 863).

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ а ркучи. — Иногда глагол «плакать» употребляется, когда дальше следует самый «плач» — причитание. Так, в житиях Бориса и Глеба и Феодосия Печерского находим «плакати» в сочетании с «глаголати», «молити». В летописи чаще в таких случаях возвратная форма «плакаться», которую применяют и жития, также в сочетании с «глаголати» (Срезневский, II, 950—951). — *а ркучи* — Псковская судная грамота: «А поидеть прочь, а ркучи тако» (Срезневский, I, 2). — *на забралѣ* — см. выше, стр. 125.

О вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычещи Хиновъскыя стрѣлки на своєю нетрудноу крылю на мося лады вои? — Д. В. Айналов сопоставляет этот эпизод с близким к нему из описания битвы «другаго дни»: «*Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плѣкы Игоревы* (Заметки к тексту «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. IV, 1940, стр. 154 и сл.). Образ крыльев ветра имеет аналогию в псалме 17-м: «И възиде на херовим и лете, лете на крылу ветрънюю» (Амфилохий, I, стр. 87). Эту цитату приводит точно в «Слове на вознесение» Кирилл Туровский: «Взиде бо, рече, на херовим и лете на крылу ветрънюю» (Калайдович, стр. 70), и тем же образом он в этом «слове» пользуется выше: «Тамо ангелскыя силы и архангелская воинства, ови облаки крылы ветреними приносять» (там же, стр. 68). В литературе XI—XII вв., в частности у Кирилла Туровского, в других сочинениях этот образ больше не встречается (Срезневский, I, 498, приводит лишь цитату из Кирилла Туровского). Наличие его в таком хорошо известном всем грамотным людям древней Руси памятнике, как Псалтырь, делает не обязательным установление связи его с крылатыми внуками бога ветров Стрибога, которых Д. В. Айналов уподобляет «крылатым ветрам греческой мифологии». «Крылья» ветра — образ, который в языке мог легко возникнуть и вне

влияния мифов, так как ветер действительно «летит», и уподобление его птице возникало естественно. В XII в., как видно из сочинения Кирилла Туровского, уже понятен был образ «крыльев ветра», которые приносят облака. — *вѣтрило* — с XI в. это слово известно в значении «парус» (Срезневский, I, 497). — *господине* — обращение к стихии с почтительным *господине* соответствует аналогичным обращениям к старшим: «Отъче и господине мой», — взывает в плаче Борис к отцу; «brate и господине», — обращается Глеб к убитому брату (Житие Бориса и Глеба, Успенск. сб. XII в.: Словарь, 1, стр. 173—174). — *нетрудною* — у Кирилла Туровского это определение встречаем в разных сочетаниях: «Едем си реч нетрудная жизнь», «нетрудный хлеб», «пищу же и оденья нетрудну сготова», ср. «нетрудно путь шествующе», «нетрудно входять в небесное царство» (Кирилл Туровский. Еремин, т. XIII, стр. 410; т. XV, стр. 341, 345, 356). В переводе Флавия: «Бысть же пришествие ихъ (войск) нетрудно и непобедимо» (стр. 453). — О форме *нетрудною* вместо *нетрудную* — см. выше, стр. 121. — *Чему* — эта вопросительная форма применяется в прямой речи летописью: «Чему еси давно не пришел?» (Ипат. лет., 1250 г.); «чему поимал еси серебро?» (Новг. I лет., 1270 г.). — *насилно вѣши*. — Наречие *насилно* Срезневским не отмечено, но с XI в. известно существ. «насилие», а Русская Правда употребляет глагол «насилити» (Срезневский, II, 330). — О сочетании *вѣтре* . . . *вѣши* см. выше, стр. 91. — Слово *стрѣлки* отмечено Срезневским лишь в значении вспышки молнии (в том же значении есть и «стрела» — III, 568) или «громовой стрелы»: «Стрелки и топори громнии нечестивая и богомерзъзкая вещь» (Новгородская кормчая 1280 г.: Срезневский, III, 569). — *мычещи* — «всяцемь бо ветромь беша языци мычещи» (Толковая Псалтырь XII в.: Срезневский, II, 215) — в этой цитате имеем то же обозначение движения ветра. О глаголе «мыкати» см. выше, стр. 117. — *лады* — см. выше, стр. 117—118.

Мало ли ти бяшетъ горѣ (испр. из *горѣ*) *подъ облакы вѣяти* — «а мало ли того дея пути не пустить тебе» (Ипат. лет., 1193 г.). — *подъ облакы* — «облак безводѣн ветромъ женеться» (Пандекты Антиоха XI в.: Срезневский, II, 516); «виде церковь у облака сушу» (Житие Феодосия Печерского: там же). — *вѣяти* — «възвеша ветри» (Остром. ев.: Срезневский, I, 345); «возвеем мудрости своя» (Даниил Заточник: там же). Примеров на глагол «веяти» без приставки Срезневский не дает: «Бурнии ветри тихо повевающе» (Кирилл Туровский: Срезневский, I, 498), но в переводе Флавия находим: «ветру веюшу», «дух тих от окьяна. . . веюшь на нь» (стр. 261, 256). — *горѣ* — в значении «высоко» и «вверх»: «Горе водамъ темъ възносимомъ» (Амартол, стр. 68); «горе несомо» (Шестоднев: Словарь, 1, стр. 169); «възведе очи горе» (Галицк. ев. 1144 г., цит. по кн.: Перецт, стр. 308).

лелючи корабли на синѣ морѣ — см. выше, стр. 66, 113. — *корабли* — слово известно с XI в. (Срезневский, I, 1283—1284): «Покрыли суть море корабли» (Лавр. лет., 944 г.); «княжь корабль разби ветр» (там же, 1043 г.).

Чему, господине, мое веселие по ковылию развѣя? — *ковылию* — примеры на слово «ковыль» Срезневский дает только из «Слова» и «Задонщины» (I, 1244). — *развѣя* — «развеяны быша разнo ветри и вихри» (Амартол, стр. 362); «и расея по тьрнию и по былью (Книга Судей, цит. по кн.: Перетц) стр. 295).

Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ а ркучи. — *Путивлю городу* — дательный места без предлога, как в летописных сочетаниях: «идох Володимерю», «посласта Берестию», «идох Переяславлю» и т. д. (Лавр. лет., 1096 г., Поучение Владимира Мономаха); «тело его принесше Вышегороду», «прибегоша Берестию», «поити с крѣсты Вышегороду» (Сказание о Борисе и Глебе, Успенск. сб. XII в., стр. 19, 23, 29); «поставлен бысть епискупьмъ Ростову городу» (Житие Феодосия Печерского, там же, стр. 63).

О Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. — Эпитет Днепра «Словутич» имеет единственную параллель в Повести о Сухане, датируемой второй половиной XVII в., где находим сочетание «ко быстру Непру Слаутицю» (В. И. Малышев. Повесть о Сухане. М.—Л., 1956, стр. 137). Однако наличие в Ипат. лет. под 1241 г. слова «словутьный» с тем же значением «славный, знаменитый» (Срезневский, III, 421) — «словутьнаго певца Митусу» — вводит и определение «Словутич» в лексику современного «Слову» языка. В основе его широко распространенный с древнейших памятников глагол «слути, слову», одно из значений которого «быть известным, знаменитым, славимым, прославляемым» (примеры: Срезневский, III, 434): «Слувши силоу» (Толковые пророки XI в.), «единомыслием словуща» (Григорий Назианзин XI в.), «словый мужьством» (Лавр. лет., 1103 г.) и т. д. Наличие такого словоупотребления объясняет и литературное «словутьный» и народное «Словутиць», т. е. сын «словутьнаго» (так толкует форму на «ич» Срезневский, III, 421). Повесть о Сухане — старший засвидетельствованный пример употребления эпитета Днепра «Словутич»; эпитет Днепра «Словута» известен в украинских думах, записанных не раньше конца XVIII—начала XIX в. (Перетц, стр. 309). В «Словаре» Н. Тупикова под 1601 г. указана фамилия «Словутич Каспар Матвеевич» (стр. 751). — *Ты пробилъ еси каменныя горы* — «Моис. . . море проби и проиде по суху» (житие Мефодия XII—XIII в.); «палицами божия веры страстьное проби море. . . путь протворяюща» (Минея 1097 г., ноябрь, стр. 318). — Сочетанию *каменныя горы* соответствует в библейском языке «в горе камяне» (оба слова известны с XI в.: Срезневский, I, 551, 1185—1186). — К обороту *сквозѣ землю* дает параллель Флавий:

«Проиде сквозе землю его» (стр. 174), ср. также Поучение Владимира Мономаха: «Первое к Ростову идох сквозе Вятичи» (т. е. область вятичей), Новг. I лет. под 1214 г.: «Иде князь Мстислав... сквозе землю Чюдскую к морю»; «сквозе» всегда сочетается с винит. пад.: «Не ходи... сквозе пустыню» (Изборник Святослава 1076 г., л. 174); «проходяше сквозе грады» (Остром. ев.: Срезневский, I, 575).

Ты лелѣял еси на свѣѣ Святослави насады до плѣку Коякова. — *Святослави* — такую форму находим в Успенск. сб. XII в.: «Володимеру сыну Святославию» (стр. 12). — Термин «носадъ» обычен в Киевск. лет. в течение всего XII века (реже — «лодия»), но в XIII в. в южных летописях заменяется термином «лодия», а в северных и северо-восточных летописях «носад» употребляется до XV в. (Срезневский, II, 328).

Възлелѣи, господине, мою ладу къ мнѣ. — Глагол «лелѣять» и производный *възлелѣи* — см. выше, стр. 66.

а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано. — оборот *а быхъ* имеет соответствие в Киевск. лет. под 1148 г.: «... а быхом ся уладили»; в Смоленской грамоте 1229 г.: «... а быша ся той правде държали в веки» (Срезневский, I, 4). — *не слала*: «Да не сълюте тамо язык богоборьници» (Григорий Назианзин XI в.), «шибения съля» (Златоструй XII в.); «своего мужа не слати» (Договорная грамота 1264—1265 гг. Все примеры: Срезневский, III, 730—731); «к Симону слати с мольбою» (Флавий, стр. 352); «Нача слати к брату» (Ипат. лет., 1159 г.). — «слезы» — здесь в значении «плач», как в письме Владимира Мономаха: «Да с нею, кончав слезы, посажу на месте» (Срезневский, III, 439).

Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! — *тресвѣтлое* — точный перевод греческого *τρίλαμπής*, употребляется часто в применении к божеству и к христианским подвижникам, но в гимнографии отсутствует сочетание его с существительным «солнце». В старшем русском списке Минеи служебной 1095—1097 гг. мы находим следующие сочетания: «тресветлая троица», «тресветлое божество», «тресветлый свет», «тресветлая заря», «тресветлая свеща» (последний образ не имеет прямого отношения к догмату троичности, он украшает общую похвалу трем подвижникам: три мученика Гурий, Самон и Авив «троици равночисльни», поэтому к ним прилагается эпитет «тресветлые»). В гимнографии мы встретим «свет тресолнечный», также «тресолнечное божество», «тресолнечная красота», «тресолнечные лучи» (сентябрь, стр. 0147, 0173, ноябрь, стр. 304, 378), но не «тресветлое солнце». Для объяснения словосочетания *тресвѣтлое солнце*, примененного в «Слове о полку Игореве», материал дает другой переводный памятник, который был хорошо знаком на Руси уже в XI в. — Шестоднев Иоанна, экзарха болгарского. Этим сочинением в XI в. пользовался Иларион, митрополит киевский, в начале XII в. и светский автор — Владимир Мономах. Шестоднев представлял происхождение небес-

ных «светильников» следующим образом: в первый день был создан «прост и несложен свет», который светил первые три дня, на четвертый «светящее сущее прѣвобывшаго света» было «вложено» в солнце, луну и звезды (л. 106) — это «телесные образы» «первобытного света» (л. 106). Таким образом, в астрономических представлениях Шестоднева была заложена идея тринности проявления единого света. Когда к имени христианского бога прикрепились метафорическое сопоставление с солнцем (христианство как солнце освещает весь мир), то следующим шагом в развитии этой метафоры явилось сопоставление «единого в трех лицах» христианского божества с тринным проявлением света. Так, в Шестодневе появился образ—метафора, выражавший христианское представление о «творце и владыке» вселенной: «Слънце праведное видим лице к лицу трѣми светы сияюще божествными собствы, единемъ же естеством» (л. 132 об.). Если мы сопоставим с этой сложной метафорой необычный эпитет солнца в «Слове о полку Игореве» — *тресвѣтлое слънце*, то увидим, что путь к созданию этого эпитета был открыт и астрономической концепцией Шестоднева, и его поэтическим языком. Вряд ли можно определенно решить вопрос о том, вкладывал ли автор «Слова о полку Игореве» в эпитет *тресвѣтлое* оттенок христианского догмата тринности божества или он отразил лишь теорию Шестоднева о трех проявлениях света, применив ее к представлению о восточнославянском боге солнца. Думается, что последнее предположение вероятнее: ведь плач Ярославны построен на народно-поэтическом приеме — на обращении за помощью к обожествлявшимся когда-то стихиям природы. Безусловно, книжный, «ученый» эпитет *тресвѣтлое* лишь подчеркивал могущество божественной силы солнца, и вряд ли древнерусский читатель вместе с автором воспринимал этот эпитет в свете христианского догмата тринности. Формально *тресвѣтлое слънце* очень близко к метафорическому образу христианского «праведного солнца трети светы сияющего», но по существу эпитет «тресветлый» не уводит непременно от понимания солнца как одного из трех, главного источника света на земле. В умелом сочетании народно-поэтического образа солнца, которое может и погубить и защитить человека, образа, выросшего еще на почве языческой, с книжным эпитетом, созданным в христианской литературе, сказался художественный такт автора «Слова о полку Игореве», мастерски владевшего обеими системами поэтической речи своего времени — народной и литературной.

Всѣмъ тепло и красно еси... — *тепло* — это слово известно с XI в. (примеры см.: Срезневский, III, 949), сочетание понятия теплоты с солнцем у митр. Илариона в «Слове о законе и благодати»: «Студеньство ношное (погибе), солнцнеи теплоте землю съгревшю» (Срезневский, III, 735). — *красно* — слово «красный» известно с XI в. (Срезневский, I, 1318), но в сочетании с «солн-

цем» имеем лишь глагол «красоватися»: «Ныня солнце красуюся к высоте въсходить» (Кирилл Туровский: Калайдович, стр. 21).

Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладъ вои? — К сочетанию *простре...* *лучю*, обращенному к солнцу, имеем параллели в языке гимнографии: «Солнце простърло есть луча»; «солнце земля луча простърл есть крестъ» (Миня 1097 г., ноябрь, стр. 423; Миня 1095 г., сентябрь, стр. 0129). — *горячую* — «тако и молитва, егда от горяча сердца будетъ» (Кирилл Туровский: Срезневский, I, 562); «возложиша на нь (на быка) железа горяча» (Лавр. лет., 992 г.).

въ полѣ безводнѣ жаждю имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче. — *въ полѣ безводнѣ* — «заблудиша в пустыни безводне» (Псалтырь, цит. по кн.: Перетц, стр. 295); «положу в безводьней земли» (Толковые пророки XI в.: Срезневский, I, 51—52); иудеи, проходя по пустыне, спешат: «Да не и сами погыбнуть безводьемъ от пустаго места того безводнаго» (Амартол, стр. 316). — *жаждю... съпряже* — «въчиню ю акы землю без воды и побию ю жаждю» (Пророчество Осии, 1047 г., цит. по кн.: Перетц. К изучению, стр. 63); «нудим жаждю» (Флавий, стр. 422). В примерах тот же творит. пад. орудия. — В данном поэтическом эпизоде «Слова» запечатлелось воспоминание о реальном факте: половцы «по 3 дни не пустили бяху» русских «к воде», и они «изнемогли бо ся бяху безводьемъ и кони, и сами, в зной и в тузе» (Лавр. лет., 1186 г.). Эта строфа плача как бы отвечает описанию готовности к бою кметей курян, у которых в начале похода были *лучи... напряжени, тули отворени* (см. выше, стр. 67). Параллельно образу *тугою... тули затче* находим: «...похоть зверем затъче зияния» (Миня 1095 г., сентябрь, стр. 017). — Литературная параллель к этому образу слабости воинов — у них луки сведены и тулы заткнуты — содержится в переводе Флавия, где иудеи говорят, что они не в силах сопротивляться римскому войску: «Слаби есмы противитя римляном, яко же и лук спряжен» (стр. 260). Такое правильное чтение сохранил Виленский список, но и его писец, видимо, не вполне ясно понимал значение слова «съпряжен», поэтому добавил от себя «или скривлян». В других списках ошибочно вместо «спряжен» читаем «напряжен», т. е. смысл сравнения искажается: лук «напряжен» (натянутый) не может быть символом слабости воинов. Отсюда вытекает вывод, что глагол «съпряжи» в данном значении к XV в. стал уже архаизмом и нуждался в замене или объяснении (см. об этой поправке и сопоставлении текста Флавия с плачем Ярославны: Н. А. Мещерский. К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. XIV, 1958, стр. 46—48).

Прысну море полунощи. — *прысну* — «прысну лютый зверь, воскочиста из ноздри его кот и кошка» (Откровение Мефодия Патарского, стр. 117); змий «яда наполни уста своя и прыскнув на святого» (А. В. Рыстенко. Легенда о Георгии и

драконе в византийской и славянорусской литературах. Одесса, 1909, стр. 32). — *полунощи* — летопись XII в., как «Слово», употребляет обе формы — славянскую «полунощи» и русскую «полуночь», причем знает и беспредложный оборот: «Сторожеве же прибегоша к нему польночи» (Ипат. лет., 1151 г.); «Греци пустиле на не 10 корабль... на Васильев день полунощи» (Новг. I лет., 1204 г. — повесть о взятии Царьграда); ср.: «Полунощи же въплъ бысть» (Остром. ев.: Срезневский, II, 1147). В «Слове», как обычно в обоих типах литературного языка старшего периода, склоняются обе части сложного слова.

идуть сморци мъглами — «солнцю присно тньчее сънимающю и съмьръчемы, ими же и облаци ся съставляють» (Шестоднев: Срезневский, III, 449); в переводе Амартола: «А еже под землею вода оста, бездына наречена бысть, из нея же яко сморци некотории испущаються источничи» (стр. 302). Форма *сморци* сохранилась в старшем списке XIII—XIV вв., позднее — «смерци» (Амартол, стр. 302, вар. 19). — *мъглами* — «облаци и мъглы от буря гоними» (Христинопольский Апостол XII в., цит. по кн.: Перетц, стр. 311). Срезневский дает примеры на слово «мъгла» лишь в единств. ч. (II, 223).

Игореву князю богъ путь кажетъ изъ земли Половецкою на землю Рускую, къ отню злату столу (ср. *Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажуть*). — У Срезневского на сочетание «путь казати» отмечено в летописи XII в. иное значение — «изгонять» (II, 1736). Но в Русской Правде (Е. Ф. Карский. Русская Правда по древнейшему списку. Л., 1930, стр. 59) есть сочетание «путь указать»: если кто-либо сбежавшему от господина холопу «укажетъ ему путь, то платити ему за холоп 5 гривн». У Кирилла Туровского читаем: «Аще не бы ты и мне пути казал, не бых тамо аз дойти могл» («Слово о слепце и хромце»; выше там же: «Ты же покажай ми путь» (см.: Еремин, т. XII, стр. 343 и 347).

Погасоша вечеру зари. — В «Слове о законе и благодати» митр. Илариона находим то же сочетание в сравнении: «Июдейство оттоле погыбе и закон по сем, яко вечерняя заря погасе» (стр. 66). Ср. в Пчеле: «Солнцю угасающю» (стр. 260). — *вечеру зари* — С. П. Обнорский (Очерки, стр. 165) определяет форму *вечеру* как дат. пад. в функции принадлежности.

Игорь спить, Игорь бдитъ. — Примеры на сочетание этих глаголов: «ни спя, ни бьдьи» (Житие Нифонта XIII в.: Срезневский, I, 197); «пребудемы убо бьдште не съпяште» (Супрасльск. рук.: там же); «да не спим... но да бдим» (Пчела, стр. 256).

Игорь мыслию поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. — В Шестодневе Иоанна, экзарха болгарского, есть близкие к «Слову» выражения: «Луны убо не мозем очима мерити, нъ мыслию», «убогий человек мерит мыслями божию силу» (лл. 148 и 155 об.). В Изборнике Святослава 1073 г. есть выражения, аналогичные образу «Слова», — *мыслию мѣритъ*:

«Мыслию же разделив (в Христе божеское и человеческое) познаеть естестве» (л. 15); «ум человекъск въскоре бо объходить всюю землю, небесная же и подземная, нъ не сушиемъ, тьчюю же умъную мыслью» (л. 132); человек «небеса проходить мыслью, звездная пошъствия и расстояния и меры размышляеть» (л. 134 об.). Две последние цитаты содержатся в сочинении «Немесия пископа Емесьскаго о естестве человекъсте». Таким образом, представление автора «Слова» о способности человека мыслью мерить расстояние вполне соответствует взглядам на «естество» человека, с которыми он мог быть знаком по русским спискам болгарских переводов византийских сочинений. — *отъ. . . до* — см. выше, стр. 56—57.

Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою. — *въ полуночи* — при обычном беспредложном «полунощи» здесь, как в летописном тексте: «В полунощи бысть гром силен» (Ипат. лет., 1167 г.). — *свисну.* — Срезневский (III, 274) отмечает лишь глагол «свистати» на примере XV в. и существительное «свистание» из Моления Даниила Заточника: «Змий страшен свистанием своим» (стр. 66); ср. в «Слове» *свистъ звѣринъ*; змий «исходяще вон из воды свистанием великим» (А. В. Рыстенко. Легенда о св. Георгии и драконе. Одесса, 1909, стр. 28); «от свистания бо змиева кони поплашившеса» (там же, стр. 45). — *за рѣкою* — сочетание «за» с творит. пад.: «Убиша за Волоком князя Глеба» (Новг. I лет., 1079 г.); «за морем» (Грамота Новгородская 1199 г.: Срезневский, I, 893).

велить князю разумѣти. — Сочетание «велети» с неопред. наклон. обычно в языке с XI в.: «велю изити» (Остром. ев.: Срезневский, I, 242); «веля излазити» (Лавр. лет., 980 г.); «велети облещися» (Житие Феодосия Печерского: Срезневский, I, 242). — *разумѣти* — «и разуме Ярослав, яко въ ночь велить сецися» (Новг. I лет., 1066 г.: Срезневский, III, 57—58).

князю Игорю не быти! — В Ипат. лет. под 1150 г.: «Быти ту Изяславу негда полкы своими в горахъ», «не бе было, нъ беаше ему быти» (Григорий Назианзин XI в.: Срезневский, I, 204—206) — сочетание «быти» с дат. пад., как в «Слове».

Кликну, стукну земля. — Сочетание *стукну земля* находим в Лавр. лет. под 1091 г.: «Стукну земля, яко мнози слышаша»; «и кликнуша и печенези побегоша» (Лавр. лет., 992 г.); «и тако полци. . . кликнуша» (Ипат. лет., 1150 г.).

въшумѣ трава. — В иных сочетаниях глагол «въшумети»: «Въшумеша и съмутишася воды их» (Амфилохий, I, 307); «врази твои въшумеша» (там же, II, 62); «и вошуме земля и услышаша иноплеменници глас вопля» (Книга пророков, цит. по кн.: Перетц, стр. 295); ср.: «Раю всечестныи. . . шумомъ листвия твоего зижителеви и богу молимся двери отврести ми, яже преступленемъ затворих» (Триодь, рукопись ГПБ, собр. Погодина № 41, XII в., л. 2 об.).

вежи ся Половецкии подвизашася. — *вежи Половецкии.* — Летопись XII в. так же называет стоянки половцев: «Взяша вежи половецкие», «Русь не дошедше вежь и ополонишася» (Ипат. лет., 1184, 1185, 1187, 1193 г.). Слово «вежи» известно в летописи с 898 г. (примеры: Срезневский, I, 482). — Из всех значений глаголов «подвижатися, подвижитися, подвизатися», отмеченных Срезневским (II, 1033—1035), наиболее подходит то, которое выясняется из примеров XII в.: «Мъне же мале не подвижястеса нозе» (Псалтырь толковая XII в.: Срезневский, II, 1033); «и звезды небесныя будутъ съпадающа и силы, яже суть на небесех, подвижатся» (Мстисл. ев. XII в.: Срезневский, II, 1033). По объяснению Д. С. Лихачева, «вежи» были на колесах, и они двинулись, когда для погони стали выводить заставленных кибитками коней. — *вежи ся Половецкии подвизашася.* — Такое повторение препозитивного *ся* при полной форме возвратного глагола — ошибка, встречающаяся у русских писцов с XI в.: «... акы богу *ся* поклонися» (Изборник Святослава 1073 г. л. 217); «нъ *аще ся* сего не покаешися» (Житие Бориса и Глеба: Срезневский, I, 493).

А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростию — «Глеб... не терпя противу (перемыславам) стати, поскочи, они же постигающе дружину его изоимаша» (Ипат. лет., 1148 г.); «Володимирко, видя силу Угрьскую, поскочи перед ними» (Ипат. лет., 1152 г.). — *горнастаемъ* — в перечне дани Ростислава в летописи названы «горностаемъ» (Ипат. лет., 1160 г.). — *къ тростию* — в XI в. «тростиемъ» называлось место, поросшее тростником: «В пустыни близ трѣстия» (Патерик Синайский XI в.: Срезневский, III, 1013).

и бѣлымъ гоголемъ на воду — «чему еси отял Волхов гогольными ловци» (Новг. I лет., 1270 г.). — *на воду* — то же сочетание «на» с винит. пад.: «выиде... на море» (Лавр. лет., 1100 г.); «на поле выити» (Новг. I лет., 1158 г.); «отбежати на полунощныя страны» (Житие Бориса и Глеба: Срезневский, II, 260—261).

въврѣжеса на брѣвъ комонь и скочи съ него босымъ влѣкомъ — «въврѣжеса в море» (Остром. ев.: Словарь, 1, 123). Глагол «въврѣжися» обычно сочетается с предлогом «въ», поэтому можно предположить, что в «Слове» следует исправить: «въврѣжеса»: «Възверженаго мрътвыца на свое тело въскреси» (Изборник Святослава 1073 г.: Срезневский, I, 343), хотя в возвратной форме имеем другой предлог: «К великому Феодору въврѣгох си» (Житие Федора Студита: Срезневский, I, 344). — *и скочи съ него* — Ирод «скочив с стола» (Флавий, стр. 210); «скочи с места того» (Жития Бориса и Глеба, стр. 16. См. также выше, стр. 161). — *босымъ влѣкомъ*. — Имена Босой Волк и Босоволков встречаются в летописи под 1347 г. (А. И. Соболевский. К Слову о полку Игореве. — ИпоРЯС, II, 1929, стр. 185; ПСРЛ, т. X,

СПб., 1885, стр. 218; в статье Н. М. Дылевского в сборнике Слово2, стр. 196—199, критический разбор толкований этого эпитета).

и потече къ лугу Донца (Влуръ влъкомъ потече) — «потеша на видение его» (Флавий, стр. 249); «некто от римских воин... внезапно потече» (там же, стр. 450); «Синець потече на святаго» (Житие Андрея Юродивого: Срезневский, II, 1290). — *лугу* — здесь пойма реки, покрытая лесом, как в примерах XI—XIII вв.: «Поколебашася яко бурею дуб в лузе» (Толковые пророки XI в.: Срезневский, II, 49). Словом «луг» переводится греческое «лес»: «Озоба и вепрь от луга» (Псалтырь 1296 г.: там же). В «Слове» речь, видимо, идет о таком пойменном лесе, скрывавшем беглецов.

и полетѣ соколомъ подъ мъглами. — *полетѣ* — о метафоре князь-сокол см. выше, стр. 61. Здесь метафора применена как сравнение. — *подъ мъглами* — см. выше, стр. 177.

избивая гуси и лебеди — «не аз почых избивати братию» (Житие Бориса и Глеба: Срезневский, I, 1031). В летописи и в переводе Флавия «избити кого» всегда обозначает убить людей; ср. также: «...изби градом вина их» (Амфилохий, II, стр. 23).

завтроку, и обѣду и ужинѣ — «стоя Глеб до заутрока» (Лавр. лет., 1148 г.); «съвокупляюще заутрок с обедом» (Пчела, стр. 246). Срезневский дает примеры лишь на глагол «заутрокати» с XI в., а слово «заутрок» отмечает в XVI в. (I, 903). — *обѣду и ужинѣ* — «обеда и ужины за упокой крестити не установлено» (Феодосий Печерский: Срезневский, III, 1166).

Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу. — *Коли... тогда* — такую конструкцию находим в редакции XII в. «Слова» Даниила Заточника: «Коли пожреть синиця орла, коли камение въсплавлет по воде и коли иметь свиниа на белку лаяти, тогда безумный уму научится» (стр. 24). — *труся* — «буду аки мех утл, труся богатство в руке инем» (Даниил Заточник: Срезневский, III, 1012); «отрусить грезн» с лозы (Физиолог. Исследование А. Карнеева, СПб., 1890, стр. 248). — Сочетание глагола с творит. пад. без предлога — *собою* — находим в тексте Русской Правды: «Будуть сами собою печаловати» (Е. Ф. Карский. Русская правда по древнейшему списку. Л., 1930, стр. 58). Срезневский дает лишь примеры с предлогами «с, межю, пред, под» (III, 319). — *студеную* — обычно это определение в сочетании «студеная вода» (примеры с XI в.: Срезневский, III, 574). — *росу* — это слово находим в библейской цитате у митр. Иларiona: «Да будетъ суша на руне токмо, и по всей земли роса» (Срезневский, III, 165).

претръгоста бо своя бръзая комоня. — Из приведенных Срезневским примеров ближе к значению «надорвать» те, где глагол в возвратной форме «претръгнутися» — «изнуриться»: «Пьс бо текыи претръжеса и труда своего не погонить» (Златоструй до

1200 г.: Срезневский, II, 1707). Ср. в переводе Флавия: «И супостати, вашу дръзость видяще, претръгнется их шатание» (стр. 401); «узы их преторже» (Кирилл Туровский приводит эту цитату из Псалтыри — см.: Амфилохий, II, стр. 266); «иже нехраненьемь... нить претергнеть» (Новгородская Кормчая 1280 г., цит. по кн.: Перетц, стр. 316). Климент Смолятич цитирует Екклесиаст: «Уже ременно плете, не скоро ся преторгнет» (Н. Никольский. О литературных трудах митр. Климента Смолятича, писателя XII века. СПб., 1892, стр. 122—123); «яко потягоша силою, ужа претьргняхуся (Житие Бориса и Глеба, Успенск. сб. XII в., стр. 40).

Донецъ рече: Княже Игорю! не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа. — не мало ти — «Цесарь рече: Мало ли ми есть зъяя, яко Христа нарицующи, бог отместешися» (Мучение Ирины, Успенск. сб. XII в., стр. 104). — Рядом с книжным *величия* — в Остром. ев. «яко сътвори мъне величие сильныхи» (Срезневский, I, 237), — в «Слове» стоит известное в летописном и деловом языке *нелюбия*; в Ипат. лет. под 1143 г.: «Святослав же нелюбьемъ рче ему»; под 1283 г.: «Бысть межю има больше нелюбие... нелюбие велико», и то же сочетание этого слова с дат. пад., как в «Слове», в Договорной грамоте Михаила Тверского с Новгородом 1375 г.: «Что ся учинилось нелюбие князю Михаилу с Новым городом» («нелюбие» встречается и в других сочетаниях: «держати на кого», «до мене» — примеры: Срезневский, II, 394). — *веселиа* — «слава на небеси, на земли веселие» (Стихирарь XII в.: Словарь, 1, 106); «будеть тебе радость и веселие» (Остром. ев.: Срезневский, I, 245—246); «съзвав на едино веселие небесныа и земленыа» (Слово о законе и благодати: там же).

Игорь рече: О, Донце! Не мало ти величия, лелѣявшу князя на влънахъ — «корабль... погружаяся вълнами» (Остром. ев.: Срезневский, I, 379). — *лелѣявшу* — см. выше, стр. 66.

стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ — «постеля сътлати» (Ефрем. кормчая XI в.: Срезневский, III, 586). — *зелѣну траву* — «земля зеленую траву ражаеть» (Кирилл Туровский: Калайдович, стр. 21). — *на ... брезѣхъ* — «ста под горами на березе» (Пов. врем. лет: Словарь, 1, 48); «река текущи в каменных березех» (Даниил Заточник, стр. 20).

одѣвавшу его теплыми мѣглами — «гребци сядяху аки мглою одени» (Житие Александра Невского старшей редакции, цит. по кн.: Перетц, стр. 317). — *теплыми* — Срезневский дает примеры с XI в. в сочетаниях «в тепле храмине», «теплу воду», «зима тепла» (III, 949). — *мѣглами* — множ. ч. см. выше, стр. 177.

подѣ сѣнию зелену древу — «дъшед древа единого седе под сению его почити мало» (Плач Иеремии: Успенск. сборник XII в., стр. 1); «творить ветви великы, яко же мощи под сению его пти-

цям небесньным гнездитися» (Юрьевск. ев. 1119 г.: Срезневский, III, 897).

Стрежаше е гоголемъ на водѣ, чаицами на струяхъ, чрънядьми на ветрѣхъ. — Сочетание глагола «стреши» с творительным орудия находим в книжном языке с XI в.: «...стрегушим тя учениими истиньными» (Минея 1095 г., сентябрь, стр. 027); «безмльвиемъ себе стрезета» (Патер. Син. XI в.: Срезневский, III, 573); «и стрежаху по вся нощи» (Флавий, стр. 332). — *гоголемъ* — см. выше, стр. 179. — *на струяхъ* — «струи речные» упоминаются в Ипат. лет. под 912 г.; «виде реку... великими струями быстро» (Флавий, стр. 443); «(река) множествомъ струй разливающимися» (Житие Федора Студита: Срезневский, III, 561). — *чаицами... чрънядьми* — оба эти названия в памятниках не встречаются. Комментарий к ним дан в статьях Н. В. Шарлеманя (Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. VI. 1948, стр. 113) и Л. А. Булаховского (Слово о полку Игореве как памятник древнерусского языка: Слово, стр. 144—146).

Не тако ли (м. б., ти?), рече, рѣка Стugna: худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы, рострена к усту. — *не тако ли* — «он же рече: сыну, тако ти и гораздо» (Ипат. лет., 1147 г.); «не тако же есть в вас, нъ иже хошетъ в вас быти вящшии» (Остром. ев.; другие примеры: Срезневский, 917—918). — *худу*. — Примеры на слово «худый», приведенные Срезневским (III, 1417—1419), не дают сочетания его с названиями водных источников. — *струю* — см. выше, стр. 182. — *пожръши* — значение «поглотить» подтверждается примером из Минеи 1095 г. (сентябрь, стр. 053): в службе архистратигу Михаилу он сопоставлен с библейским Моисеем — «древле убо Моси удари в камень и потекоша воды, ныне же тебе, раздражъшу камень, пожръты быша воды речьныя». Итак, река, которая может «пожрети» *ручьи*, — образ, созданный в «Слове» в традиции применения этого глагола в книжном языке с XI в. — *чужи ручьи* — «ручей» находим в летописном языке XII в.: «От ручия мимо Славьно... от ручья Плотьницьнаго до конца хълма» (Новг. I лет., 1105, 1134 гг.); «чужой» в значении «чужеземный» в примерах, данных Срезневским, сочетается со словами «земля, страна, бог» (III, 1551). А. К. Югов предложил следующее объяснение всего этого отрывка: «Стugna была в XI веке (когда в ней утонул Ростислав, — В. А.-П.) рекой пограничной, южным берегом ее владела половецкая орда, а северным — Киевская Русь. И вот, когда Стugna разлилась весною (а Ростислав, по словам летописи, утонул именно в разлив реки, в половодье), то, приняв чужие, то есть с половецкого берега воды, она стала „чужой по крови“ и ... предала русского князя» (Светоч неугасимый. — Советская Россия, 1963, 25 декабря, № 302/2287, стр. 4). Итак, *ручьи* «чужи», потому что пришли с вражеской, половецкой стороны. — *стругы* — наряду с попытками видеть в этом слове название лодки («вѣзмут реки стругы

своя» — Паремийник XIII в., цит. по кн.: Перетц, стр. 295) существует толкование, предложенное С. И. Котковым. Он предложил видеть здесь слово «струга» — «поток». Употребление этого слова в путивальских памятниках XVI—XVII вв., по словам С. И. Коткова, «настолько обычно, что привлекает особое внимание» (С. И. Котков. Из старых южновеликорусских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 68—69). — *рострена к усту* — обзор исправлений этого неясного места «Слова» дает В. Н. Перетц (стр. 320—321); толкование его содержится в статье Д. В. Айналова «Замечания к тексту Слова о полку Игореве» (ТОДРЛ, т. II, 1935, стр. 88—90). Р. Якобсон предлагает соединить в одном предложении *ростре на кусту уношу* и перевести *ростре* от глагола «растрети» — «раздавила» (La Geste, стр. 243) между двумя кустами. Думается все же, что *уношу* относится к следующим словам князю Ростиславу, так как дальше мы встречаем то же сочетание: *Плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ*. «Глагол „рострети“ (рострѣти) пока встретился только в тексте „Слова“, но приставочные глаголы „прострѣти“ — „разостлать, протянуть, распространить“ и „прострѣтися“ — „распространиться“ позволяют предположить у глагола „рострети“ значение „расширить“. Слова *рострена к усту* можно понимать тогда как „разлилась у устья“» (Слова о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд., Л., 1967, стр. 526).

уношу князю Ростиславу затвори днѣ при темнѣ березѣ. — *уношу* — писец под влиянием двух дательных на «-у» вместо «уноши» написал «уношу». — *затвори*: «И неси мене затворил в руках вражних» (Амфилохий, 1, стр. 174); «места затворити» (Златоуструй XII в.: Срезневский, I, 952), «небеса, яже Адам затвори» (Григорий Назианзин XI в.: там же). — *темнѣ березѣ* — слово «берег» известно с XI в. (Срезневский, I, 69), определение «темный» также в русских и переводных памятниках в разных значениях, в том числе и «лишенный света, темный», встречается с XI в. (Срезневский, III, 1084—1085).

Плачется мати Ростиславля по уноши князя Ростиславѣ. — Владимир Всеволодович «плакася по брате своем и по дружине своей... и плакася по немь мати его и вси людье плакаша по немь» (Ипат. лет., 1093 г.).

Уныша цвѣты жалобою. — *уныша* — «уны сердце мое» (Пандекты Антиоха XI в.); «солнца унывъша» (Миняя 1096 г., октябрь: Срезневский, III, 1234). — *цвѣты* — «яко травный бо есть цвет» (Изборник Святослава 1076 г.); «весна убо украшает цветы землю» (Даниил Заточник: Срезневский, III, 1437). — *жалобою* — в значении «горе», «жалоба» встречаем в Златоуструе XII в.: «... мощно на жалобу вѣставити» (Срезневский, I, 841). В «Слове» здесь употреблен тот же творит. пад. орудия, что и в выражении *ничить трава жалощами*.

и древо с тугою къ земли прѣклонило (испр. из прѣкло-
нило) — см. выше, стр. 112. Аналогичное словосочетание имеем
в Шестодневе: «к земли приклонятся им» (л. 231 об.); «ветвие
преклонилоя бе до земля» (Изборник Святослава 1076 г.: Срез-
невский, II, 1654).

А не сорокы втроскоташа. — Стрекотание сорок выдает при-
сутствие человека, поэтому автор «Слова» подчеркивает дальше,
что во время бегства Игоря сорокы не троскоташа. (О поведении
сороки, чующей человека, см. в статье: В. В. Данилов. Заметки
к тексту Слова о полку Игореве. — Слово, стр. 207—208). —
сорокы втроскоташа — Срезневский восстанавливает форму
«въстрокоташа» и дает пример только из «Слова» (I, 424). При-
меры на «троскотати» без приставки у Срезневского дают лишь
обозначение треска при сжимании частей человеческого тела (III,
1003), а производные (троскотание, троскотный) относятся к де-
реву, огню. Варианты «трескота, треск, трескание» относятся
к звукам, издаваемым ударами оружия или молнии (III, 1027).
Сопоставление крика сорок с треском дерева — находка автора
«Слова».

на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. — К выраже-
нию *на слѣду*. . . *ѣздитъ* параллель дает Русская Правда, где речь
идет о раскрытии кражи на борти: «. . . не будет ли татя, то по
следу женуть. Аще не будетъ следа или к селу или к товару, а не
отсочать от себе следа, ни едутъ на след. . . а след гнати с чюжими
людми а с послухы, аже погубять след на гостинци» (Е. Ф. Кар-
ский. Русская Правда по древнейшему списку. Л., 1930, стр. 53).
В переводе Амартола в значении «следовать за кем» слово «след»
сочетается с другим глаголом: «Инии же инако правии путь погу-
бивше, и прежешествовавшим следу въследовати не въсхотеша»
(стр. 325).

Тогда врани не граахуть — см. выше, стр. 105—106.

галици помлъкоша — «аще бы помолъкл. . . велика бы даро-
ванья сподобилъся за молчание» (Пчела: Срезневский, II, 1168);
«Въскую зриаеши на обидящая и помлъчаваеши» (Книга проро-
честв XI в.: там же); «старейшины. . . помолкоша» (Флавий,
стр. 273); «и тако сътворше помлъкоша» (там же, стр. 290).

сорокы не троскоташа, полозие ползоша только. — Н. В. Шар-
леманъ исправляет «по лозию» (так в первом издании) на *поло-
зие* — «змеи» (Заметки к Слову о полку Игореве. — ТОДРА,
т. XI. 1955, стр. 9). — *сорокы не троскоташа* — см. выше,
стр. 184. — *ползоша* — «ово змие полозяху к нему» (Лавр. лет.,
1074 г.), «полозити по колену» (Житие Феодосия Печерского:
Срезневский, II, 1135). — *только* — «только Семцю яша одного»
(Поучение Владимира Мономаха); при глаголе: «. . . толко жа-
даетъ убити» (Серапион Владимирский.: Срезневский, III, 975).

Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажуть. — дятлове упоминаются
в Златоструе XII в. (Срезневский, I, 806); в «Слове Кирилла

о злых дусех» по списку XV в.: «... веруем в поткы и в дятля» (Буслаев, стлб. 544). — Название стука дятла «текот» в памятниках старшего периода не отмечено. — *путь... кажуть* — см. выше, стр. 177.

соловици веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ. — К сочетанию *веселыми пѣсньми* параллель дает «Слово о Лазаревом воскресении»: «Воспойм песни тихи и веселыя»; в переводе Флавия есть сочетание «песни радостныя» (стр. 249) или «страшен кличь и весел» (стр. 435). — *свѣтъ повѣдаютъ* — в значении «рассвет»: «Заутра, вседше в лодью протиу свету» (Лавр. лет., 968 г.); «прежда до света» (Переясл. лет., 1149 г.: Срезневский, III, 295). — *повѣдаютъ* с винит. пад.: «А се вы поведаяю, дети моя, труд свои» (Поучение Владимира Мономаха); ср.: «Нама бози поведаяють, не можеша нама створити ничто же» (Лавр. лет., 1071 г.).

Млѣвити Гзакъ Кончакови. — При обычном «рече», «рекосте», «ркоша», «ркучи», «рекъ» в «Слове» дважды употреблен глагол «молвити», однако дальше снова *рече Кончакъ ко Гзѣ*. Многочисленные примеры на этот глагол в значении «говорить» приводит Срезневский (II, 201—202) из самых разнообразных жанров: летописи (с 912 г.), поучений, канонических и собственно литературных памятников.

Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами. — Конструкция фразы с начальным *аже* известна в деловом языке и летописи XI—XII вв.: «Аже кто преобидит» (Церковный устав Владимира до 1011 г.); «аже зовуть тя с честью, иди» (Ипат. лет., 1178 г.: Срезневский, I, 8). — «Соколич» — сын сокола, форма, образованная по типу, известному в старшем периоде для обозначения сына: «воиничъ», «шуричъ» (Срезневский, I, 286; III, 1600). — Сочетание *рострѣляевѣ... стрѣлами* находим в летописи с XI в.: «И растреляша стрелами Василковичи» (Переясл. лет., 1097 г.); «другыя же стрелами растреляху в ня» (Лавр. лет., 1237 г.). В старшем примере, как в «Слове», глагол употреблен с дополнением в винит. пад. — Определение *злачеными* в русской форме: «Двери медяны золочены» (Даниил игумен: Срезневский, I, 995).

Рече Кончакъ ко Гзѣ: Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а въ соколца опутаевѣ красною дѣвицею. — *соколца* — молодой сокол, по определению Л. А. Булаховского, вариант к «соколич» (см.: Слово, стр. 146). — *опутаевѣ* — ср. выше, стр. 131 (*опутаеша въ путины желѣзны*). Здесь «опутать» имеет значение «женить», поэтому сочетается с творительным падежом, как в выражениях: «Родителе ему съвешташася женити и дѣвицею» (Супрасльск. рук.) и в летописи: «Ожени сына своего Святослава Васильковною» (Лавр. лет., 1143 г., см. примеры: Перетц, стр. 324). — *красною дѣвицею* (см. выше, стр. 83).

И рече Гзакъ къ Кончакови: Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ

наю птици бити въ полѣ Половецкомъ. — наю — «се наю, брате, бог съвокупилъ» (Ипат. лет., 1147 г.); «лѣжю реч возложиша на наю», «молвяче на наю», «у наю отимаеть» (Флавий, стр. 214, 220). — почнуть наю птици бити въ полѣ Половецкомъ — ср. выше: О далече заиде соколъ, птицъ бѣя, къ морю. В обоих случаях выражение *птици бити* употреблено в переносном смысле: Игорь бил половцев, Гза опасается, что русские будут бить их *въ полѣ Половецкомъ*. Ср. в Пчеле: в бою «руками бити крепко» (стр. 43). Св. Гординский отмечает в украинской исторической песне оборот «в поле бити»: «...ще й поляків в полі бити» (стр. 42).

Рекъ Боянъ и Ходына (м. б., и ходы на?) *Святъславля, пѣснотворца стараго времени Ярославля, Ольгова коганя хоти.* — *Рекъ* — при двух подлежащих сказуемое в единств. ч. обычно в летописях в тех случаях, когда сказуемое стоит впереди: «Иде Аскольд и Дир», «рече Свенелд и Асмуд», «и отпреса Ярополк и Олег», «ходи Володимер, сын Всеволожь, и Олег Святъславль», «приведе Олег и Борис» и т. д. (Лавр. лет., 866, 946, 970, 1076, 1078 гг. и т. д.). А. В. Соловьев добавляет, что эта форма согласования встречается еще и в XIII в., причем она часто связана с последующей прямой речью: «И рече митрополит и епископы», «и рече Изяслав и Ростислав», «и нача молвити митрополит и игумени вси» (Ипат. лет., 1115, 1151, 1157 гг.; А. В. Соловьев. Восемь заметок к Слову о полку Игореве. — ТОДРЛ, т. XX. 1964, стр. 376). — *Ходына* — испр. из *ходы на*. Среди многих исправлений этого места данное наиболее согласуется с дальнейшим двойственным числом *пѣснотворца* (см. свод таких исправлений: Перетц, стр. 326—327). Собственное имя «Ходыничъ Останко» от имени отца «Ходына» отмечено Н. Тупиковым (Словарь древнерусских собственных имен. СПб., 1903, под 1552 г.). В XIV—XV вв. известна волость «Ходына» (Перетц, стр. 327). В Новг. I лет. 1210 г. читаем: «Новгородци угонивъше Литву в Ходынищих»; А. В. Соловьев считает, что это село «было населено потомками какого-то Ходыны XII или даже XI в.» (А. В. Соловьев. Восемь заметок к Слову, стр. 376). — *пѣснотворца* — «яко же историци и ветия, рекше летописьци и песнотворци, приклянут своя слухи в бывшая межю цари рати и опълчения, да украсятъ словеси и възвеличатъ мужествовавъшая крепко по своемъ цари... и тех славяще похвалями венчаютъ» (Кирилл Туровский — «Слово на собор святых отец»: Калайдович, стр. 74). Это определение характера творчества «песнотворцев» подтверждается воспоминанием о темах песен Бояна в начале «Слова» (см. выше, стр. 55): он пел старому Ярославу. — Оба *пѣснотворца* названы *Святъславля*, так как известно, что при дворе отца великого князя киевского Святослава Ярославича играли на музыкальных инструментах и пели, — об этом рассказывает житие Феодосия Печерского. — *Ольгова коганя хоти.* — После Владимира I и Ярослава Мудрого «каганом» называли Святослава Ярославича в годы его

княжения в Киеве (см. подробнее об этом выше, стр. 17—18), поэтому возможно, что и сына его Олега продолжали именовать так же. В таком случае *Ольгова коганя хоти* — Олеговы кагановы любимцы — относится к обоим «песнотворцам» Святослава, после его смерти ставшим любимцами «кагана» Олега или сохранившим наименование «когани» с того времени, когда они были при дворе «кагана» Святослава. А. В. Соловьев, который относит слова *Ольгова коганя хоти* к жене князя Олега, объясняет, что князь Олег-Михаил был в конце XI в. не только князем Тмуторокани, но и Зихии и «всей Хазарии в Крыму». Крымские хазары были его данниками, поэтому он имел полное право носить титул «когана», жена его была «коганя хоть» (А. В. Соловьев. Восемь заметок к Слову, стр. 377—378).

Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы, — Рускои земли безѣ Игоря. — Припевку Бояна и Ходыны автор «Слова» продолжил третьим членом, применительно к отношению Русской земли к пленению князя Игоря. — *Тяжко ти головы* — здесь рядом с дат. пад. *ти* стоит родит. пад. вместо дат. — *голови*. А. И. Соболевский отмечает такое употребление родит. пад. вместо дат.-местн. в памятниках новгородского происхождения с XIV в.: «...ко святыма Козмы и Дамьяну» (Пролог 1400 г.); «поклонилъся еси нашему старейшины» (Ипат. лет.) (А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е, М., 1907, стр. 202). «Новгородскому диалекту» приписывает форму *голови* и С. П. Обнорский (Очерки, стр. 155). Далее в «припевке» Бояна следует «по нормам старого языка» образованный дат. пад. *земли*, но отошедшая от «книжного типа склонения» существительных с основами на «ес» форма дат. пад. *тѣлу* (С. П. Обнорский. Очерки, стр. 155). — «голова» и в припевке Бояна, и в ее продолжении — метафорический образ князя, возглавляющего свою область, как в летописных выражениях: князь «глава есть земли» (Лавр. лет., 1015 г.); «аще бо князи правдиви бывають в земли, то многа отдаются согрешенья... понеже то глава есть земли» (там же). Летопись ссылается, применяя такой образ, на изречение пророка Исаии: «Согресиша от главы и до ногу, еже есть от цесаря и до простых людей» (Лавр. лет., 1015 г.). Опираясь на переводное изречение — «Апаминда фивейскии виде много вой без добра воеводы и рече: Велик зверь, но главы не имать» (Пчела, стр. 109), Даниил Заточник говорит: «Видих велик зверь, а главы не имеет, тако и многи полки без добра князя» (стр. 19). В книге пророка Иезекииля текст: «Старейшины дому Израилева кждо к своим ужикам их смятошася к тебе, да пролеют кровь», добавлено такое толкование: «Главе бо болящи нужда и телу всему приати болезнь» (цит. по кн.: Перетц, стр. 307). — *кромѣ* в значении «без» имеем в Поучении Владимира Мономаха, который ставит рядом оба слова: «И миров есть ство-

рил с Половечьскими князи без одного 20 и при отци и кроме отца» (примеры с XI в.: Срезневский, I, 1328).

Солнце свѣтитя на небесѣ, — Игорь князь въ Руской земли. — «Святяште ся яко и солньце» (Изборник Святослава 1076 г., л. 271). В переносном значении употребляется в агиографии и гимнографии с XI в. для похвалы святому или церкви, распространяющей духовный свет (примеры: Срезневский, III, 292). — Образ «Игорь светится» связан с метафорой герой-солнце, широко распространенной в народной поэзии, но применявшейся и в литературе, например в Молении Даниила Заточника: «Вся человеки яко солнцем гремии милостию твоею» (стр. 54). Чаще эта метафора встречается в плачах по князьям. Мстислава Ростиславича плач вспоминает так: «Уже бо солнце наше зайде ны» (Ипат. лет., 1178 г.); та же формула повторена под 1289 г. применительно к князю Владимиру Васильковичу; митрополит Кирилл над гробом Александра Невского воскликнул: «Зайде солнце земли Суждальския» (В. Мансика. Житие Александра Невского. СПб., 1913, стр. 9). Итак, в XI—XIII вв. в литературе известно сопоставление князя с солнцем: он греет, умирает — заходит, как солнце. На фоне этих уподоблений образ «Слова», где князь светится, как солнце, не представляется чем-то исключительным.

Дѣвици поють на Дунаи — вьются голоси чрезъ море до Києва. — *вьются голоси* — к этому выражению имеются только народно-поэтические параллели. В значении «извиваясь ползти»: «Узрев я, иже змия вьющися по земли» (Апокалипсис: Словарь, 1, стр. 119). Ср. у Флавия: «Власы своя вьяху» (стр. 351). Д. С. Лихачев предполагает, что автор «Слова» представил и соседние народы поющими «исторические песни» — «славы» по аналогии с русской действительностью (Истор. и полит. кругозор, стр. 28).

Игорь ѿдетъ по Боричеву къ святѣи Богородици Пирогощеи. — Так называет летопись с 1132 г. церковь, где была поставлена привезенная из Царьграда икона богородицы: «Заложена бысть церкви камяна святая богородица рекомая Пирогоща» (Ипат. лет., 1132 г.; см. комментарий к этому эпизоду; Перетцы, стр. 329). Законченная строительством в 1136 г. эта киевская церковь была хорошо знакома автору «Слова». Рассказ Ипат. лет. кратко сообщает лишь, что Игорь из плена отправился «во свои Новьгород», затем «к Чернигову» и наконец «ко Киеву». — Боричев спуск на Подол упоминается в Лавр. лет. под 988 г.

Страны ради, гради весели. — Страны в значении «области» встречаем с XI в.: «...идьи же путьмь, и уже в странах своих си, въпаде в недуг лют» (Житие Феодосия Печерского: Срезневский, III, 536). — *ради* — в летописи: «Ради быша словени»; «Половци... ради суть, оже межю нами рати» (Лавр. лет., 898 г., 1097 г.; примеры: Срезневский, III, 14). — *гради весели* — примеры на слово «град» с XI в. (Срезневский, I, 575), с того же

времени «весел» в краткой форме: «веселы лицом» (Житие Бориса и Глеба XI в.: Срезневский, I, 246); (князья встретившись) «быша весели» (Ипат. лет., 1147 г.).

Пѣвшѣ пѣснь старымъ княземъ, а потомъ — молодымъ пѣти!
Слава Игорю Святѣславличю, Буи Туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу — см. выше, стр. 52, 56, 63.

Здрави, князи и дружина — «Съдравьствуите же мѣнога лета» (Остром. ев.); в Александрии словами «здрави же будете» оканчиваются почти все послания, которыми обмениваются участники изображаемых событий (стр. 47 и др.). В Псковск. I лет. под 1217 г.: «Приидоша вси здрави» (Срезневский, I, 998).

побарая за христѣяны на поганя плѣки! — В летописи глагол «побарая» сочетается с предложением «по» для выражения защиты: «Ярослав утер пота, побарая по братии свои» (Переясл. лет., 1019 г.: Срезневский, II, 984); «побаряюще по Русьской земли» (Ипат. и Лавр. лет., 1097 г.; ср. в Изборнике Святослава 1073 г.: «... по благочѣстии побарая», л. 186 об.). С предложением же «за» в летописи сочетаются для обозначения объекта защиты глаголы «стати» — «како стати всем... за правду новгородскую» (Новг. I лет., 1255 г.) или «потрудиться»: «Потрудися за Новгород и за всю Русьскую землю» (там же, 1263 г.; примеры: Срезневский, II, 1295). — *христѣяны* — это название русского народа в летописи известно с XI в.: «Тако бог избави христѣян от поганых» (Новг. I лет. 1060 г.: Срезневский, III, 1404).

Княземъ слава а дружинѣ! Аминь. — *слава* — см. выше, стр. 67. — *а* — союз объединительный: «... выдадять и... на поток а на разграбление» (Е. Ф. Карский. Русская Правда по древнейшему списку. Л., 1930, стр. 29); «от рыдания а слез его скрачашеся глас его» (Флавий: Словарь, 1, стр. 27).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Акир — А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. М., 1913.
- Александрия — В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. М., 1893.
- Амартол — В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Текст. Пгр., 1920; т. III, Л., 1930.
- Амфилохий — Древнеславянская псалтырь Симоновская до 1280 года, тт. I—III. 2-е изд., М., 1880—1881.
- Барсов — Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I. М., 1887; т. III, М., 1889.
- Богдан — Cronica lui Constantin Manasses. Textst și glosar de Ioan Bocdan. București, 1922.
- Буслаев — Ф. И. Буслаев. Историческая христоматия церковнославянского и русского языков. М., 1861.
- ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
- ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).
- Гординский — Св. Гординский. Слово о полку Игореві і українська народна поезія. Вибрані проблеми. Вінніпег, Канада, 1963.
- ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
- Гудзий. По поводу ревизии — Н. К. Гудзий. По поводу ревизии подлинности «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., 1962, стр. 79—130.
- Даниил Заточник — Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII в. и их переделкам. Л., 1932.
- Даниил игумен — М. В. Веневитинов. Житие и хождение Даниила Русьския земли игумена. 1106—1118 гг. Правосл. палест. сборник, вып. 3 и 9. СПб., 1883 и 1885.
- Девгениево деяние — М. Сперанский. Девгениево деяние. Пгр., 1922.
- Еремин — И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРА, тт. XII, XIII и XV. М.—Л., 1956—1958.
- Жития Бориса и Глеба — Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Приготовил к печати Д. И. Абрамович, изд. ОРЯС АН, Пгр., 1916.
- Изборник Святослава 1073 г. — Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. СПб., 1880.
- Изборник Святослава 1076 г. — Изборник 1076 года. М., 1965.
- Иларион — Слово о законе и благодати. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. I, СПб., 1894.

- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- Ипат. лет. — Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, т. II, изд. 2-е, СПб., 1908.
- ИпоРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук.
- Калайдович — К. Калайдович. Памятники российской словесности XII века, изданные с объяснениями, вариантами и образцами почерков. М., 1821.
- Лавр. лет. — Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, т. I, вып. 1—3, изд. 2-е, Л., 1926—1928.
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова.
- Лихачев Д. С. — Д. С. Лихачев. Исторический и политический кругозор автора Слова о полку Игореве. — В сб.: Слово о полку Игореве. М.—Л., 1950.
- Истор. и полит. кругозор
- Лихачев Д. С. — Д. С. Лихачев. Устные истоки художественной системы Слова о полку Игореве. — В сб.: Слово о полку Игореве. М.—Л., 1950.
- Устные истоки
- МГУ — Московский государственный университет.
- Миняя — И. В. Ягич. Службные Миниея за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг. СПб., 1886.
- Новг. I лет. — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950.
- Обнорский. — С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946.
- Очерки
- ОЛЯ — Отделение литературы и языка Академии наук.
- Откровение — В. М. Истрин. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. М., 1897.
- Мефодия Патарского
- Перетц₁ — Акад. Володимир Перетц. Слово о полку Игоревім, пам'ятка феодальної України-Руси XII віку. У Києві, 1926.
- Перетц. — К изучению Слова о полку Игореве. Л., 1926 (отгиск из ИОРЯС, тт. XXVIII—XXX).
- К изучению
- Перетц₂ — Слово о полку Игореве и древнеславянский перевод библейских книг. ИпоРЯС, т. III, 1930.
- Поучение Вла- — Лаврентьевская летопись, ПСРЛ, т. I, вып. 1. Изд. 2-е, димира Моно- Л., 1926, стлб. 240—256.
- маха
- Псков. I лет. — Псковская первая летопись. — В кн.: Псковские летописи, вып. I. Приготовил к печати А. Насонов, М.—Л., 1941.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- Пчела — В. Семенов. Древняя русская Пчела по пергаменному списку. СПб., 1893 (СОРЯС, т. LIV, № 4).
- Радз. лет. — Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902.
- Словарь, 1 — Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 1 А—Г, составитель В. Л. Виноградова, под редакцией Б. А. Ларина, Б. Л. Богородского, Д. С. Лихачева, Изд. «Наука», М.—Л., 1965.
- Словарь, 2 — Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 2 Д—Копье, составитель В. Л. Виноградова, под редакцией Б. А. Богородского, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова, М.—Л., 1967.
- Слово о Лазаре- — Рукопись ЦГИА в Ленинграде, ф. 834, оп. 2, д. 1857, ревом воскре- XIV—XV в., л. 143 об. Второй список — ГБЛ, собр. сении Ундольского № 575, нач. XVI в., л. 91 об.
- Слово: — Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей под ред. члена-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950.

- Слово₂ — Слово о полку Игореве — памятник XII века. Отв. ред. Д. С. Лихачев, М.—Л., 1962.
- СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- Срезневский — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, тт. I—III. СПб., 1893—1903.
- ТОДРА — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук.
- Успенск. сб. — Сборник XII в. Московского Успенского собора. — ЧОИДР, М., 1899, кн. 2, отд. II, стр. 1—168.
- Флавий — Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958.
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- Шестоднев — Шестоднев, составленный Иоанном, ексархом болгарским, по харатейному списку Московской Синодальной библиотеки. — ЧОИДР, М., 1879, кн. 3.
- La Geste — La Geste du Prince Igor épopée russe du douzième siècle. New York, 1948.

СЛОВОУКАЗАТЕЛЬ ¹

- а 189.
а бы(хъ) 59, 174.
аже 144, 185.
акы 146.
а ркучи см. речи.
а чи см. чи.
аще 52, 144.
аще и ... нъ 167.
- багряныи 133.
бдѣти 177.
бедрянъ 170.
безводень 176.
берегъ 183.
бити 115, 186.
битися 109.
блванъ 77.
бо 99.
богатыи 138.
не бологомъ 20, 39, 164.
болонь 22, 116, 129.
болото 84, 122, 156.
Борисъ (Вячеславич) 102, 103.
Боричевъ 188.
на борони 93.
босовъ см. [бусовъ]
босыи 179, 180.
Боянь 13—21, 28, 51, 52.
Боянь 51, 52.
боляре 129.
брань 152.
братня 48, 49, 70, 96.
братъ 63.
брегъ 134, 164, 181.
бремя 36, 148.
брехати 32, 79.
- бръзыи 65, 71.
буесть 137.
буи 133, 149, 150.
Бун Туръ 22, 37, 63, 64.
буиство 133, 150.
буря 39, 61.
[бусовъ] 129.
Бусовъ 135.
бывати 141.
былина 10, 50, 51.
быль 138.
быстрыи 109, 110.
быти
быти (инфинитив с дат. пад.) 71, 89.
было (с инфинитивом) 60.
не бысть 157.
не быть 178.
бязеть (-ть) 48.
бѣда 78, 166, 167.
бѣжати 37, 39, 61, 88.
бѣла 120.
Бѣл-градъ 161.
бѣсовъ 93.
- ваю (род. пад. от «ва») 137, 145.
[вазнь] 161, 162.
Васильковъ 156.
вежи 179.
Велесовъ 62, 92, 104.
великыи 30, 81, 89, 102, 123, 128, 133, 144.
великое см. малое ... великое.
величие 181.
велѣти 76, 178.
Веньдици 123.

¹ В указателе приводятся лишь те страницы книги, на которых содержится специальный лингвистический или реально-исторический комментарий к данному слову или словосочетанию. Слова приводятся в исходной форме (инфинитив для глаголов и причастий, им. пад. ед. ч. муж. рода для прилагательных и т. д.). Конъектуры и спорные чтения приводятся в квадратных скобках.

вергнути см. връщи.
вередити 158.
веселие 30, 125, 126, 135, 181.
весель 185, 189.
весло 26, 36, 144.
вести 78.
вечеръ 107, 127.
вечеру 177.
взыти 100, 101, 107, 108.
видѣти 126, 138.
вино 22, 110, 127.
витися 188.
вихрь 123.
Владимиръ (Мономах) 18, 102.
Владимиръ (Святославич) 18, 56,
168.
власть 138, 154.
Вльга см. Волга.
влькъ 22, 32, 36, 37, 53, 67, 179,
180.
вльна 181.
внукъ 46, 61, 62, 91, 92, 101, 104.
вода 179.
вои 68, 69, 78.
[не ваю ли вои] 145.
Волга 26, 36.
воля 134.
вонзити 158.
воронъ 20, 22, 86, 88.
ворота 148, 149, 155.
вранъ 105, 129.
врата 149, 162.
[времены] см. бремя.
время 18, 19, 51, 53, 58, 113, 135.
врѣху 76.
врѣщи 159.
врѣщися 134.
Всеволодъ (Юрьевич) 144.
Всеволодъ (Ярославич) 153.
всѣсти 71.
втроскотати 20, 184.
въврѣщися 179.
възбивати 141, 142.
възграяти 129.
възлелѣяти 38, 66.
възмутити 122.
възрѣти 68.
влькъ см. влькъ.
въскладати 54.
въскрѣмити 38, 66.
въсплакаться 117.
въсплескати 113.
въспѣти 25, 62.
въсржити 79.
въстати 30, 112, 113.
въстонати 119.
въступити 74, 75, 113.
въшумѣти 178.
вы- (префикс) 123.

выльяти 26, 36, 144.
выскочити 30, 139, 158.
высоко 141, 142, 147, 150.
высѣсти 125.
вытрьгнути 123.
вѣдѣти 38, 66.
вѣкъ 98, 101, 105.
седьмон вѣкъ 159.
вѣтрило 172.
вѣтръ 91, 150, 171, 172.
вѣщи 52, 166.
вѣяти 91, 163, 164, 172.
Вячеславичъ 102.
галица 20, 39, 61.
Галичкы(и) 146.
галичь 81.
Гза (Гзакъ) 88.
глава 74, 151.
глаголати 37, 92, 93.
глась 169, 170.
Гльбовна 97, 98.
Гльбовъ 145.
гнѣздо 86, 133, 153, 154.
говорити 106.
говоръ 81.
гоголь 37, 179.
година 112, 142, 168.
голова 95, 187.
голосъ 188.
гора 22, 173.
на горахъ 126.
горы Угорскыи 36, 147.
гораздъ 168.
Гориславичъ 104.
горнастан 37, 179.
Городеньскыи 158.
городъ 173.
горѣ 172.
горяччи 176.
господинъ 146, 172.
готовъ 22, 65.
Готскыи 134.
градъ 152, 156, 188.
граяти 105, 106.
Греци 123.
гридница 123.
гримати 37, 94.
гроза 22, 30, 32, 75, 79, 121, 122,
148.
грознныи 22, 121, 122.
громъ 30, 89.
грязивыи 84, 85.
давеча 66.
Давидовъ 169.
давныи 101, 102.
Дажь-Божь 92, 101, 104, 105.
далече 86.

- дань 120.
(не) дати 142.
дворь 120, 121.
[дебрь Кисаню, дебрьски сани] 129.
день 109.
другаго дни 88.
Деремела 151.
диво 140.
днвѣ 76.
дльго 79, 80.
Днепръ 173.
дно 125.
до см. отъ ... до.
дождь 89, 90.
Донъ 26, 36, 61, 62, 72, 130, 144.
дорискати 166.
дорога 77.
дорогъ 96.
доспѣти 152.
достати 110.
дотечи 55.
доткнутися 86, 160.
древо 59, 112, 152, 181, 182.
дремати 86.
другын 88.
дружина 70.
дръзь 166.
дубие 78.
Дудутки 162.
дума 22, 38, 118.
Дунан 61, 148, 149, 170.
духъ 57.
душа 157, 158, 163, 164, 166.
дѣска 128, 129.
дымъ 120, 121.
дѣва (обида) 36, 87, 114.
дѣвица 159.
дѣвка 22, 83.
дѣдень 139, 158.
дѣдъ 139.
дѣлати 105.
дѣло 28, 29, 150.
дятель 184, 185.
емляху см. имати.
жадень 135.
жажда 176.
жалоба 183.
жалость 30, 72.
жалощами 111.
жаль 109.
ждати 63.
же 51.
желѣзныи 30, 31, 36, 123, 131, 132,
151.
жемчюжень 157, 158.
жена 119.
женчюгъ 128.
жестокыи 137, 171.
животь 96, 163.
живыи 30, 54, 55, 145.
жизнь 101, 104.
жирень 113.
жирь 124, 125.
Жля 36, 116.
жребни 154, 159.
за 149, 178.
забрало 125.
забыти 96.
заворочати 108, 109.
завтрокъ 180.
загородити 81, 148, 155.
заднии 139, 140.
закладати 102.
замышление 10, 12, 13, 18, 50, 51.
занести 39.
[запала] 80.
съ зараня 81, 82.
зарѣзати 56.
заря 80, 177. (ср. зоря)
засапожникъ 138, 139.
заступати 29, 30, 75.
заступити 30, 72, 75, 147.
затворити 25, 148, 183.
заткнути 176.
заутренняя 166.
звати 79, 152.
звенѣти 63, 108.
звонити 30, 134, 139, 156.
звонъ 102, 166.
звѣринъ 76.
звѣрь 157.
здравъ 189.
зегзица 170.
зеленыи 103, 181.
земля 22, 37, 76, 92, 100, 107, 134,
151, 173, 174, 178, 184, 187.
земля Половецкая 25, 57, 58, 74.
земля Русская (Руськая земля) 25,
26, 58, 108, 119.
злато 38, 118.
златовръхын 129.
златокованныи 147.
златыи 94, 96, 97, 125, 135, 144,
158.
злаченныи 145, 146, 185.
зло 142.
знаемъ 38.
знаменье 69.
зоря 88 (ср. заря)
предъ зорями 108.
Игорь 46, 60, 61, 151, 153.
идти 89, 93.
избивати 180.
изронити 135.

- изъострити 67.
 имати 120.
 иноходець 103, 104.
 Инъгварь 153.
 искати 67, 68.
 искусити 26, 72, 73, 130.
 испити 26, 72, 74, 130.
 иссушити 122.
 истягнути 57.
 ити см. ийти.
- казати 177.
 каленныи 94.
 каменныи 22, 173.
 камо 94.
 [Канина] 103.
 Карна 36, 116.
 [кая] 95, 96.
 Каяла 90, 91, 103.
 каяти 124.
 Киевъ 119, 126, 149.
 кикати, кыкати 105, 106, 170.
 класти 163.
 клекоть 79.
 клектати 32.
 кликати 76, 116.
 кликнути 36, 116.
 кликъ 93, 143.
 клоюка 160.
 кнѣсь 128, 129.
 княжь 99, 100, 105, 142.
 князь 22, 114, 144, 165.
 Кобякъ 123.
 ковати 30, 100.
 [ковыла] 103.
 ковылие 173.
 когань 17, 18, 186, 187.
 кое 155.
 кожухъ 84.
 коли 141.
 коли ... тогда 180.
 комонь 22, 62, 63, 65, 71, 116.
 конецъ 38, 66, 73.
 [о кони] 160.
 Кончакъ 61.
 копие 38, 66, 73, 90.
 [копиа поють] 169.
 копыто 107.
 корабль 173.
 король 61, 147.
 кость 20, 39.
 котора 25, 99, 100, 121.
 [которою] 99, 121.
 которыи 121.
 кощеи 125.
 крамола 18, 25, 30, 99, 100, 105.
 красныи 22, 56, 83, 175, 176.
 кречеть 86, 88.
 крыло см. крыло.
- крильце 130, 171.
 кричати 37, 78, 143.
 кровавыи 22, 88, 110, 157, 164, 171.
 кровать 22, 127.
 кровь 107, 136, 137, 145, 146, 157.
 кромѣ 187, 188.
 крыло 36, 113, 157.
 крѣпость 57.
 крѣсити 116, 152.
 до куръ 165, 166.
 [с три кусы] 162.
 кѣметъ 65, 118.
 кыкати см. кикати.
- лада 117, 118.
 лебединыи 36, 113.
 лебедь 19, 20, 32, 54, 55, 78.
 лежати 95.
 лелѣяти 66.
 летати 28, 29, 59, 60.
 летѣти 37, 107.
 лжа 25, 30, 99, 121.
 ли 48.
 лисица 32, 79.
 листовие 152.
 Литва 151.
 лоно 128.
 лугъ 180.
 лука 122, 123.
 лукъ 38, 66, 67.
 луце (лучше) 70, 71.
 лучь 176.
 лѣпо 47, 48.
 лѣто 98.
 любо 74.
 любь 159.
 люди 165.
 лютынъ звѣрь 37.
 Ляцкыи 155.
- мало ли ... 172.
 не мало 181.
 малое ... великое 115.
 мечь 135.
 метати 36, 148.
 мечь 25, 94, 122, 136, 156, 158.
 ми (дат. пад. от «азь») 108.
 мильи 63, 97.
 минути 98, 168.
 мльвити 185.
 мльния 30, 89.
 многовои 138.
 Могути 138.
 мон
 се мое ... то мое 114, 115.
 молодыи 22.
 молотити 163.
 Морава 123.
 море 22, 91, 113, 115, 122, 123, 134.

- мостити 22, 84.
 мость 22, 84.
 мръкнути 80.
 Мстиславичи 153, 155.
 Мстиславъ (Владимирович) 56.
 Мстиславъ (Всеволодич или Яросла-
 вич) 152, 153.
 мужатися 139.
 мужество 57.
 мутень 126.
 мутно 92.
 мыкати 36, 116, 117, 172.
 мысль 19, 22, 28, 29, 38, 52, 118,
 144, 148, 150, 177, 178.
 мысленыи 59.
 въ мытехъ 141.
 мыгла 80, 161, 177.
 мѣрити 28, 29, 177, 178.
 мѣсяць 31.
 мя (род.-вин. пад. от «азъ») 127.
 на 91, 109.
 навести 57.
 наводити 159.
 наниче 142.
 напасть 119.
 напереди 65.
 наплънитися 57.
 напярчи 38, 66, 67.
 нарискати 120.
 насадъ 174.
 насилие 159.
 насильно 172.
 наступити 122.
 насыпати 125.
 начяти 47, 49.
 начятися 51.
 наю (род. пад. от «въ») 186.
 невесельи 112.
 неготовыи 77.
 неже 70, 71.
 незнаемъ 76, 100, 170.
 нельзѣ 168.
 нелюбие 181.
 Немига 162—164.
 [несошася, не сошло] 129.
 нетрудныи 172.
 нечестно 136.
 ничати 111.
 Новъ-градъ 162.
 ногата 144, 145.
 носити 28, 29, 150.
 ночь 80.
 си ночь 126, 127.
 ношь 32, 75.
 нужда 134.
 ны (дат. пад. от «мы») 48, 108.
 нынѣ 169.
 нынѣшнии 57.
 нѣговати 128.
 нѣмци 123.
 о (предлог) 156.
 оба поля 18, 19, 60.
 обиди 18, 26, 30, 86, 87, 103, 113.
 облако 172.
 обратитися 90, 142.
 обычан 22, 98.
 объдъ 180.
 обѣситися 161.
 Оварьскыи 95.
 одолѣти 136, 150.
 одѣвати 106, 107, 181.
 ожереліе 158.
 озеро 122.
 око 38, 118.
 оксамитъ 84.
 Олегъ (Игоревич) 133.
 Олегъ (Святославич) 18, 61, 98, 100,
 102, 103.
 Ольговичи 152.
 Ольговъ 46, 98, 103, 186, 187.
 омочити 170.
 опутати 22, 131, 132, 185.
 орель 22, 32, 53, 79.
 орѣтъма 84.
 Осмомысль 146, 147.
 острыи 156.
 оступити 93.
 осѣдлати 22, 65.
 отворити 25, 38, 67, 149, 162.
 отворяти 149.
 отень 96, 97, 144.
 отъ ... до 56, 57.
 паволока 83.
 [паворзи] 150, 151.
 паполома 22, 30, 103, 116, 127.
 пардужъ 133.
 пѣсти 109.
 пѣсти 78.
 пѣстися 123.
 пахатися 18, 90, 169.
 печаль 30, 120, 148.
 Пирогошя 188.
 пиръ 23, 31, 110.
 плавати 145, 146, 150.
 плакати 117, 171.
 плакатися 183.
 пламянъ 36, 116, 117.
 плескати 113.
 плькъ 22, 25, 36, 45, 56, 59, 106,
 123, 152.
 въ ... плькы 106.
 Пльснѣськъ 129.
 по 102, 108, 170.
 по- (префикс) 90, 110, 111.
 побарати 189.

- поблюсти 144.
 побѣда 115.
 побѣдныи 154.
 побѣчи 77, 78.
 повити 38, 65, 66.
 поволочился 133.
 повѣрщи 151.
 повѣдати 88, 89, 185.
 повѣсть 49, 56.
 поганыи 31, 82, 83.
 погаснути 133, 177.
 погрузити 125.
 погыбати 104.
 погынути 114.
 подати 133.
 подвизатися 179.
 подклонити 25, 151.
 подпрѣти 36.
 подпрѣтися 147, 160.
 подъ 143.
 подѣлити 30, 152, 156.
 пожрѣти 182.
 позвонити 156.
 позрѣти 71, 72, 130.
 поискати 130.
 покрыти 80.
 поле 22, 25, 28, 29, 61, 73, 75, 80,
 81, 100, 148, 149, 155, 176.
 поле Половецкое 25, 73, 74.
 полелѣяти 66.
 полетѣти 37, 170.
 полечи 110, 111.
 ползти 184.
 полизати 157.
 поли(я)ти 107.
 Половецкая земля см. земля.
 Половци 151.
 [полозне] 184.
 полонити 26, 70, 71, 129.
 полудьние 109.
 полуночи 178.
 полунощы 78, 161, 177.
 помалькнути 184.
 помнити 53.
 помолодиться 90, 141.
 Поморие 76.
 помчати 83.
 помѣркнути 132.
 помянути 168.
 понизити 158.
 поничи 30, 158.
 поострити 57.
 попонити 110, 111.
 породити 86, 87.
 порохъ 37, 92.
 посвѣчивати 94, 95.
 поскепати 95.
 поскочити 37, 94, 179.
 послушати 76.
 пособие 142.
 постлати 30, 103.
 Посулие 76, 103.
 посуху 145.
 посѣяти 20, 39, 100, 101, 107, 164.
 потечи 37, 180.
 потокъ 122.
 потоптати 25, 82.
 потрепати 38, 118, 119.
 потручатися 90, 156.
 потяти 26, 70, 71.
 [похоти] 72.
 похытити 30, 139, 140.
 почяти 56.
 правити 88.
 прадѣдень 139.
 прегородити 81, 93.
 преди 55.
 преднии 139.
 преклонитися 112, 184.
 прелетѣти 28, 144.
 прерыскати 166.
 претрѣгнути 180, 181.
 при- (префикс) 73.
 привести 30.
 пригвоздити 168, 169.
 прикрывати 37.
 прикрыти 69, 113.
 приламатися 90.
 приложити 74.
 приломити 73.
 приодѣти 157.
 припѣвка 14, 20, 167.
 припѣшати 130.
 притоптати 122.
 притрепати 122, 139, 156, 157.
 [притрепегати] 122.
 пробити 173.
 проляяти 136, 137.
 прострѣти 176.
 прострѣтися 133.
 прѣвое 167.
 прѣвыи 53, 168.
 прѣсть 54, 55.
 прыскати 94.
 прыснути 176.
 прѣклонитися см. преклонитися.
 птица 115, 140, 141, 186.
 птичь (птиць) 32, 75, 78.
 пустыни 112.
 Путивль 173.
 путина 22, 131, 132.
 луть 38, 72, 177.
 пушчати 48, 54.
 пѣакъ см. пѣакъ.
 пѣрвыи см. пѣрвыи.
 пѣснотворецъ 16, 18, 186.
 пѣснь 9, 10, 13, 21, 25, 50, 52, 185.

пѣти 25, 50, 60, 123, 124, 135, 188.
пятькъ 81, 82.

радъ 188.
развѣяти 173.
разлиятися 30, 120.
разлучитися 90, 109.
разумѣти 178.
разшибити 139, 162.
рана 22, 26, 95, 96, 142, 143, 146,
171.

рано 88, 136, 170.
раскропити 26, 36, 144.
раствѣкаться 19, 52, 148.

рассутися 83.
расти 48, 101.
расхитити 154.

ратаи 105.
ратныи 57.
ратъ 18, 22, 106.
въ . . . рати 106.

Редедя 56.
резана 144, 145.
речи 185, 186.

рече 53, 54.
ркучи 117, 171.
рци 22, 78, 116.

ржати 63.
У Римъ 143.

рыскати см. рыскати.
рогъ 36, 116, 117.
розно 18, 169.

рокотати 55.
Романъ (Мстиславич) 149—153.
Романъ (Святославич) 61.

роса 180.
роспустити 78.
[рострена к усту] 183.

рострѣляти 185.
Рось 76, 77, 152, 156.
рукавъ 170, 171.

Русичи 74.
Русская земля см. земля.

ручен 182.
рыкати 146.
рыскати 60, 165.

рѣвка 37, 90—92, 122.
рѣтко 105.
Рюриковъ 169.
рядити 148, 164, 165.

сабля 31, 38, 94, 143, 156.
салтанъ 149.

самъ 55.
сватъ 110.
свивати 18, 60.

свиснути 178.
свистъ 75.
свычан 22, 98.

свѣдомъ 65.
свѣтитися 188.
свѣтлыи 64, 68.
свѣтъ 64, 80, 88, 89, 151, 185.
до свѣта 107.

Святъславличъ 64.
Святъславль 46, 174, 186.
Святъславъ (Всеволодович) 121.
Святъславъ (Ольгович) 133.

сдумати 22, 38, 118.
сердце 57, 137.
сидѣти 147.

сизыи см. шизыи.
сила 112, 113.

въ силахъ 113.
сильныи 138.
синии 22, 30, 89, 113, 127, 134.

скакати 59, 67.
сквозѣ 173, 174.
сковати 137.

скочити 37, 160, 161, 179.
скратитися 101, 105.

слава 25, 26, 30, 55, 60, 63, 67, 68,
102, 103, 123, 124, 139, 140, 156,
157.

себя, собою 180.
славии (существ.) 59.

славии (прилаг.) 81.
слати 174.

слеза 135, 136, 174.
слово 45, 49, 135.

Словутичъ 173.
слышати 102.

не слышано 106.
слышати(ся) 169, 170.
слѣд 88.

на слѣду 184.
слѣтѣти 130, 131.
смага 22, 36, 116, 117.

сморгъ 177.
смысленыи 167.

смыслити 22, 38, 118.
смѣшати 127.

снести 133, 134.
снопъ 163.

соколецъ 185.
соколичъ 185.
соколь 19, 20, 31, 32, 37, 39, 54, 55,
61, 86, 88, 130, 153.

солнце 29—31, 68, 89, 132, 151, 174,
175, 188.

соловии 58.
сонъ 126.

сорока 20, 184.
София 104.

[спала] 72.
спати 177.
сребренныи 30, 86, 137, 155, 156.
сребро 38, 118.

- среди 107.
 сронити 152.
 стадо 54.
 старын 18, 49, 55, 56, 58, 140, 168.
 створити 137.
 стлати 181.
 стлѣпь 132.
 столъ 96, 97, 130, 144, 147.
 стонати 32, 75, 119, 168.
 стояти 63, 93, 94.
 страдати 166, 167.
 страна 93, 188.
 стремь 74, 75.
 стрѣщи 182.
 Стрибожь 91, 92.
 стругъ 182, 183.
 стружне 85, 86, 160, 161.
 струна 54, 55.
 струя 182.
 стрѣла 37, 89—91, 94, 100, 107, 185.
 стрѣлка 172.
 стрѣляти 145, 149.
 студеный 22, 180.
 стукнути 178.
 стягъ 37, 63, 82, 92, 93, 109, 158.
 судити 164, 165.
 судъ 30, 102, 148.
 судъ божни 167, 168.
 Сула 63, 76, 77, 152, 156.
 сулица 151, 155.
 [схотию, с хотию] 157.
 съ 89, 115.
 сѣглядати 38, 118.
 сѣпрячи 176.
 сыновець 136.
 сынъ 46, 145, 164.
 сыпати 106, 128.
 сѣдина 137.
 сѣдлати 65.
 сѣдло 125.
 сѣнь 181, 182.
 сѣрын 22, 53, 67.
 сѣяти 30, 100, 101.
 сѣятися 48, 100, 101.
 ся 51, 90.

 тако 182.
 тамо 94.
 творити 52.
 текоть 185.
 темень 183.
 темно 132.
 теплын 175, 181.
 теремъ 129.
 течи 22, 30, 37, 92, 116, 120, 148,
 149, 156.
 ти (дат. пад. от «ты») 108, 144, 187.
 ти (частица) 65.

 тисовъ 22, 127.
 тальковинъ 128.
 то 121.
 тогда 54, 180.
 только 184.
 тоска 22, 30, 119, 143, 144, 148.
 тотъ 61.
 трава 111, 157, 181.
 трепетати 89.
 тресвѣтлын 174, 175.
 треснути 107, 134, 151.
 трещати 38, 107.
 тропа 60.
 тростие 179.
 Троянь 60, 98.
 труба 22, 38, 63, 158.
 трубити 22, 63, 158.
 трудный 49, 50.
 трудъ 127.
 трупие 105.
 трусити 180.
 ту 90, 124.
 туга 22, 107, 112, 119, 143, 144,
 176.
 туль 38, 67, 128, 176.
 туръ 63, 64, 146 (см. Бун Туръ)
 тутнети 37, 92.
 туча 22, 30, 89.
 тѣи 99.
 тѣщини 128.
 ты 144, 145.
 тѣма 69, 133.
 Тѣматороканъ 130.
 Тѣматороканьскыи 77.
 тѣло 163, 164, 187.
 тѣлѣга 37, 78.
 тяжело 187.

 убудити 30, 32, 75, 99, 113, 121.
 убудитися 81.
 удалын 145.
 уедне 106.
 уже 78, 79, 119.
 ужина 180.
 узорочье 85.
 умъ 28, 29, 57, 59, 60, 72, 150.
 уноша 183.
 уныти 125, 158, 183.
 усобица 18, 25, 30, 53, 101, 104,
 114.
 успети 80.
 успити 30, 99, 121.
 утро 102.
 [утрѣже ваззни] 161, 162.
 утрѣвѣти 151.
 утрѣвѣти 171.
 ухо 102.
 ущекотати 59.

харалужный 94, 163.
хвала 134.
Хинова 133, 151.
хлъмъ 122.
хоботъ 169.
[Ходына] 186.
хоробрыи 56, 86.
хорюговъ 85.
хоть 16, 17, 97, 186, 187.
храбрыи 86, 145, 150, 152.
христьяне 189.
Хръсь 61, 166.
худыи 153, 154, 182.
хула 133, 134.
хытръ 167.
двѣлити 136.
двѣты 183.
чага 145.
чаица 182.
чему 172.
чепъ (цеп) 163.
Черниговъ 102, 119.
честь 26, 67, 68, 96.
чи
а чи 140.
чи ли 62.
чистыи 75.
чолака 85.
чресъ 60.

чръныи 20, 22, 30, 88, 89, 100, 107,
127.
чръпати 127.
чръленыи 22, 79, 85, 116.
чрънядь 182.
что 108.
чужыи 182.
Шарокань 135.
шеломъ 22, 26, 36, 38, 72, 94, 95,
116, 144, 145, 156.
шеломьянь 79.
шереширъ 145.
шестокрилець 153, 154.
шизыи 22, 53.
широкыи 22, 61.
ширяться 150.
шумѣти 108.
щекоть 59, 80.
щить 79, 81.
Ъздити 184.
япончица 84.
Ярославль 98, 99.
Ярославна 97, 98.
Ярославъ 55, 56.
яруга 32, 38, 66.
Ятвязи 151.

СОДЕРЖАНИЕ

Основные вопросы поэтики «Слова о полку Игореве» . . .	3
Стилистический и лексический комментарий к «Слову о полку Игореве»	45
Список сокращений	190
Словоуказатель	193

В. П. Адрианова-Перетц
„СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“
И ПАМЯТНИКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XI—XIII веков.

Утверждено к печати
Ученым советом Института русской литературы
(Пушкинским домом) АН СССР

Редактор издательства *А. А. Воробьева*
Технический редактор *Г. А. Смирнова*
Корректоры *Е. В. Вивчар* и *Э. В. Коваленко*

Сдано в набор 16/III 1968 г. Подписано к печати 16/VIII 1968 г. РИСО АН СССР № 42—158Р.
Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бум. л. 6³/₈. Печ. л. 12³/₄ = 12,75 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 14,07.
Изд. № 3803. Тип. зак. № 968. М-37916.
Тираж 3000. Бумага типографская № 1
Цена 1 р. 09 к.

Ленинградское отделение
издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука», Ленинград,
В-34, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“

В магазинах конторы „Академкнига“
имеются в наличии книги:

Бегунов Ю. К. Патриотический памятник русской литературы XIII в. „Слово о погибели русской земли“. 1965. 231 стр. *Цена 87 к.*

Будовниц И. У. Словарь русской, украинской и белорусской письменности и литературы до XVIII века. 1962. 398 стр. *Цена 3 р. 34 к.*

Дмитриев Л. А. История первого издания „Слова о полку Игореве“. Материалы и исследования. 1960. 377 стр. *Цена 1 р. 93 к.*

Древнерусские рукописи Пушкинского Дома. Сост. В. И. Малышев. 1965. 230 стр. *Цена 50 к.*

Еремин И. П. Литература Древней Руси. Этюды и характеристики. 1966. 263 стр. *Цена 1 р. 12 к.*

Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы. Труды Отдела древнерусской литературы. Том 21. 1965. 402 стр. *Цена 2 р. 20 к.*

Песни Печоры. (Серия „Памятники русского фольклора“). 1963. 459 стр. *Цена 2 р. 62 к.*

Труды Отдела древнерусской литературы.

Том 16. 1960. 655 стр. *Цена 3 р. 55 к.*

Том 17. 1961. 699 стр. *Цена 3 р. 72 к.*

Том 18. 1962. 608 стр. *Цена 3 р. 43 к.*

Заказы на книги направляйте по адресу:

Москва, В-463, Мичуринский пр., 12, магазин
„Книга — почтой“ Центральной конторы „Академкнига“
или Ленинград, Д-120, Литейный пр. 57,
„Академкнига“, магазин „Книга — почтой“

О П Е Ч А Т К И

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
17	22 снизу	аминьи	аминь
48	7 сверху	Перетц	Перетц ₁
87	19 »	чръный	чръныи
92	8 »	всеми	всему
139	21 »	подълимъ	подѣлимъ
157	10 снизу	Брячеслава	Брячяслава

